

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК МГУ»
ЛАБОРАТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
АКАДЕМИЯ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

РОССИЯ: ВИБРИРУЮЩИЕ ГОРИЗОНТЫ

*Монография по итогам
Всероссийской научно-практической конференции*

*Под редакцией
Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной,
С.С. Нипы, Т.С. Сухиной*

«ДЕРЖАВИНСКИЙ»

Москва–Тамбов

2019

УДК 330.1
ББК 65.5
Р76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

к.э.н. **Е.С. Зотова**; к.э.н. **Н.П. Недзвецкая**; к.с.-х.н. **С.С. Нипа**;
д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов (председатель)**;
д.э.н., профессор **В.В. Смагина**; к.ю.н. **В.Ю. Стромов**; **Т.С. Сухина**;
Т.Г. Трубицына; д.э.н. **С.П. Юхачев**

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.э.н., профессор **В.Т. Рязанов**;
д.э.н., профессор **А.Ю. Архипов**

АВТОР ИДЕИ МОНОГРАФИИ – **Ю.М. ОСИПОВ**

Издание осуществлено при поддержке Тамбовского
государственного университета имени Г.Р. Державина
Ректор – к.ю.н. **В.Ю. Стромов**

Россия: вибрирующие горизонты : монография по итогам
Р76 Всероссийской научно-практической конференции / под ред.
Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной, С.С. Нипы, Т.С. Сухиной. –
М. ; Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2019. – 264 с.

ISBN 978-5-00078-272-9

Книга о современной России, переживающей в неоднозначном
мировом контексте сложный период становления и поиска новой
исторической формы бытия, всестороннего перспективного развития.

Всем, кому дорога и интересна Россия, кто задумывается над ее
проблемным настоящим и волнующим будущим.

УДК 330.1
ББК 65.5

ISBN 978-5-00078-272-9

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова», 2019
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина», 2019

Россия сегодня: вибрирующие горизонты

Научный совет «Центр общественных наук МГУ» и лаборатория философии хозяйства Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова провели совместно на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, с участием администрации Мучкапского района Тамбовской области Всероссийскую научно-практическую конференцию «Россия: вибрирующие горизонты» (3–4 июля 2018 г.), по плодотворным итогам которой было принято решение подготовить в согласии с ее концептом коллективную монографию, что и было сделано заинтересованным научным сообществом.

«Горизонт» – не только метафорический образ, служащий актуальному размышлению о существующей России, это ведь и стоящая за образом актуальная реальность – совсем не простая, внешне вроде бы и устойчивая, чуть ли не прочная, но ... как бы лучше выразиться ... не слишком внутри себя для себя же ... э-э ... надежная, что ли, то бишь весьма и по-разному *вибрирующая*: как позитивно – обновленчески, развитийно, прогрессно, так и негативно – от чрезмерных неустойчивостей, дисгармоний, чрезмерных неравенств, произволов, несправедливостей, гнета, кабалы, бесперспективности, а главное – от *неадекватности* возникшего по итогам «рыночного реформирования» социохозяйственного строя задачам полноценного – суверенного, целостного, гармоничного, будущего, а главное – более или менее справедливого внутри себя бытия России.

Не всё в нынешней России, разумеется, плохо, как и не всё, конечно же, хорошо, – и дело тут не в весовом соотношении хорошего и плохого, и даже не в весьма неудовлетворительном сопряжении между малым таки хорошим и таки большим плохим, а в некоем общем системном напряжении в недрах текущей реальности, которое как раз и задает особого рода третью вибрацию – вполне и нейтральную (не позитивную и не негативную), не сильно и фиксируемую обыденным сознанием, а вследствие этого и особенно опасную для текущего бытия, ибо она – эта *нейтральная* вибрация – питается не чем-нибудь, а ... мертвящей *энтропией*, как и вызывает, перейдя в один прекрасный момент в неостановимый *флаттер*,

не что-нибудь, а ... вибрационное *разрушение* нейтрально перенапрягшейся бытийной системы.

Нет, конечно, сия перспектива не на повестке нынешнего российского дня, – вовсе, надо полагать, не на повестке, – хотя в глубинах российского социохозяйственного материка, не говоря уж о его бурливой преисподней, что-то этакое все-таки ... э-э ... имеет место, а именно некая глубинная, сама, вроде бы, никак особенно в реалиях и не выраженная, но почему-то заставляющая трепетать вполне себе выраженные российские горизонты!

Отчего же так?

Выскажемся версионно: от принципиального несоответствия возникшей ныне внешней поверхностной России ее внутреннему эгрегорному прообразу, или иначе – *из-за метафизического конфликта России актуальной с Россией вечной!*

И как же тут обойтись стране без, вроде бы, нейтрально вибрирующих горизонтов, грозящих в случае отсутствия органичных и потребных стране фундаментальных преобразований пуститься в непристойный, типа масленического, перепляс?

Не так уж и важно, удалось ли нам, авторам сей монографии, схватить за хвосты, как Иван-царевич Жар-птицу, ускользящие от размыслительного внимания чародейные российские горизонты, да еще и впрямь с ними по-ученому разобраться, нет, конечно, не в этом сталося тут дело, а, скорее, лишь в попытке обратиться вслух к безмолвным горизонтам России, прямо как Иван-царевич к матушка-Земле и батюшке-Небу, да и услышав их – горизонтов – беззвучно скрипящую вибрацию, осмыслить в меру сил и возможностей кое-что из реально происходящего ныне в бескрайних российских окаемах, до краев переполненных страдой, нелепостями и тайной!

* * *

Великая признательность от авторов монографии Тамбовскому государственному университету имени Г.Р. Державина, лично ректору ТГУ В.Ю. Стромову и проректору ТГУ В.В. Смагиной, а также всем, кто работал над монографией и ее изданием, за опубликование сего неоднозначного, но вполне своевременного и искреннего научно-философского труда!

Ю.М. Осипов

Горизонт первый.

Россия и XXI век: движение к иной экзистенциальной модели

1.1. Вибрирующие горизонты России¹

Ю.М. Осипов

«Горизонт» – нормальное словечко для необъятной и недоуменной России: куда ни кинь блуждающего взгляда, везде увидишь удаляющиеся в неведомое горизонты, непременно и вибрирующие – от далей, от игры света и тени, от путевой и целевой неопределенности.

«Горизонт» – совершенно адекватное для России *понятие* – что онтологическое, что гносеологическое, за которым стоит не одна лишь огромность России, даже не только ее *мир*-ность (Россия – не просто страна, это *целый мир*, а ежели и страна, то более всего не от «стороны», а от ... *странности!*), как и не только некая невыраженность, даже размытость образа – что пространственная, что временная, не только сама по себе загадочность России, ее бытийно-исторического пути, – за понятием «горизонт» скрывается наряду со сказанным не что иное, как ... *неотмирность России*, ее и в самом деле странное единение с иным миром, не совсем зэмным, а, может, совсем и не зэмным, а каким-то другим, не явленным в заметной глазу окружающей данности, но неявно в зэмной и незэмной данности присутствующим, еще и не нейтрально присутствующим, а вполне себе действенно, разумеется, незнаемо для истого наблюдателя и как!

Это как раз то самое особенное, что делает Россию (*Не*)Зэмной, немало, пожалуй, и преисподненской, хотя и

¹ Опубликовано: *Философия хозяйства*. 2019. № 1. С. 11–21.

немало занебесненской тоже, в общем, не такой, как все: западные ли, восточные ли, южные ли страны, вовсе и не лучшей, чем все они, да и не сильно худшей, а попросту ... *иной* – с иным генезисом, иным сущным образом, иным бытием, иной историей, иным, надо полагать, и будущим, – нет, вовсе не свободной от зёмного мира, в нем сидящей, от него немало и зависимой, но все-таки ... *иной* – не то, что особенной, что понятно, а *вообще иной*, вовсе не таковской, из какого-то другого, так сказать, теста и на какой-то иной закваске.

Корни России где-то в глубоком изначалье, Россия экзистентирует очень и очень давно, с незапамятых времен, хотя Россией она, даже Русью, когда-то и не называлась, а ежели и была Русью-Россией, то всего более как идея, замысел, смысловая завязь, как эгрегор. *Доисторическая протоРусь – древняя и средневековая историческая Русь – нововременская и уже нынешняя Россия*. Нет, не от Рюрика и уж тем более не от Владимира Святого пошла Русь-Россия, а от незапамятья, от ведо-волхвических изначалий, что подтверждается не так артефактами и письменными источниками, как словом русским, бездонными по смыслам русскими сказами, а всего более – характером русским – древним, корневым, неистребимым.

Само начало Руси-России где-то за историческим горизонтом (а может, и за доисторическим), а потому и за горизонтом неопределенным: расплывчатым, мерцающим, ускользающим, в общем – *вибрирующим*.

Тут ведь большая и затяжная мистериальная игра *мира Зёмного и мира Иного*, в которой не то призом, не то козырем, не то просто разменной картой служит Русь-Россия, – сама при этом *игрок*, отчего и нескончаемая вибрация русского пространства и русского времени, как и самой Руси-России, ее физики и метафизики, даже когда явленной Руси-России как бы и нет, а есть лишь застрявшая где-то в Нави какая-то *(Не) Русь-Россия*.

Если Россия *проект*, то это проект неведомых сил, ибо, как показывает реальное бытие-история, Россия, вынужденно надевая на себя тот или иной текущий проектный образ, никак в полной мере его не признает и окончательно своим не считает – как неловко надевает его, так и ловко сбрасывает, что говорит о

том, что Россия в своей реальной зёмной ипостаси – *сама-себе-проект!*

Да, какой-то замысел-проект для России есть, как раз оттуда, то бишь... *ниоткуда – из иномирья*, но это весьма трансцендентный проект, никак и никому и не известный, включая и саму Россию, а потому Россия – *сама-себе-проект*: и то, что у нее по ходу и на ходу выходит, то и выходит, а предлагать России какой-то «верный» умозрительный проект – сущая безделица, не раз уже тяжело и кроваво исполненная, хотя можно, наверно, проникнув в эгрегор России и как-то его обзрев и осознав, немало и поспособствовать самореализации России – самой по себе, ради себя и ради мира человеческого.

Самое любопытное, что сегодня, уже в XXI в., данное понимание России и такое отношение к ней очень и очень потребны – *пора уже дать России дорогу к самой себе!*

И сделать это надо вопреки внутренней и внешней антиРоссии, с ее резко ныне поднявшейся бесподобной русофобией и открыто ведущейся со стороны Запада против России (именно России, а не просто Российской Федерации) «гуманитарной», – обратим на это заковыченное словечко внимание, – войны, то бишь войны на уничтожение России как особенного смыслового – и именно *гуманитарного*, а не какого-либо еще – феномена.

Дело в том, что Россия как экзистенциально-геостратегический субъект вдруг взяла, да и заявила во всеуслышание прямо посреди западного края «глобальной глобализации» о *своей* самостоятельности, о следовании *своему* геополитическому курсу, о приоритете *своих* национальных интересов, а главное – о нежелании переставать быть Россией, что сразу же поставило ее в положение экзистенциально геостратегического конкурента и даже противника Запада во главе с США, упорно продолжающего свой имперский натиск на Восток Европы, присоединяя к себе как еще недавно бывшие под главенством СССР государства из так называемой «международной соцсистемы», так и кое-какие бывшие территории самого СССР, оказавшиеся вдруг новыми «независимыми государствами».

На этот новейший натиск Запада на европейский Восток, на этот очередной «Дранг нах Остен», Россия, как это уже случилось в истории не раз, ответила стойким сопротивлением,

перестав верить в эфемерный (фейковый) солидаризм с глобализованным, хотя и полным своих собственных неразрешимых противоречий, Западом, бесцеремонно ведомым в бездну неизвестности явно уже тронувшимися с ума в своем имперском бессознании самонадеянными США.

Тут-то и заиграли всюю российские, хотя и не только российские, экзистенциальные, гуманитарные и геостратегические горизонты, которые Россия оказалась обязанной защитить, утвердить и «обороссить».

Пошла большая, сложная, неоднозначная, противоречивая и весьма рискованная для России и всего зёмного мира игра, вpleтённая в *Большую общемировую игру*, разверзшуюся на Земле в наступившем XXI в., где игроками не только Запад с США, или лучше – США с Западом, а и весь, или почти весь, *неЗапад*, причем вовсе не только Восток, но и Юг с кое-каким Севером впридачу.

Россия сейчас в самой гуще *Большой общемировой игры* – как субъект-участник и как субъект-объект тоже, ибо игра тут не за какой-то нейтральный и приемлемый для всех игроков приз, а за саму для каждого из участников собственную экзистенцию – как факт, как образ, как контент, как континуум. Не шуточная тут вовсе игра, а близкая к той, которая ведется прямо-таки «не на жизнь, а на смерть», причем, заметим особо, по преимуществу и как «игра без правил».

Вполне «гуманитарная», так сказать, игра!

Россия в этой игре вовсе не на периферии, а в самом ее центре (если не в самом ее пекле), ибо (и отчего) у России не только свои национальные горизонты, а и мировые тоже, – *мировая ведь это держава – Россия*, – оттого и горизонты у нее безграничные, а потому не просто вибрирующие, а, знаете ли, всюю и пляшущие, чуть ли не скачущие.

Планетарный мир стремительно меняется, это уже не просто изменяющийся мир, а *мир-перемена*, и хотя США с Западом все еще почитают себя за наверхшие построенной ими мировой глобализованной пирамиды, причем наверхшие лидирующее, управляющее, господствующее, но в реальности это уже не совсем так, а кое в чем и совсем не так: мировая глобализованная пирамида не просто трещит ныне по швам, но и шаг за шагом распадается на ряд мировых пирамид, среди которых и вновь

поднимающаяся российская (может, и евразийская) пирамида. А началось все для России со слова (*Слова!*) – с мюнхенской (2007 г.) речи главы российского государства, в которой была обозначена невозможность суверенного пребывания России в западо-американской «семье» по причине имперо-колониального поведения США и Запада относительно России и всего мира, продолжения излюбленного ими «Дранг нах Остен», созидания вокруг России полосы напряженности и так называемой военно-базовой «Анаконды».

Нечестная и нечестивая игра Запада с Россией, оказавшейся в «перестроечные» и «реформные» 1980–1990-е гг. в роли зависимого псевдо-игрока, была-таки Россией прервана: Россия предпочла для себя тогу самостоятельного игрока, имеющего свои интересы, независимое суждение и свои на руках карты и козыри, – негоже было великой ядерной державе участвовать в игре с западными «партнерами» в функции и с позиции лоха-вассала, призванного к хитроумной игре шулерскими «ведунами» для его заведомого проигрыша.

За словом, сказанным в Мюнхене, а точнее, за слово, сказанное в Мюнхене, пошло наглое высокомерное наступление Запада на Россию, а за кое-какими ее вынужденными отпорными действиями – и настоящая война с Россией, сначала названная весьма коряво «гибридной», а затем уже более изящно – «гуманитарной».

Что ж, сегодня против России чуть ли не единый, хотя не такой уж и монолитный, западный фронт, поносящий Россию и ведущий с ней «гуманитарную войну», готовя и войну настоящую, уже горячую, и противостоящая сему цивилизованному-де фронту не слишком-де цивилизованная Россия – сама ставшая фронтом, но уже оборонным, хотя и не без кое-каких наступательных выпадов и операций.

Фронт! Это словцо еще не вернулось в оживленный публичный обиход в своем корневом значении, но фактически феномен фронта уже налицо. *Внешний фронт* для России уже явно имеет место, он крепок со стороны России, мобилен, в меру активен, что позволяет России не только сохранять и укреплять суверенитет, но и вести свою, немало значимую для себя и всего мира, весьма при этом и загадочную, экзистенциально-геостратегическую игру.

Однако шаг за шагом все более проявляет себя в России и другой фронт – *фронт внутренний*, который вроде бы и не фронт, а так себе ... внутренняя ситуация, но, увы, пусть и подспудно, она все ближе к ... э-э ... *фронтальной*, ибо это ситуация хоть и не явной войны, но и не безмятежного мира, к тому же и ситуация кое-какой борьбы – борьбы не просто за новую Россию, а и за само бытие России как России, ибо тут не одни мотивы и проблемы обновления, роста и развития, а и кое-что куда-как более серьезное: «*Быть России иль не быть, а ежели быть, то какой?*» – не более и не менее!

Пореформенная (с рубежа 1980 – 1990-х гг.) Россия! Что это за образованьице такое; что это за «чудо-юдо», что за полифоническая химера? Кто в ней правит, как правит, зачем правит – без известного и работающего текущего проекта (все кабинетные на заказ «программы» тут не в счет – *концепта национального* как не было, так и нет!), без действенного аппарата, без жизнеутверждающих достижений на векторах занятости, жилья, образования, здравоохранения, науки, гражданской техники, свободного предпринимательства, общенародного благосостояния, а главное, на векторах хоть какой-нибудь нравственной меры и хоть какой-нибудь функциональной справедливости, хоть какого-нибудь воистину дружественного, хотя бы шадящего, отношения правящих и владетельных верхов к народу, стране, природе, ресурсам, интеллекту, городам, территориям? Сложившееся по итогам реформы «управленчество», вроде бы управляя страной, социумом, нацией, ведет при этом чуть ли не настоящую, вполне себе и беспощадную ... *войну* – со страной, социумом, нацией, как раз вполне себе *гуманитарную*, что трудно наивно-честному уму представить, но что имеет-таки место быть!

Не надо тут приводить сонма примеров, не надо и ничего особенно доказывать: куда ни кинь обнадеживающего взгляда, везде одно и то же: безлимитное стяжательство, безудержное частное присвоение, неугомонный грабеж, алчная несправедность, мертвящее менеджериальное безразличие, массивированное неблагополучие масс, дешевая медийная эскапада, ну и вранье, вранье, вранье!

Но что интересно: правящая система влезла, не очень-то, видно, это и замечая, точнее – старательно это не замечая, в *собственный системный кризис* – причем кризис не так даже неверного

и неважнецкого для страны и ее населения *государственно-корпоративного управления*, как кризис *концептуально-экзистенциальный*, не говоря уже о *нравственном*.

Война со страной обернулась-таки для правящей системы *сушностным, смысловым и функциональным банкротством!*

Алчность, произвол, деспотизм – вот три метафизических зверя, на которые воссела правящая пореформенная гвардия, с которых она никак не может, да, видно, и не хочет, слезть и которые завели ее в тупик, ею – гвардией – либо не особенно и осознаваемый, либо на который она закрывает глаза, либо ничего другого и не желает.

А зря!

Тут ведь проблема *фронтového тыла*, без которого *никуда* – что на любом из передних – внешних – фронтов, что и на внутреннем, заднем.

«Отечественная элита» катастрофически недооценивает «подотчетного» ей населения, его ожиданий и настроений, как факта возможной с его стороны поддержки, так и, наоборот, сначала факта его равнодушия к власти, а потом и факта с его стороны ее – власти – *задушевного отрицания*.

Безмолвный энергизм российского населения – та еще сила! Она ведь как на созидательную негэнтропию может работать, так и на разрушительную энтропию – что в среде социума, что в системе самой власти. Революция 1917 г. случилась всего лишь по причине того, что российское население попросту отвернулось от надоевшей ей власти. Не революционеры сделали революцию, не народ, а именно все более терявшая обратную связь, уходящая в себя и становившаяся все более неэффективной и ненужной *власть!* То же самое происходило в стране и в конце XX в., лишь ярко обозначившись непосредственно в 1991 г. Зачем же актуальной власти подменять исторически обанкротившийся коммунистический большевизм, ведший затяжную гражданскую войну со страной, новым большевизмом – буржуазно-глобалическим, не в меру увлекающимся аналогичной, пусть и обозванной теперь «гуманитарной», войной со своей же страной? Может, все это кому-то сегодня и выгодно, но при ускоряющемся бытии-истории такое поведение властей явно недальновидно – особо долгого времени для неолевизма у бытия-истории вряд ли теперь сыщется!

Доминанционный горизонт нынешней власти не совпадает с экзистенциальными горизонтами России, он слишком узок для России и ей явно не адекватен.

Евроамериканизация России все равно не выйдет, как не выйдет вдруг и ее нарочитой евразии: России необходима ... *россиезация*, разумеется, новая, не отрицающая России и с ней антироссийски не воюющая, а полагающая Россию, находящаяся с ней в органическом единении.

А ныне лишь разрастающийся отрыв правящего и господствующего верха от управляемого и эксплуатируемого им низа, вполне и опасный отрыв, за которым маячит сакраментальное: «*Низы не хотят, верхи не могут!*».

Низы без верхов всегда ведь как-то выживают, бытуют, пусть и не слишком наслаждаясь своим житием, а вот верхи без низов – *ничто*, а потому органика между верхами и низами куда предпочтительнее разрыва между ними, да еще и неуклонно нарастающего.

И ежели надежда российских верхов породниться с западными верхами, да еще и не на правах «бедных родственников», не в роли вассалов, кажется, рухнула и канула в лету, то верхам российским (и псевдороссийским, и даже антироссийским) самое «оно» породниться с ... Россией, с (не)своей Родиной, с (не)родным населением, с (не)своим народом, вступив со всем этим (не)своим в органическое единение – тогда-то верхи, может, и выживут – как верхи – разумеется, при их эффективном взаимодействии с уже заведомо проклятой ими (не)своей, но зато старательно обираемой ими страной.

Да, Россия выживает, бытует, существует, однако ... *кризис*, причем в первую очередь *концептуальный*, а это есть не что иное, как ... *кризис* и прежде всего именно *концептуальный*, и такой кризис для страны очень тягостен и безмерно опасен. Верховное правление должно немедля *это* осознать и решительно изменить (не)свой курс, немало изменив и (не)свое действующее коллективное лицо: настал момент пост-реформенного разворота, что, как кажется, и понимается отчасти в верхах, но почему-то на деле никак там «не можется». А надо бы!

Горизонты властей предержавших куда как уже горизонтов России – страшное тут, почти и бездное, расхождение!

Площадная по форме, вполне и водевильная драма власти –

с одной стороны, и экзистенциальная по сути, вовсе не театральная, а вполне житейная, трагедия России – с другой стороны!

Если горизонты власти непроизвольно трепещут – от геночного страха, то горизонты России уже надсадно ноют – от безразмерного абсурда!

Да, не все в отечестве слышат это заунывное попискивание довольных, вроде бы, собой верхов – собственности и властей предержавших, как и это грозное безмолвие изрядно уже обездоленной и зачем-то все еще старательно насилуемой властями и крупным бизнесом вполне себе мирной и в целом лояльной к ним недоумевающей страны!

Странная ситуация, не правда ли?

Впечатление, вполне уже и устойчивое, что власть, заявившая о суверенитете страны и ее великодержавии, отстаивающая все это пред внешним миром, теми же США, во внутренней сфере оказывается пасынком глобалистического евроамериканизма, занимаясь «по-ихнему» переделкой под «ихние» же стандарты всего населенческого жизнеотравления, не считаясь на деле ни с традициями, ни с культурными генотипами, ни с суверенным национальным творчеством, ни даже со здравым народным смыслом.

Жалкое, беспринципное и безапелляционное подражательство, оправдываемое «оптимизацией», «мировыми стандартами», «экономией», «техническим прогрессом», «цифровизацией», «наукометрией», «рейтингологией» и тому подобной фейковой чепухой, – подражательство, не останавливающееся перед самыми настоящими погромами важнейших жизнеотправительных сфер вроде образования, здравоохранения, науки, культуры – то бишь самогó творящего духа нации!

Зачем это «деется»?

Страшно подумать, невозможно высказать! Зачем нам в качестве образца провалившаяся в тартарары в идейно-духовном плане ЕвроАмерика? Разве не понятно, что за сим бездумным подражательством лишь античеловеческий погост? А главное – вместо животрепещущей страны не более чем «серая дыра». И на этой-то дыре верхи собираются спокойно и беззаботно поживать – каково!

Безумие Запада, все или почти все человеческое уже уничтожившее, как-то очень уж любезно воспринято (не)нашими

безумцами: то ли по недоумию, то ли от владельческого страха, то ли от слишком прочной «повязанности». А ведь как раз здесь – в национальной идейно-духовной засаде, весь действительный суверенитет России и зиждется. Правящий же верх маниакально бьет по нему и бьет, наслаждаясь видом разрушаемых им «архаических крепостей».

Вот он – либеральный-де неолевизм!

Была надежда, были ожидания, подтвержденные патриотически возбужденным массовым электоратом, но ... увы!.. все это сразу же после «великой акции» и рассеялось.

Что за самоубийственный шаг, жест, ход?! Такая фантастическая электоральная поддержка и ... *ничего!* – ничего радикально нового, никакого нового курса, никаких значимых перемен. А ведь чего-то *такого* ждали, все прощая возникшему из уголовной пены пореформенному режиму: коррупцию, инфляцию, несправедливости, обираловку, массовую бедность при невиданной роскоши «избранных», «оптимизации», «реформы», «инновации», «прокуратуру», «суд», «полицию», даже бездарных мажоров и разное другое, чем замечен унылый пореформенный «перформанс». И вот: *«На внутреннем фронте без перемен!»* А ведь *такое* уже бывало: и когда-то давно, и тогда – еще на памяти, и совсем недавно: гниение, застой, паралич!

Где она – новая жизнь, а не отгаликивающее прозябание, уныние и бесперспективность? Отчего многая молодежь не видит для себя деловой, творческой, житейской, а главное – моральной, гражданской, благородной перспективы, и утекает за границу, куда ей совсем и не хочется, где ничего воодушевляющего и воистину ценного для себя и не находит?

Да, население (ни в коем случае уже не народ!) в целом молчит, сопит, пыхтит – разочарованно и недоуменно, хотя и не совсем уж молчит, даже втихомолку побуркивает, а кое в чем себя уже заметно и недвусмысленно открыто проявляет, но ... власть, делая старательно вид, что все прекрасно в «королевстве», не вслушивается в это людское, почти что и беззвучное, бурчание, не чувствует силы и энтропийной потенции накапливающейся энергии недовольства и отторжения, не замечает подспудного, угрюмого, «волнования» субсоциальной «подземки».

Родовой присвоительно-накопительный эгоизм не позволяет верхам ни признать низы, ни понять их, ни пойти им навстречу.

«Страшно далеки они от народа!». Однако и от себя самих они тоже страшно далеки, ибо сами по себе они – *никто!*

Любая полноценная нация предполагает единение «верхов» и «низов» (а лучше – «низов» и «верхов»), вовсе и не монолитное, а, скажем так, *компромиссное* – идейно-духовное, личностное, субъектное. И не так в противном случае вершится преступление, как нарастает непоправимая ошибка – помыслить себя «хозяевами» страны и в это непозволительно уверовать!

Суверенитет единой нации – не так в военно-политической ее ипостаси, хотя это и необходимо, как в идейно-духовной, гражданской, товарищеской, даже и родственной, в единении всех и вся – не одинаковых вовсе, по-разному успешных, но перед лицом и в составе нации ... *равных!*

«Ха-ха, – скажут нам, – чего захотелось?», – и сказавшие это окажутся фактически правыми – при бешеных-то разрывах в благосостояниях, текущих доходах, социальных положениях, возможностях ... э-э ... российских «сограждан», – но экзистенциально стратегически, совсем и не эмоционально, сказавшие это: «Ха-ха ...» никак ведь не выступят против реальной возможности *целостного преобразования России – как раз на пути России к России и вокруг нее!*

Доступными широкому населению полунатуральными хлебами, обильными легковесными зрелищами и прекраснодушными фейковыми речами на бесчисленных форумах сей нарастающей неуклонно потребности того же населения во внушительной экзистенциальной перемене не прикрыть, а показным, роботизированным на западный манер, «эффективным управлением» уж никак не достичь!

Генеральная перемена, о которой речь, не может произойти без сонма вспомогательных перемен, весьма и острых, вполне, разумеется, альтернативных как тому, что уже есть и не собирается уходить, так и охотно и бойко ныне проводимых нынешней властью далеких даже от простого здравого смысла «усовершенствований», не говоря уже о систематическом (если не системном) опустошении электронных кубышек ни в чем не повинных перед родной страной ее трудовых насельников.

Альтернатива лихой 1990-х «Реформе» – последовательная *пост-Реформа*, причем никакая не грубая *анти-Реформа*, а лишь достаточно коррекционная *пост-Реформа*, вовсе не

обязательно и очень громкая, совсем и не визгливая, но зато *поступательная* и *необратимая*. Раскручивать сие важнейшее дело можно на основе и вокруг «оборонки» с армией, Ледовитого океана, Дальнего Востока, Крыма или той же киберсферы, но раскручивать-то надо, имея в виду не одни новые продукты, предприятия и отрасли, но и реальное обновление всей нынешней системы праздного и при этом весьма унылого правления, мало того – системы всего жизнеотправления общества, как раз на основе и перед лицом *единой нации*, в ее общих интересах.

Никаких загадок и «невозможностей» тут нет, потребны лишь ясное понимание и твердая воля, не исключая и обостренного чувства самосохранения, – однако от кого же лично ждать понимания и чьей же персонально ожидать воли? Вроде бы, ясно, от кого и чьей, да вот ... не будем далее разворачивать такое «*нехорошество*», а лишь заметим, что старушенция история *никому и ничего* из собственности и властей предержавших не прощает, особенно из-за эгоистической, самодовольной и легкомысленной (не)деятельности.

Что ж, российские горизонты натужно вибрируют, и вовсе не только от обширных страновых далей, но и от вселившихся в страну инородных для нее качественных, поведенческих и управленческих странностей – пореформенных, конечно, от которых она (не)терпеливо ждет постреформенного избавления, все более освобождая себя от актуальных относительно воцарившегося в стране режима иллюзий.

Россия, вперед!

P.S. Автор допускает возможность своей неправоты, мало того, был бы счастлив, оказавшись неправым в оценке всего ныне в России происходящего, но говорить как-то иначе автор почему-то желанием не располагает, да и в гуманитарном концептуальном мониторинге не так важна констатация уже отчетливо проявленного, как превентивное «замечание незамеченного», хотя уже в реалиях подспудно, а то и уже прямо «при дверях», присутствующего.

1.2. Россия в крепко затянутом современном мирохозяйственном гордиевом узле и ее бытийно-экзистенциальные перспективы

В.В. Кашицын

Стремительно ускоряющийся и углубляющийся современный кумулятивный событийный ряд все в большей степени напоминает гигантскую драматическую планетарную воронку, затягивающую и синхронизирующую, на первый взгляд, не связанные между собой события, процессы и проблемы в единое плотное кристаллизируемое целое. Похоже, сложившаяся на планете в течение последних, как минимум, четырехсот лет мир-система окончательно утратила свою эволюционную развитийную устойчивость, целостность и тем самым перспективу.

Хозяйственно-экономической причинно-следственной основой данного эпохального туго стянутого проблемно-бытийного узла очевидно является происходящее на наших глазах завершение понижательной мирохозяйственной волны пятого технологического цикла экономической конъюнктуры, синхронизируемое с окончательной утратой доминирующим мирохозяйственным укладом своей мотивационно-стимулирующей развитие функциональной потенции [1, 565]. Другими словами, переход в ближайшие годы к новому шестому технологическому укладу в формате сложившейся мирохозяйственной системы отношений и методологии ее культивирования стал нереальным ввиду того, что последний ресурс ее использования в лице использования богатства России заблокирован стремлением самостоятельно использовать свои богатства и новыми возможностями обновленного военно-стратегического потенциала.

Поэтому объективно Россия, вне зависимости от своей скромной 1,5%-й доли в мировом ВВП и вне зависимости от своего нынешнего состояния и намерений, оказалась в эпицентре мирохозяйственного расклада в ожесточенной планетарной борьбе за выживание и лидерство в стремительно формирующейся новой мир-системе возможностей и отношений.

Хотелось бы в данном контексте подчеркнуть, что острота и сложность глобально-исторического момента заключаются в том, что стремительно усложняющиеся мирохозяйственные

противоречия выталкивают на первый план в их разрешении фактор времени.

Либо Россия в ближайшие полтора–два года, завершив модернизацию военно-стратегического потенциала и блокировав тем самым горячую мировую войну со своим участием, масштабно и системно развернет принципиально новую модель своего концептуально-стратегического мобилизационного развития. Либо она будет мгновенно, по историческим меркам, уничтожена комбинированным внутренним и внешним ударом. Если иметь в виду, что пока вероятность второго алгоритма превышает вероятность первого, то с учетом фактора времени объективно меняются акценты в шкале измерения: годы жестко вытесняются месяцами, а месяцы неделями и днями.

В стране налицо острейшее проектное мировоззренческое противоречие. С одной стороны, имеет место рассеянное, но объектное, несмотря на серьезные потери, знание внизу, с другой – слабо и противоречиво отреформированное властно-управленческое концептуально-модельное незнание вверху. Не вдаваясь в детали концептуального знания, крайне необходимо обозначить его распознавательный абрис, так как время в такой исторической ситуации ускоряется и детали игнорирует. Предельно актуализировано сегодня время Главного и Целого.

Синтеза противоречивых начал уже мало. Потребна когнитивная революция. Потребен разворот акцентов. В противном случае знание уйдет в песок. Поскольку знание базируется на методологии, то скелетом его является сочетание взаимосвязанных методологием. Одним словом, от целого к части, от абстрактного к конкретному, от метафизики к физике, от общего к частному, от общества к человеку, от планомерного государства к конкурирующему субъекту, от стратегической определенности к ситуационной тактической неопределенности, от долга к желанию, от мира к войне, от системы к элементу, от неосязаемого объективного к осязаемому субъективному, от культуры к праву, от организации к самоорганизации и т. д.

Подвижность и гибкость вышеобозначенных противоречивых начал есть эволюционно-динамическая максима. Статичность и вышеобозначенная акцентированность есть проектно-мобилизационная максима в период когнитивной революции, являющаяся императивом.

Коль скоро, как уже говорилось выше, завершающаяся понижительная волна пятого технологического цикла чередуется входом мирового хозяйства в ближайшие три-пять лет в начальную фазу повышательной восходящей волны шестого технологического цикла с одновременным уходом саморазрушающегося мирохозяйственного уклада, любой догоняющий инвариант модельного развития становится иррациональным. В борьбе за технологическое лидерство, где ваяются новые технологические возможности (шестой технологический уклад) и новые потребительские товарные потребности, сползание в догоняющую периферийность смерти подобно. Поэтому альтернативы самостоятельной опережающей проектной модели развития просто нет. А если иметь в виду макрорегиональную субъектность стремительно формируемой новой мир-системы в мировом хозяйстве, то условием лидерства в грядущем мировом хозяйстве станет наличие своей собственной макрорегиональной группировки. По большому счету, необходимо становиться технологическим лидером ШОС, БРИКС и для начала хотя бы расширенного ЕАЭС, что возможно только через активацию своего собственного внутреннего рынка, рациональная дифференциация и деформация которого за последние тридцать лет «реформ» усилилась в разы. В последнее тридцатилетие приоритет внешнеэкономических связей по отношению к внутрирыночным способствовал системной деградации внутреннего рынка и повышению опасности его полного распада. Поэтому генетика самостоятельной модели опережающего развития не может не быть доминантна внутрирыночной, на чем и должна функционально базироваться модель национального опережающего развития.

Таким образом, новаторский системный рывок в ближайшие три – пять лет, направленный в противоположную тридцатилетней деградации сторону, т. е. в сторону обретения и воспроизводства суверенного техно-экономического будущего, определенно является императивом. Учитывая относительное научно-техническое лидерство России в генерации технологий шестого технологического уклада, модельно-проектный новаторский рывок не только крайне необходим, но и возможен.

Однако следует иметь в виду, что так полюбившаяся российской властной элите цифровизация национального Техноса содержит в себе как серьезные опасности, так и дополнительные

возможности в оптимизации экономики. Например, технологии Интернета, блок-чейна и национальной криптовалюта, не говоря о технологиях искусственного интеллекта, могут способствовать снижению издержек, оптимизации производства, управления и даже борьбе с коррупцией. Если, конечно, Технос будет приспособлен к развитию Хомоса, а не наоборот, как пока чаще всего получается.

И здесь на первый план выступают наука, образование, прежде всего высшее, убийственная тридцатилетняя трансформация которых чуть не закончилась полным крахом в последние пять лет. Болонская система, ЕГЭ, учебно-методические комплексы, механизм цитирования и мультипликативное напластование отчетности фактически заблокировали научно-исследовательский и учебно-методический процесс в науке и преподавании, выхолостив их сущностный характер, устремленный в будущее, и в разы умножив очковитирательство и коррупцию в научных и образовательных организациях, особенно в вузах.

А перманентное долговременное снижение престижа и доходности этой сферы, сопровождающееся массовым оттоком способных научных сотрудников и студентов, чуть было окончательно не завершилось в результате указов пятилетней давности, приведших, под предлогом увеличения средних зарплат по отношению к среднерегionalным, к тотальной оптимизации персонала, ученых и преподавателей в результате тотального непрофессионального и произвольного толкования учебных программ, компоновки системы и последовательности – сопряженности предметов, кратного увеличения учебной нагрузки, колоссального сокращения объема учебных часов и соответственно массового увольнения преподавателей. Фактически в последние два года реализовалась волна массового исхода остатков опытного профессионального ядра профессорско-преподавательского состава вузов, как молодежи, так и самых опытных преподавателей, что резко усилило конъюнктурно-непрофессиональное коррупционное и беспринципное плечо профессорско-преподавательского состава, в большинстве своем не имеющего не только профессионализма, но и базового образования. А в системе экономического и юридического образования сложилась ситуация просто отчаянная. От советской системы образования, одной из лучших в мире, фактически не осталось и следа. В пору проводить но-

вую культурную революцию и возродить с нуля всю систему образования.

Одним словом, к новому технологическому инновационному укладу мы пришли с кратным массовым исходом профессионалов и тотальной деградацией еще тридцать лет назад лучшей в мире системы образования, результатом деятельности которой страна до сих пор умудряется пользоваться и выживать. Таков был устремленный в будущее задел, так как система имела непрерывный сбалансированный политехнический и полигуманитарный характер, предвосхитивший логику, как минимум, десятка грядущих научно-технических революций и не предполагавший необходимости пороговой переквалификации и доквалификации, особенно в контуре высшего образования. Ведь диплом давался на пятьдесят-семьдесят лет, т. е. специалист был, во-первых, обучен тому, что в этой перспективе концептуально не изменится в любом случае, во-вторых, обучен механизму самообучения, саморазвития и, в-третьих, сформирован как креативный, творческий и саморазвивающийся специалист. Другими словами, система готовила специалиста, не только адаптивного к НТП, но и его, НТП, генерирующего с минимальными издержками и максимальной эффективностью. Все это блестяще оправдалось за последние пятьдесят лет, так как инновационная логика генерируется на стыке областей и предметов, что и улавливала политехническая и полигуманитарная система образования, предвосхищавшая динамизм, логику и креативность НТП. Синтез вкупе с анализом – вместо разделения, усечения и специализации. Креативный инжиниринговый творец – вместо пользователя-потребителя. Стратегическая эффективность – вместо ситуационной, рассчитанной на неквалифицированного гастарбайтера. То есть квинтэссенция методологии образования базировалась на демократичности (бесплатности), доступности, системности, непрерывности, научности, инновационности, устремленных в будущее и воспроизводящихся в режиме объектной животворящей инновационной реальности. Отсюда и грядущие приоритеты в возрождении и преобразении системы российского образования. Иначе некому будет генерировать профессионалов не только в России, но и на Западе.

Дилемма догоняющей и опережающей моделей развития, переплетающихся, дополняющих и противоречащих друг

другу, красной нитью проходит не только через ареал научно-исследовательского образовательного, как мирового, так и, особенно, российского опыта трансформации экономики, общества в целом, но и всей историко-культурной общественной эволюции. Там и тогда, где догоняющая тенденция замедляется и затухает, накапливается и неуклонно реализуется потенциал рывка. Так было и в XV–XX вв., так происходит и сегодня. Разумеется, баланс общего и особенного, как в части историко-экономического, так и в части мирового опыта, имеет ярко выраженную российскую специфику, объективно пограничную с проблематикой особого, третьего пути российской модельной эволюции и даже проблемой самостоятельной российской цивилизации. Вместе с тем, если абстрагироваться от крайности, что с учетом российского опыта сделать не всегда просто, и сосредоточиться на богатейшем многоцветии и вселенской сбалансированности российского историко-экономического опыта, в том числе и методологически новаторского, обогащающего опыт развития успешно развивающихся стран в мире, то самым близким и наглядным нам представляется XX век, содержащий чрезвычайно эффективную модель и догоняющего развития, и опережающего, но самое главное – их многопланового синтеза. Чего стоит хотя бы опыт нэпа и мобилизационного проекта 1930-х гг.: тогда страна не повторяла прямо и не воспроизводила формально чужой опыт, а отталкиваясь от сложившейся исторической ситуации и гротескных потребностей, новаторски формировала адекватный проект, который, решив проблему трансформации, смело отбрасывала.

Очевидно, сегодня нам крайне необходимо, отправляясь от адекватной оценки современного состояния страны и взвесив ориентиры дальнейшей эволюции мирового хозяйства, емко обозначить тренды, алгоритмы, цели, сроки, последовательность, ресурсы, источники и издержки системного опережающего рывка в ядро новой мирохозяйственной системы. Находиться между перспективой лидерства и периферийной ретроспективой нам просто уже не дадут. Либо пан, либо пропал. Весь мир, за исключением только нас, это хорошо понимает и действует. Времени на понимание и умение, тем более на раскачку, у нас уже нет. Необходимо срочно действовать, так как совокупные потери последних тридцати лет уже существенно превышают любые

потери российской трансформации любого кризиса-катастрофы в нашей тысячелетней истории. Да, стартовая площадка, за исключением военно-стратегического комплекса, обустроена слабо. Да, вызовы грандиозны. Но тем и парадоксальна Россия, что максимально стартует из состояния, наименее выгодного и удобного для развития, однако двигаясь по пути возвращения к самой себе [2, 12].

И начинать нам придется с гротескного обретения сбалансированного единства и объединения вокруг не только выживания, но и завтрашнего процветания, что текущий исторический момент для нас практически уравнил.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. (Коллекция Изборгского Клуба»). М.: Книжный мир, 2018.

2. *Осипов Ю.М.* Россия на пути к России // Россия на пути к России: концептуальность, поиск и хозяйственная стратегия / под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. По итогам международной научной конференции. Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (5–7 декабря 2017 г.). М.: Креативная экономика, 2018.

1.3. Россия как глобальная альтерсистема

А.В. Кузнецов

У России нет другого пути развития, кроме своего собственного. Актуальность данного пути подтверждается не только реалиями попытки построения первого в истории социалистического государства, но и необычайными научными достижениями, сыгравшими переломную (а во многом и роковую) роль в прогрессе глобальной цивилизации – например, полеты в космос и освоение околоземного пространства (К.Э. Циолковский, С.П. Королев, В.П. Глушко и др.), без которых немислимо существование современных информационно-коммуникационных технологий, или разработка полупроводниковых гетероструктур, опто- и микроэлектронных компонентов [1], на которых работают все современные гаджеты.

Русские легко перерабатывают знания других цивилизаций, не опасаясь, что последние могут изменить русский цивилизационный код. В наших книжных магазинах чаще встретишь переводную литературу, нежели отечественную, в наших кино-театрах больше американских фильмов, чем российских. И это не потому, что у нас перевелись отечественные писатели, артисты и режиссеры (хотя проблема существует), а потому, что мы не опасаемся конкуренции. В русском цивилизационном коде заложено универсальное миропонимание («нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений»). Это миропонимание многомерно и на порядки выше западного двухмерного товарно-денежного мировоззрения. Запад инстинктивно ощущает свою второстепенность по отношению к России. Отсюда навешивание на Россию различных нелицеприятных ярлыков и занижение наших достоинств во всевозможных международных рейтингах.

Но никакие приемы оглупления масс и манипуляции сознанием не в состоянии изменить русский цивилизационный код. Несмотря на методичное промывание мозгов подрастающих поколений, русский человек по-прежнему рождается неагрессивным, смекалистым, бесхитростным и прямымдушным, открытым для глобального диалога и готовым заключить в свои дружеские объятия все остальное человечество (не подвергая его при этом

удушению неолиберальной удавкой). Благодаря целостному восприятию мира русский человек перерабатывает и упорядочивает мертворожденный хаос современной западной цивилизации, превращая его в жизнеутверждающую системность. У человечества, зажатого в тиски монокультурного англосаксонского глобализма, напряженно конвульсирующего под токами квазирыночного фундаментализма, пожалуй, не существует иной жизнеспособной альтернативы, как только следовать путем глобального развития, предлагаемым Россией. Эта альтернатива, выкристаллизованная в глубинах русской цивилизационной матрицы, уже просится выйти наружу во всем своем великолепии иномирнической свободы [6, 27] и смыслового многообразия. Россия, в буквальном смысле слова, беременна альтерсистемой [7].

Почему русские, занимая наибольшую в мире территорию и обладая всеми качествами глобального лидера, до сих пор не оказывают должного влияния на умы человечества, а напротив, максимально принижают свои достоинства, всячески преклоняясь перед западным образом жизни? Возможно, потому, и это наша главная ошибка, что мы ждем от Запада шага навстречу себе. Но западный мир этот шаг сделать не может, поскольку является несвободным. И пока Святая Русь не освободит Запад от рабских оков материализма и не поставит на путь очеловечивания, мир и дальше будет пребывать в состоянии «лабораторной крысы», над которой «фабианские общества» и «тавистокские институты» будут продолжать обкатывать свои «социальные» эксперименты [11].

Однако само по себе это освобождение произойти не может. На протяжении веков Бог неоднократно указывал русским путь и давал силы следовать этим путем. И сейчас Бог на стороне русских. Россия не может быть запертой на одной шестой поверхности земной суши. Современная мировая обстановка подталкивает Россию к решительному и бесповоротному шагу в направлении возрождения своей уникальной идентичности. Русь неоднократно побеждала тевтонский, бонапартистский, нацистский глобализм. Сегодня задача Святой Руси – победить англосаксонский глобализм, а для этого нужно завоевать весь мир, все человечество. Завоевать политически, завоевать экономически, завоевать технологически, завоевать геостратегически. Нужно

создать альтерсистему альтерсистем. Человечество совершенно напрасно опасается глобальной русской экспансии. Русская альтерсистема предлагает миру альтернативу информационно-денежной цивилизации – глобальное человекоцентричное братское единение в интернациональном поликультурном многоязыковом ландшафте, возвращающем человека к его исконной божественной природе. Поэтому сегодня русскому человеку нельзя отсиживаться дома. Русский человек должен идти в мир, со своим языком (поскольку именно в русском языке – ключ к человекоцентричному цивилизационному коду), со своим миропониманием, со своей альтерсистемой – политической, экономической, культурной, военной, информационной.

Политическая альтерсистема – это Империя Богочеловека, Царство Правды, в котором все народы, представленные собственными лидерами, взаимодействуют в едином глобальном политическом пространстве. Глобальный лидер лишь первый среди равных, он не диктует свои условия всем остальным (как это было, например, с советским генсеком). Закон является одинаковым для всех. Все решения в новом глобальном обществе принимаются соборно. Русская православная церковь наряду с верховными представителями других религий выступают оплотом справедливого и праведного общественного жизнеотправления.

Экономическая альтерсистема – это система, построенная на нестяжательских принципах хозяйствования. В этой системе есть личная и общинная собственность, но нет частной собственности на средства производства как основного источника несправедливости и неравенства, возникающих в результате капитализации добавленной стоимости.

Культурная альтерсистема. Все языки мира развиваются, являясь носителями уникальных культур, но языком глобального распространения глубинных смыслов бытия может стать русский язык, как хранитель богочеловеческого кода.

Военная альтерсистема. Русский человек – это русский Богатырь, сила которого не столько в мускулах, сколько в несокрушимом духе, в достоинстве, в заповеди защищать любую Божью тварь от посягательства на ее свободу.

Технологическая альтерсистема. Человек – это слово, а не цифра. Слово нужно человеку для общения как минимум с окру-

жающими, как максимум с самим собой. Человек – мыслящее создание. Мысль выражается через слово. Цифра – символическое отображение слова. Слово имеет созидательный потенциал (сначала было Слово). Цифра ничего не создает. Цифра трансформирует слово в программу. Цифры зависят от слова как носителя мысли. Если цифра начинает воспроизводиться автоматически, смыслы утрачиваются. Поэтому человек, и только человек (а не искусственный интеллект) должен контролировать цифру. «Цифра – знак (обозначение) количества. За цифрой как таковой нет и не может быть никакого качества» [8, 7]. Высокие технологии служат в первую очередь для учета и систематизации потребностей и ресурсов, необходимых для их удовлетворения. Но само качество потребностей должен определять человек, *постепенно трансформируя императивы удовлетворения потребностей и желаний во всестороннее развитие человека и максимально полную реализацию его способностей*. Постоянное совершенствование операционных мощностей компьютеров необходимо для расчета потребностей глобального общества на ежедневной основе в режиме реального времени. Но компьютеры должны не самовоспроизводиться, а создаваться и обслуживаться человеком.

В человекоцентричной цивилизации экономика выступает объектом, на который направлены действия человека. Цифра полностью подчинена экономике и служит инструментом гармоничного и всестороннего развития общества. Целью развития является реализация способностей людей. Напротив, в современной техноцентричной модели миром управляет вышедшая из-под контроля человека бездушная информационно-денежная машина, которая индифферентна ко всем проявлениям сложного человеческого сознания (вкусу, изыску, достоинству, чести, совести, принципам, любви, взаимовыручке) – она воспринимает лишь цифровые ряды [4, 144]. Эта модель бессмысленна, поскольку не ставит иных целей, кроме постоянного повышения экономической эффективности и мультипликации цифры, разрушающих духовные основы человеческого общества.

Для более четкого уяснения принципов, мотивов и движущих сил развития ныне господствующей в мире системы и будущей глобальной альтерсистемы, продемонстрируем построение их социальных структур с точки зрения нормативного подхода. Для

этого рассмотрим основы действующей техноцентричной модели (цифра-экономика-человек), а затем основы человекоцентричной модели будущей альтерсистемы (человек-экономика-цифра). Каждая социальная страта в обеих моделях рассматривается в контексте соотношения уровня удовлетворения человека от реализованных способностей и затрачиваемых на это материальных и духовных ресурсов общества (рис. 1).

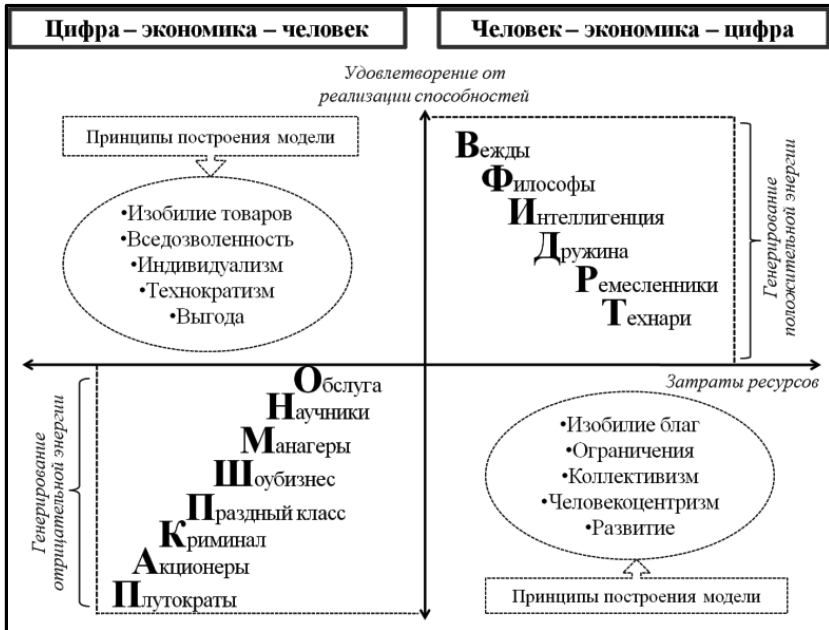

Рис. 1. Модели техноцентричной и человекоцентричной цивилизаций

Исходными принципами техноцентричной модели являются: а) изобилие товаров, б) отсутствие каких-либо системных ограничений (цензуры, морали, этики, предела доходов), в) индивидуализм, г) технократизм, д) выгода.

Исходными принципами человекоцентричной модели выступают: а) изобилие благ (образование, медицина, досуг), б) ограничения (материального и финансового богатства), в) коллективизм, г) человекоцентризм, д) развитие.

В обеих моделях расход ресурсов (прилагаемых усилий) соотносится с уровнем удовлетворения (радости), получаемой обществом в целом и каждым его членом в отдельности от реализации индивидуальных и межличностных способностей, что является основным источником энергии, которая в техноцентричной модели генерируется с отрицательным знаком, а в человекоцентричной модели, соответственно, со знаком «плюс». Для каждой социальной страты это соотношение определяется ее положением внутри соответствующих квадратов, обозначенных на рисунке пунктирной линией.

Цифра – экономика – человек

Сегодня национальные экономики практически всех стран мира, по сути, развиваются в рамках императивов глобальной экономики, для которой конечной целью является неограниченная мультипликация богатства (высшей формой демонстрации которого считается включение национальных экономик во всевозможные международные рейтинги). Заряд генерируемой энергии является отрицательным, что связано с удовлетворением в данной модели потребностей и реализацией способностей, направленных на деградацию человека. Социальная структура общества состоит из 8 основных страт: плутократов, акционеров, криминала, праздного класса, шоубизнеса, менеджеров (манагеров), ученых и услуги. Кроме того, существуют различные пограничные социальные страты, которые, однако, в силу своей разобщенности и слабости, не оказывают существенного воздействия на принципы построения данной модели.

Плутократы обладают абсолютной законодательно обеспеченной властью, дающей доступ к неограниченным ресурсам. К этой категории относятся главы государств и руководители международных организаций, члены правительств и чиновники высшего ранга. Для поддержания монополии на ресурсы Земли они финансируют различные программы замены реальных ресурсов фиктивными (например, виртуальное потребление через всевозможные гаджеты, подключенные к Всемирной паутине, которое ассоциируется с такими ультрасовременными понятиями, как финтех, блокчейн и криптовалюты). За счет народных денег плутократы содержат регулярные армии (с установленной законом воинской обязанностью), используемые для соперниче-

ства друг с другом на мировой арене и подавления социальных беспорядков внутри суверенных территорий. Не руководствуясь какими-либо моральными и этическими принципами, плутократы ведут между собой войны за доступ к глобальным ресурсам, не считаясь при этом с человеческими жертвами. Плутократы не создают никакого продукта, но осуществляют прямой контроль над валовым продуктом, создаваемым другими социальными стратами.

Акционеры владеют легальными частными капиталами и присваивают информационно-финансовую ренту. В эту категорию попадают владельцы компаний и банков, бирж и инвестиционных фондов. Акционеры не участвуют в создании добавленной стоимости, но являясь частными собственниками капиталов, контролируют значительную часть национального и глобального производства, а также необходимых для него ресурсов. Финансируя частные армии, они подобно плутократам ведут междуусобнические локальные войны за ресурсы. Акционеры находятся в тесном союзе с плутократами, однако зависят от последних, поскольку не обладают законодательной монополией и поэтому часть своих прибылей отдают плутократам в виде налогов. Не имея абсолютной власти, они вынуждены согласовывать свои действия (производственные планы) с политиками.

Криминал обслуживает все слои цифрового общества, создавая все новые и новые сферы для регулирования чиновников и извлечения информационно-финансовой ренты акционерами. Криминал служит основой теневого бизнеса, из которого извлекается максимальный уровень прибылей, не облагаемых налогами и не попадающих под законодательное регулирование. Поэтому криминальное общество активно рекламируется через средства массовой информации. Криминальная тематика является ключевой для писателей и режиссеров, а также других деятелей массовой культуры. Криминал курирует сферы, неподконтрольные плутократам и акционерам (наркотрафик, работорговля, проституция, офшоры). Находясь в конкуренции с государством и акционерами, криминал постоянно подвергается рискам изоляции (заключение в тюрьму) и легализации (превращения в белый бизнес).

Праздный класс. Значительная часть ресурсов поглощается праздным классом, т. е. теми, кто живет за счет унаследованных

или приобретенных капиталов, а также нетрудовых доходов. Не обладая реальной властью, эта социальная страта не имеет прямого контроля над ресурсами и поэтому находится в постоянной зависимости от плутократов, акционеров и криминала.

Шоубизнес. Все представители поп-культуры – актеры, артисты, музыканты, художники, дизайнеры, модели, спортсмены – относятся к этой страте. Основной их задачей является создание предложения и поддержание массового спроса на разнообразные низкопробные и примитивные развлечения и удовольствия.

Менеджеры (манagers). К этой категории относится большинство руководителей низшего и среднего звена, находящихся на государственной службе, занятых в качестве наемных работников в частных компаниях и организациях, а также обслуживающих криминальный бизнес. Основная задача менеджеров – разработка и реализация стратегий обогащения плутократов, акционеров и криминала. На них возлагается основной груз ответственности за бесперебойное и эффективное функционирование техноцентричной модели. Для практического выполнения поставленных целей и задач менеджеры получают косвенный контроль над ресурсами, из чего извлекают своекорыстные выгоды.

Научники. В эту социальную страту входят все работники научно-образовательной сферы, задачей которых является разработка теорий, систематизация и популяризация научных и квазинаучных знаний, всячески способствующих продвижению принципов техноцентричной модели. Научники не имеют ни прямого, ни косвенного контроля над ресурсами, поскольку непосредственно не участвуют в практической деятельности по их освоению. Для финансирования своей работы они конкурируют между собой за получение государственных и частных заказов и грантов. Поскольку основной целью их деятельности является поддержание установившегося статус-кво, любые открытия, угрожающие процветанию контролеров ресурсов (плутократов, акционеров, криминала), замораживаются (кладутся под стол), а их авторы подвергаются социальной маргинализации.

Обслуга. В эту социальную страту входят все, кто обслуживает техноцентричную модель экономики и ее элиту. Обслуга практически отлучена от пользования реальными ресурсами и выступает основным потребителем виртуальных ресурсов.

К этой категории относится подавляющее большинство жителей планеты с низкими и средними доходами. Обслуга живет исключительно за счет собственного труда и не имеет никаких сбережений или они минимальные. Занятость услуги является нерегулярной. В лучшем случае эта категория может удовлетворять лишь базовые потребности (в еде, одежде, жилье, образовании). Сюда же относится значительная часть молодежи, которая не находит себе места в реалиях техноцентричной модели. Эта категория непосредственно участвует в создании продуктов цифровой экономики и одновременно находится в тотальной зависимости от нее как системы мультипликации богатства в интересах избранного меньшинства.

Таким образом, с точки зрения социально-экономического устройства, техноцентричная модель – это общество с многоуровневой властно-имущественной иерархией. Выход на каждый более высокий уровень иерархии связан с затратами все больших ресурсов и усилий (и нередко с нарушением закона), поскольку требует демонстрации своего статуса в виде высоких должностей, владения все более дорогими материальными аксессуарами, такими, как одежда, недвижимость, индивидуальные транспортные средства (личные автомобили, яхты, самолеты, подводные лодки), а также страны, территории, компании, заводы, футбольные клубы и т.д. Работа в условиях жесткой конкуренции в техноцентричной модели связана с постоянными стрессами, снятие которых требует дополнительного расхода ресурсов. Товарный мир полностью довлеет над человеком, мечты людей заранее предопределены рекламодателями [5]. Находясь под постоянным воздействием агрессивной рекламы, человек затрачивает колоссальную энергию для того, чтобы соответствовать постоянно изменяющимся материальным предпочтениям и статусным требованиям. Поэтому о духовном развитии в этой системе можно говорить только по остаточному принципу и с большой долей условности. В данной модели приоритеты ценностей расставлены в следующей последовательности: цифра – экономика – человек. Человек полностью подчинен диктату информационных технологий. Любые индивидуальные или групповые действия и достижения получают признание и значимость только с условием их коммерциализации и подведения под единый цифровой знаменатель. Темпы производства постоянно

ускоряются, поскольку материальная экономика не успевает за цифровой. Для достижения высоких цифровых показателей необходимы затраты все больших ресурсов. В условиях рыночного техноцентричного фундаментализма любые человеческие способности перестают быть востребованными, если они не могут быть использованы в коммерческом деле. Поэтому возможности для творческого развития личности являются крайне ограниченными и односторонними [3].

Человек – экономика – цифра

Рассмотрим теперь распределение ресурсов в человекоцентричной модели, предлагаемой в качестве глобальной альтернативы.

Эта модель также имеет свою иерархию, в которой высшим органом власти являются вежды, а наибольшим объемом ресурсов распоряжаются ремесленники и технари. Заряд генерируемой энергии является положительным, поскольку в рамках данной модели обществу предлагаются самые широкие возможности для творчества, раскрытия и реализации человеческих способностей.

Вежды – это люди, имеющие «весть от Бога», наделенные духовным зрением, ведающие смыслами всех дел. «Путь ведизма – укрепление веры (у каждой конфессии – своей), стяжание духа (дух дышит, где хочет и объемлет разное) и пробуждение совести (контура связи с небом)» [2, 75]. Вежды – связники между Небом и Землей. Вежды ведут замкнутый образ жизни в единении с природой и Богом, удаленно от массового скопления людей и больших городов. Их главная задача – сохранение, приумножение и передача знания о смыслах, мере и ценностях. У вежд есть свой многоконфессиональный Совет мудрейших, который наставляет политических лидеров в принятии наиболее важных решений об изменениях в глобальном общественном устройстве.

Философы – это проводники вежд в гражданском обществе. Философы овладевают и популяризируют в обществе глубинные смыслы мироздания, софийность как мудрость практических дел и сакральные откровения, постоянно напоминая человечеству о его божественной природе.

Интеллигенция – все представители творческих профессий:

писатели, учителя, педагоги, художники, музыканты, артисты, режиссеры, скульпторы, дизайнеры, модельеры, ювелиры, флористы. Их главная задача – возвышать человека над мирской суетой, приобщать человека к чувству прекрасного, воспитывать его в духе гармонии духовного и физического развития.

Дружина – военные, милиция, а также работники пенитенциарной системы. В глобальном обществе найдутся люди, которые захотят заниматься криминальной деятельностью. Задача дружины поддерживать контроль над порядком и следить за тем, чтобы никто не нарушал установленные правила.

Ремесленники. К этой категории принадлежат все профессии – от врача до производителя сверхточного высокотехнологического оборудования. Сюда же относятся экономисты, политики, юристы, судьи, ученые-естественники, а также управленцы всех уровней. В компетенцию этой социальной страты входит создание материального базиса глобального общества.

Технари отвечают за качественный и количественный анализ потребностей и способностей всего общества и каждого его члена в отдельности и проводят расчет ресурсов, необходимых для удовлетворения этих потребностей и реализации способностей на основе самых последних достижений техники.

В человекоцентричной модели также существуют социальная иерархия и статусы, однако возможности для материального обогащения и роста материальных и финансовых активов ограничены моральными и законодательными рамками. Поэтому, не опасаясь тюрьмы или общественного порицания, выделиться в обществе может только воистину талантливый в своей области человек [3, 88]. В этой модели отдельный член общества получает равномерный доступ ко всем материальным благам, включая работу, образование, медицину, жилплощадь, отдых, что высвобождает силы человека для духовного развития, являющегося неотъемлемой составляющей человеческого счастья. Затрачивая относительно небольшие силы на соответствие своему социальному статусу, опираясь на мощь коллектива и работая в относительно бесстрессовых условиях, человек гораздо чаще ощущает прилив сил и энергии от совершенных поступков, чем работая в условиях жесткой конкуренции и необходимости следования за постоянно повышающейся планкой материального и финансового благополучия. В этой модели цепочка ценностных

приоритетов выглядит следующим образом: человек – экономика – цифра. Цифровые технологии используются для научного расчета баланса потребностей в обществе и ресурсов для их удовлетворения [9, 165].

Таким образом, в человекоцентричной модели биологический организм воспроизводит больше гормонов радости при тех же самых затратах ресурсов, чем в техноцентричной модели. И напротив, для достижения одного и того же уровня радости в техноцентричной модели требуются затраты гораздо большего объема ресурсов, чем в человекоцентричной модели.

В человекоцентричной модели нет правительств и парламентов в традиционном понимании, что, однако, не означает отсутствие политики и законодательной сферы. Эта модель основана на широком применении принципов местного самоуправления, когда вся собственность на средства производства принадлежит глобальной общине. Политическое устройство общества строится по имперскому принципу. Главой империи является соборно избираемый лидер. Вместе с другими политическими лидерами он осуществляет продвижение недискриминационного принципа глобального управления в интересах равномерного развития всех народов.

Безусловно, эта модель условность, как и любая другая. Но главное ее отличие от господствующей в мире неолиберальной англосаксонской модели заключается в новых принципах – ненасилия; нестяжательства; человекоцентризма при сохранении религиозного, этнического и поликультурного разнообразия; концентрации усилий глобального общества на создании благ (а не товаров); введении в норму ограничительных этических императивов христианства; коллективизма, основанного на божественном равенстве людей и акценте на всестороннем развитии как материальной, так и духовной цивилизации.

Одно из главных достоинств русской альтерсистемы в том, что в этой модели не будет так называемых лишних людей – бездомных и безработных, все люди будут востребованы, независимо от степени их наделения талантами и способностями. Например, в СССР у всех были работа и жилье (пусть даже комната в общежитии), но не было такого, чтобы сотни тысяч (а в некоторых странах миллионы) людей не имели не только работы, но и жилья. Положение, при котором в обществе сосуществуют

«абрамовичи» с миллиардами и миллионами невостребованных людей без гроша в кармане в российской альтерсистеме недопустимо. В англосаксонской модели производство активно механизмуется, машины вытесняют рабочие места, техника используется в ущерб человеку. В человекоцентричной модели такого быть не должно. Технику вместо человека можно использовать только тогда, когда обеспечена полная и всеобщая занятость. Устранение этих и подобных им социальных асимметрий будет происходить за счет справедливого распределения общественных благ.

* * *

«Россия не может идти вместе с Западом, который, отринув религию, сокрушив природу, решительно пошел путем расчеловечивания людей, становясь полноценным Антимиром с зеленой однополой печатью» (Н.Б. Шулевский) [10, 102]. Сегодняшние западные правители мира продолжают совершенствовать уродливую техноцентричную модель, подготавливая многомиллиардное население Земли к жизни в резервациях за колючей проволокой (в частности, подобная картинка будущего уже неприкрыто популяризируется во многочисленных голливудских блокбастерах).

Поэтому наступает время, когда Россия должна во всеуслышание предложить миру альтернативу глобальному цивилизованному концлагерю. Такой альтернативой может стать новое глобальное общество, управление которым будет основано на императивах соборности, правды и справедливости. Пока Россия все еще раскачивается на весах неопределенности относительно выбора будущего пути развития. Но наступает время, когда надо принимать решение, какую сторону занимать. Ибо даже у Бога терпение не бесконечно.

Литература

1. *Алферов Ж.И.* Гаджеты должны помогать в развитии, а они еще и вредят нашим детям // Московский экономический форум. 12.09.2018: [Электронный ресурс]. URL: <http://me-forum.ru/media/news/9225/> (дата обращения: 17.09.2018).
2. *Девятков А.* Обогнать, не догоняя. Надежда мира придет из России. М.: ООО Издательство «Волант», 2013. 224 с.

3. *Кузнецов А.В.* Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком // *Философия хозяйства*. 2013. № 5. С. 86–95.
4. *Кузнецов А.В.* Судьба англосаксонского глобализма // *Мир перемен*. 2015. № 3. С. 133–148.
5. *Кузнецов А.В.* Экономика в условиях отсутствия морали // *Философия хозяйства*. 2010. № 6. С. 56–63.
6. *Михайлов Ю.* Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого. М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 730 с.
7. *Нотин А.И.* Русское чудо – альтерсистема // *Переправа*. 31.10.2017: [Электронный ресурс]. URL: <http://pereprava.org/privacy/3975-russkoe-chudo-altersistema.html> (дата обращения: 17.09.2018).
8. *Осинов Ю.М.* Слово и цифра // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 7–8.
9. *Пихорович В.Д.* Очерки истории кибернетики в СССР. М.: ЛЕНАНД, 2016. 264 с.
10. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия. М.: ТЕИС, 2017. 448 с.
11. *Эстулин Д.* Тавистокский институт. Минск: Попурри, 2014. 368 с.

Горизонт второй.

**Мировоззренческая парадигма
для новой России**

**2.1. Новый мировоззренческий прорыв –
новая когнитивная революция!**

Ю.М. Осипов

Зёмный мир ныне стремительно меняется по инициативе и под воздействием человека-творца-преобразователя: упорно создаваемый человеком *искусственный мир* уже чуть ли не равен, если не превосходит, *природный мир*, он же и *Зёмный мир Божий*.

И сам человек заметно меняется: прежде всего, сознаниево, ментально, когнитивно, но и физически тоже.

Новый человек, новое сознание, новый менталитет, новый когнитив, новая культура, как и новое мировоззрение – оно же и учение о мире: сначала не очень заметно новое, потом все более и более новое, наконец – явно уже новое.

И внешне человек заметно меняется, обретая новый облик, новую телесность, не говоря уже о динамике своего обновляющегося тела, обыденном поведении, психике, акциях и реакциях.

Другой уже человек ходит по асфальтированной земле и ездит на комфортабельных авто – *новый!* В новом образе, с новой головой и с новыми мозгами, с обновляющимся внезапно и стремительно мировоззрением. И весь мир зёмный для человека становится другим – *новым!*

Выплеск фундаментальной новизны, прорыв в беспредельное новое, новая гуманитарная, ибо более всего технотронная, она же немало и антигуманитарная, революция!

Явный тут триумф научного (научно-технического), физического, материалистического, механического, позитивистского, прагматического, проективного, количественного, математизированного, модельного воззрения на мир и с ним – этим миром – соответствующего сему воззрению акционного взаимодействия, в котором предметно-исследовательскому и предметно-проективному действию человека на зёмный мир и на самого человека отведено первенствующее значение – в отличие от обратного действия зёмного мира на человека.

Научное воззрение, родившееся в ренессансную эпоху в Западной Европе, укрепившееся и победившее все иные на то время воззренческие парадигмы, как то мифологическую, эзотерическую, религиозную, даже и философскую в ее метафизической, следственно, и собственно философской, интерпретации, предполагает по преимуществу точное, параточное или же, на худой конец, квазиточное знание, возникающее посредством исследования, моделирования и переделки видимого, чувствуемого или же инструментально обнаруживаемого объекта (предмета) – по преимуществу непосредственного, наличного, устойчивого, воспроизводящегося, длящегося во времени.

Сей объект-предмет как раз и прежде всего не что иное, как *физис* (лито-, плазмо-, игнис-, ликвидо-, аэро-, био-, космо-физис), о котором наука способна сказать немало всего достоверного, более того, в среде которого эту достоверность и эффективно применять, изменяя доставшийся человеку природный физис, наращивая, как в его охаемах, так и вне его, *физис искусственный*, конечно же, не без прометеевского участия разнообразной умоположенной и рукотворной техники вкупе с вездесущей прикладной мыслью (архитекторской, изобретательской, инженерной).

Научное воззрение на мир есть всего лишь специфическое обозначение особого знаниево-исследовательско-конструкционно-переделочного подхода к миру, чем реализация полноценной картины мира, которая у науки сводится, помимо философско-физического утверждения о материальности (вещественности, предметности) мироздания и всего в нем наличествующего, к фундаментальной понятийной троице: частица, энергия, информация, из различных комбинаций чего и получается весь разнообразный мир. Есть еще, конечно, такие «вещи», как *сила*,

движение, организация, как и те же *синергия, аттрактор, не-энтропия и энтропия*, как и, разумеется, многое сему подобное, что совсем и не плохо, но все-таки воззренчески недостаточно, и это особенно хорошо заметно на примере так называемых *гуманитарных наук*, в познавательном-отражательном распоряжении которых вовсе уже не так физис, как *метафизис*, а именно: сознание, мысль, идея, смысл, слово, язык, знак, образ, психика, память, поведение, как таковая деятельность (труд, творчество), замысел, проект, программа, сама наука как собственно наука, любое вообще знание, ну и право, политика, социум, экономика, государство, культура, искусство, цивилизация, история, как и, разумеется, прошлое, настоящее, будущее, ну и всякие там сны, галлюцинации, бреды, призраки, химеры, оборотни, барабашки, те же страхи, что еще? – то бишь все то, чего в материальном мире нет и, как выясняется, быть не может, несмотря на наличие мозга – физиса вроде бы, но ... к одному мозговому физису все-таки никак не сводящееся (что, заметим, физического в слове, понятии, идее, мысли, в том же сне и т. д., а-а?).

Вот почему «гуманитарная наука» в заметной своей части – *оксюморон*, сочетание несочетаемого, хотя какое-то уважаемое знание сия наука, безусловно, дает, но ... более все-таки *метафизическое*, чем физическое, а оттого и во многом паранаучное, квазинаучное, ненаучное, что то же самое – *отрицательно метафизическое*, привходящее, так сказать, с заднего входа, со двора, с тыла – имитационно научное и порочно метафизическое. Не физика тут вовсе доминирует, а вынужденная, рядящаяся под научную физику, а потому и недоброкачественная, зачастую ложная, даже и недобросовестная, *отрицательная метафизика*.

Гуманитарная наука, так и не став физикой (точной наукой), но зато запечатав наглухо *позитивную метафизику*, лишь обрекла себя на отрицательную метафизику, выдавая ее чуть ли не за точную науку, в реальности же оказавшуюся во многом самой обыкновенной лженаукой.

Гуманитарный онтос не физичен, а потому и не очень-то научен, а потому подлежит по сути своей не столько научному, сколько метанаучному гнозису, в основе как раз *позитивно метафизическому*.

Мало чего существенного сказав по поводу гуманитарного онтоса, наука принялась создавать под себя не что-нибудь, а свой

собственный онтос (не гнозис, что само собой, а именно онтос), мифотворчески его себе воображая, мало того, уверяя человечество, что это и есть искомый человеком реальный гуманитарный онтос.

Однако Судный день для гуманитарной науки, да и не только гуманитарной, таки настал, а судейско-приговорно-палаческую функцию в адрес науки взял на себя ее собрат и одновременно «дитяtko» – *технологизм*. Он-то и стал отрицать первенствующую роль науки, не просто сокращая, но даже упраздняя ее же предмет, замещая человека и социум... *собою*, не испытывая при этом никакой особой нужды в каком-либо о себе и на себя воззрении со стороны науки. Технология – сама себе предмет, сама себе и воззрение, то бишь онтос и гнозис в одном флаконе – *сугубо технологическом*.

От науки к технологиям идет сейчас в передовой цивилизации дело, когда и сама наука оказывается не более чем исследовательской *технологикой*!

Мало того, что ныне уже не так наука двигает вперед технологии, как технологии – науку, уже саму по целям своим и задачам более всего технологическую, так ведь технологии попросту еще и подчиняют себе и замещают собой науку.

Наука дождалась-таки своего врачевателя-погубителя – амбициозного *технологизма*!

Кому теперь нужны глубокомысленные размышления науки о том же гуманитарном мире, если технологии сами созидают вместо него свой искусственный, всюю уже технологический, новый-де «гуманитарный мир»? Что такое сегодня тот же Интернет? Технология, вроде бы, в среде гуманитарного мира, но при этом и особый параллельный мир, о котором способны глубокомысленно рассуждать не так ученые-гуманитарии, как... спецы-технологи. Вроде бы, есть, чем заняться тут гуманитарной науке, но сознание-то уже вокруг не так гуманитарное, как технологическое, а человек-то уже всего более ... *киборг*, а жизни-то гуманитарной как собственно натуральной жизни уже и нет, а есть лишь ее виртуально-технологическая имитация (версия). Науке остается теперь лишь констатация всего творимого технологией, тем же Интернетом, она даже не может всего этого как следует ни познать, ни хотя бы «охаять».

Научные гуманитарные теории уходят в прошлое: техноло-

гика обходится уже не только без гуманитарных теорий, а вообще без всяких теорий. Теория и технологика ныне – одно и то же. Что технологике досужие рассказы о зёмной природе и сути тех же сознания, мышления, морали, социальности и т. п. архаичных вещей? Если что-то из этого еще и есть, но никакого большого значения для человека и его технотронного бытия уже не имеет! Технологизм не просто переделывает под себя онтос, он его ... *убивает* – как самостоящую реальность и как объект научного-де «гностирования».

Идет *великая технологическая революция*, когда мир человеческий не просто с техникой и технологией, а когда он сам весь ... *из технологий!*

Вот она – лемовская «*Сумма технологий!*»

Куда ни кинь технократического взгляда, везде в мире человеческом только или почти только технологии. Даже мораль теперь технологична: владеешь технологией – морален, не владеешь – никто! Ученому человеку все еще кажется, что технологии всего лишь служат человеку и социуму, ан-нет – это человек и социум, становясь все более технологичными, служат технологиям, в них, собственно, и растворяясь.

Ох, как цепки они – технократические сети – куда ж теперь от них?!

Осмысление всего происходящего в научно-техническом мире, безусловно, идет, но не так уже подрастерявшейся наукой и совершенно потерявшейся научной философией, как *метанаучной метафизикой*, не скованной никакими аксиоматическими, концептуальными и выводными лимитациями. Оporоченная когда-то и почти что загнанная в небытие, метафизика сегодня возрождается и возвращается, но уже в заметно иной интерпретации – уже как *пост-научное* знание-размышление, а заодно, и *мета-технологическое* (немало и *вне-технологическое*), но во все при этом и не какое-нибудь религиозное, не в рамках вообще какого-то конкретного идеологического концепта, а как – тут вновь выскакивает это «мета» – *мета-догматическое* знание-размышление.

Вышесказанное не означает, что новая метафизика изолирована от любых существующих знаний – она к ним внимательна и вполне лояльна, она их вовсе не отрицает, но она ими не то что не ограничивается, идя дальше, она их ... *преодолеывает*, но

не ради их абсолютного отвержения, как это сделала в свое время с метафизикой «точная наука», а ради выхода на знаниево-размыслительный простор, на *не*-догматическую, а лучше бы как раз сказать – *мета*-догматическую, дорогу.

Новая метафизика – не так возвращение мысли человеческой к донаучной метафизике, как движение мысли вперед, как ее выход в новые знаниево-размыслительные дали.

И важно заметить, что сей весьма грандиозный выплеск новой метафизики обязан ... *России*, причем России как ... *собственно России* – как идеи, как концепта, как эгрегора, как смыслового ядра, как сингуляра, наконец. *Новая метафизика – актуальнейшее личностное высказывание России!*

Целое тысячелетие Русь-Россия находилась, да и сейчас все еще находится, под назойливой опекой, если не в сладком плену, внешних для себя идейных установок и идеократических конструкций, не очень-то, скажем помягче, добровольно ею воспринятых, хотя вовсе ей небесполезных и даже в чем-то весьма для нее продуктивных, но все-таки никак ей самой не органичных.

Долгое время Русь училась у Византии, потом, уже по итогам судорог Смутного времени и судорожных реформ Петра Великого, ей было предписано учиться у Европы – более уже просвещенческой, чем ренессансной, что Русь-Россия старательно и делала, попав затем и в силки сначала абстрактно придуманного в Европе, но широко примененного практически почему-то именно в России, «социализма-коммунизма», а потом, уже в 1990-е гг., в «дружеские объятия» разработанного более за океаном, чем даже в старушенции Европе, по человечески-де открытого имперо-колониального «либерализма-глобализма».

Любезно усваивая заграничные идейно-концептуальные дары, даже ища своего места в потоках византийской, европейской, а теперь вот и американской, «заветной мысли», – места, естественно, производного, вторичного, периферийного, – отечественная мысль, по преимуществу все-таки подражательная, зависимая, колониальная, создавала и кое-что *свое*, конечно же, весьма подспудно, не слишком открыто, полно и ясно выраженное, но все-таки ... *свое*, пусть и на противопоставлении своего размыслительного продукта внешней и ставшей для большинства соотечественников «своей»-де мысли (Посошков, к примеру, Ломоносов, Погодин, славянофилы, Данилевский,

К. Леонтьев, Вл. Соловьев и все «соловьевцы», Г. Федотов, И. Ильин).

Так или иначе, но оригинальная отечественная мысль пробивалась-таки в России, а на рубеже XIX – XX вв. заговорила весьма мощно и зычно, хотя во многом и осталась по-прежнему в потоке евровизантизма, но уже став в итоге достаточно самобытным течением *метафизической мысли* – как раз уже *постнаучной*.

Речь тут идет прежде всего о *русской софийной философии* (Вл. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Зеньковский, Е. Кузьмина-Караваева и др.), возникшей на стыке философии вообще и религии (христианства), даже до сих пор считающейся, да и то в порядке исключения, «русской религиозной философией», что, может, и так, но для нас важна не так ее «религиозность», как важен ее выход, пусть и в лоне христианства, на *Софию Премудрость Божию* – как кладезь *до-* и *сверх-*человеческой мудрости, как «свидетельницу», да и «участницу», Творения Божиего, как носительницу замысла Божиего о мире и человеке в нем, что ведь, заметим особо, соотносится с началом мира, имеет *до-*религиозные корни, а в иудео-христианстве лишь получило специфическое трактование.

Вот и Русь-Россия, она же когда-то и *прото*Русь (*до-*Русь), давнего происхождения, а потому нынешнее обращение к Софии Премудрости Божией открывает новые возможности в осмыслении как самого феномена Руси-России, так и феноменов мира и человека в нем, включая и феномен собственно русского человека. И хотя в русской софийной философии София рассматривалась более всего как София христианская, даже православная, а сам подход к Софии принял первичный облик *софиологии*, само тогдашнее обращение к Софии Премудрости Божией позволило в дальнейшем, уже после катастрофного завершения советского *анти-*Софийного эксперимента, выйти, если так позволительно сказать, на *Софию вообще*, а от софиологии, предполагавшей некое трактование Софии и ее привлечение к мирским деяниям, перейти к *софиасофии*, заточенной на восприятие Софии как *про-*то-, *перво-* и *сверх-*мудрости, которой человеку даровано по мере возможного с его стороны и по мере попущенного со стороны Софии и самого Бога Творца размыслительно и практически руководствоваться.

Не полезность, польза или выгода тут в приоритете, как у деловых прагматиков и прагматичных ученых, а ... *мудрость*, однако мудрость более всего уже не человеческая, как у тех же позитивных, материалистических и механистических философов, а божественная, сакральная, как раз ... *софийная*, причем даже не так творческая, хотя куда без него – без творчества, а ... *творцовская* – от Бога Творца, что творчеству человеческому придает уже иной, чем у тех же ученых, характер, не говоря уже о расхожей житейско-хозяйственной обыденности.

Россия бытует в зёмном мире, на Земле, но ежели повнимательнее в Россию как Россию всмотреться, то можно заметить, что Россия не просто особенна, что в общем-то понятно, ибо это не Европа, и не Азия, не Юг и не Крайний Север, даже не Евразия, а именно *Россия* – по идее, концепту, эгрегору, – можно заметить и кое-что другое – что Россия ... э-э ... *не от мира сего*, что это *неотмирный феномен* – как раз по идее, концепту, эгрегору, именно тот самый феномен, который по своему замыслу и генезису прямо-таки из самого *Иномирья*, как раз оттуда – от *Великой Неизвестности*, где зиждется истоково и сама *София Премудрость Божия*.

Россия – как идея, как концепт, как замысел – прямо от Бога Творца через посредство Софии, а потому она не только *сакрально-ноиная*, но и *сакрально неизвестная*: она – *сама себе проект*, зачатый в ином мире и запущенный в сей мир в самые что ни на есть начальные (доисторические) времена.

На Россию у Софии заведена своя особая смысловая ведомость, возможно, и для самой Софии не слишком внятная, ибо весь смысл России как России как раз в ее импровизационной «неведомости», в своей никому из землян не ведомой проективности.

Умом Россию не понять, да и верить в нее почти что невозможно, а уж ежели все-таки верить, то не так в Россию как таковую, как в *российскую потенциальную неизвестность*, как, собственно, и в *реальную российскую неизбежность*.

Россия для русских – что коренных, что пришлых – первая и последняя вера и есть!

Невозможная, а ... *вера*, да еще ... *какая!*

Россия летуча, неуловима, непостоянна, переменна. Тысячелетие тут разных явленных пред Софией и Богом Творцом

Россий, включая и последнюю, точнее – нынешнюю. И какая она – эта *нынешняя Россия*, куда и зачем идет, что вершит, а-а?

Россия – *тайна*!

И что нам в этой *софийной метафизике*, в той же *софиасофии*, как и в неявной и неясной *россиесофии*?

Что это дает нам и России, всему российскому миру? Что, кроме тайны, заботы, отчаяния и ... неизречимой веры?

А ведь тайна здесь – *всё*! Не то здесь неведомый и неуловимый Грааль, не то невидимая точка на острие Кощеевой иглы, не то столь же неизвестный, но емкий по скрытым в нем смыслам сингуляр, не то некая смысловая завязка в точке пересечения ничем мирским не обозначенных запредельных координат?

Россия – *тайна*, но ведь тут и сама тайна – *Россия*!

Все тут из тайны, вся Россия, весь русский мир.

Интересно, занятно, странно и ... страшно!

Сегодня Россия ... *такая* (этакая), а завтра ... э-э ... *какая же*?

Россия, вырвавшись из тенет придуманного в Европе и беспощадно внедренного в России «социализма-коммунизма» и освобождаясь от пут агрессивного «либерализма-глобализма», прет сегодня вперед, суверенизируясь, обновляясь, развиваясь, отстаивая себя, участвуя в большой мировой игре, ведя в ней и свою собственную геостратегическую партию, вступая в международные «кооперативы», но главное, ища себя – новую, современную, XXI века.

Какую же?

Разнообразно и целостно (полилектически) *сбалансированную*, а потому и вполне жизнеспособную, ибо *динамично*, а не статично, сбалансированную – живую, изменяющуюся, вибрирующую.

Россия наконец-то на пути к *самой себе*!

Все из возможного и невозможного испытав, многое из иноземного и своего испробовав, пережив не одну, а ряд великих катастроф, побеждая и терпя поражения, перенося неисчислимые беды и редкостные удачи, убегая вдруг от себя и к себе же непременно возвращаясь, себя не жалея и упорно себя сохраняя, Россия ныне вновь, а то и впервые, устремлена к России, что вовсе не значит, что сей путь к самой себе усыпан прекрасными розами, а ежели и усыпан кое-какими дивными «розами», то с

очень уж острыми вразбежку шипами, лишь коварно, предательски и опасливо грозно во все стороны торчащими.

Устремляясь к себе, Россия, как подсказывает софийная метафизика, устремлена и к чему-то *иному*, как и к какому-то *Иному*, что от начала зиждется в эгрегоре России, ее родовом семени, и что ждет бытийно-исторической реализации, причем уже не просто на *российской земле*, хотя и на ней тоже, а и в *российском космосе*, что было увидено и обосновано, хотя еще не обрисовано вполне устроительно, упоительно неземным *русским космизмом*.

Пониманию сего пути и возможного устройства России и мира в целом служит родившаяся и бытующая в России русская по истокам и по сути *философия хозяйства* – продукт и часть *софиасофии* (как и *россиесофии тоже*), – причем часть центральная, ядровая, очаговая.

Философия хозяйства – свободное, просторное, метадогматическое знание-размышление, признающее и рассматривающее:

1) зёмно-космический мир как *полилектическое* целое – что по феноменально-фактической горизонтали, что по ноументально-субстанциальной вертикали, как единство физиса и метафизиса, как органичное сопряжение онтоса и гнозиса, мира известного и мира неизвестного, мира имманентного и мира трансцендентного, мира творящего и мира тварного, мира сего и мира иного;

2) ведомое человеком хозяйство как *целостное природо-неприродное жизнеотправление человека*, его сознания и бессознания, чувственности и интеллекта, как следствие труда и творчества человека, как реализацию потребления, переделывания и преобразования человеком природы, как эманацию человеком круговой искусственности, а в итоге – как противоречивое взаимодействие *природного и искусственного* миров, их совместно-го бытия и взаимоувязанного продуцирования жизни;

3) бытие человека и историю человечества в их сочлененности с *хозяйством*, свершающем бытие и делающем историю;

4) философию вообще как момент хозяйства вообще, а философско-хозяйственную мысль как фактор, продукт и условие хозяйственной деятельности человека, включая мечты, утопии и проекты;

5) возможность *хозяйства Бога*, а мироздание как его – этого хозяйства – объект и следствие;

б) экономику как обусловленную бытием и функционированием *стоимости* – этой идеальной субстанции – часть человеческого хозяйства (экономики Бога нет и быть не может!), как механизм, который необходимо использовать, но подчинять которому хозяйство не просто для человека рискованно, а воистину катастрофично;

7) человеческого происхождения *тотальный технологизм* как трансгрессивный, а не только трансформационный, мегапроцесс, как завершение взеземного проекта под кодовым названием «Человек» и переход к реализации проекта под названием «Постчеловек» – уже, надо полагать, и неземного, а в чем-то и субземного, антимирового, преисподнего;

8) необходимость существенной корректировки сути технологизма и его функционально-преобразовательной роли в бытии и судьбе человечества посредством взятия его под гуманитарный контроль, радикального изменения технотронной идеологии и защиты от тотального технологизма человека, человечества, России с ее уникальной цивилизацией и культурой, а также выработку нового воззрения на мир и на человека с софиасофских позиций и в философско-хозяйственном ключе.

Задача тут, прямо скажем, не то что не из легких, а прямо-таки из невозможных, но иного выхода у человека, в частности – русского человека, – нет!

Софийные философско-хозяйственный и воззренческо-размыслительный подходы предполагают не так рассудочное познание внешнего объекта и произвольное конструирование и продуцирование какого-то нового, уже во многом искусственного, предмета, как проникновенное *сопереживание* сознания и всей бытийной среды, их сбалансированное соучастие в реальных бытийных переменах и в созидании чего-то в бытии нового, их совместное *жизнеотправление*.

По аналогии с идеалами Великой французской революции (на самом же деле европейской, вполне и мировой, революции), сформулированными в триаде «Свобода, Равенство, Братство», пора уже в воззренческо-размыслительной (когнитивно-действенной) сфере провозгласить свою триаду, а именно: «Целостность, Всеединство, Совместность», когда человек, природа и космос вместе и в нераздельности; когда земный мир в единении с космическим; когда сознание всецело растворено

в среде, а среда целостно пронизывает сознание; когда гнозис совмещен с онтосом в едином мироздании, а такое единое мироздание как раз и сосредоточено в России; когда русский человек, он же и россиянин, органично слит с Россией, а Россия целиком внедрена в русского человека-россиянина; когда мысль человеческая питается Софией Премудростью Божией, а София Премудрость Божия питает мысль человеческую.

Да, за всем этим не что иное, как всеобщая, чуть ли не тотальная, *Гармония*: всего со всем, включая и любую динамику с вовсе не любимыми переменами.

Хозяйственный космос – космическое хозяйство – космобытие!

Вот он – *новый мировоззренческий прорыв*, как и *новая когнитивная революция!*

Утопия? Почему нет, может, и утопия, но ... необходимая и неизбежная, пожалуй, что и вполне императивная.

Ближайшая миро-бытийная катастрофа, как и ее внезапное избежание, если не невозможное недопущение (чего не бывает!), все *это* нелицеприятно покажут и убедительно докажут!

Таковы, видно, вибрирующие горизонты идеальной, как и воззренческой, России, к которым она, несмотря ни на что, таинственно устремлена, и слияния с которыми ей вряд ли удастся, все более резонируя с *зёмно-космической транценденцией*, избежать!

2.2. Горизонты модернизации в парадигме отечественного консерватизма

В.К. Королев

*Кто не знает, в какую гавань плыть,
для того нет попутного ветра.*

Сенека

Президент в своем Послании Федеральному собранию 2018 г. отмечал, что наше нынешнее экономическое отставание – главная угроза и даже враг страны, и если мы не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться как тяжелая хроническая болезнь, шаг за шагом разрушающая организм изнутри. И действительно, по всем прогнозам – Минэкономразвития, Минфина, отдельных экспертов – статистика 2019-го будет не лучше 2018-го: по прогнозу Минэкономразвития, в 2019 г. ожидается рост экономики уже не на 2,2%, а всего на 1,4%. Более того, главный тренд всех прогнозов – снижение, в том числе на перспективу, ключевых показателей российской экономики, которая все меньше вписывается в мировые процессы (организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) оценила рост мировой экономики до 2030 г. в 3,4%, а российской – на уровне 0,5%). Санкции все более деформируют экономическую политику, даже хорошие цены на нефть уже не спасают ситуацию: несмотря на профицит бюджета текущего года резервный фонд уже исчерпан. И в этих условиях экономическая картина жизни в России не обещает перемен.

В «майских» указах Президента – своего рода плане на его «шестилетку» – поставлена задача «прорывного» научно-технологического и социально-экономического развития РФ, что требует принципиального ускорения роста экономики. Необходимость этого более чем очевидна, только вот в качестве средств «рывка» выделены лишь отдельные направления, частные меры технологического и финансового характера; в экономической сфере правительство занимается главным образом «бухгалтерией», а не стимулированием роста. Более того, власть прекратила даже весьма популярные лет десять назад разговоры о необходимости смены экономического курса в целом (замены

исчерпавшей себя бесперспективной сырьевой модели экономики на некую новую), о модернизации, структурных реформах и т.п. Показательно ничего не слышно и об обещанной в 2017 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме программе стратегического развития нашей экономики, сформированной на основе предложенных и рассмотренных трех его проектов.

В целом, реакция власти на бытие страны в нынешнем незавидном состоянии фактически кризисной «новой нормальности» является адаптационной, выглядит своего рода консервацией наличного «околонулевого» развития (как воплощения пресловутой стабильности, что позволяет говорить о России как стране – «дауншифтере» (Г.О. Греф), сводится к непонятным надеждам на улучшение внешнеэкономической конъюнктуры, на совершенствование финансовой политики, «сушку» инфляции и даже на сознательный переход от «потребительско-покупательской» модели поведения россиян – к модели «сберегательной».

Отсутствие не только новой экономической стратегии, но и властного запроса, заказа на нее представляется удивительной, ибо, полагаем, мы имеем дело не просто с кризисом, а с цивилизационным вызовом «коллективного Запада», брошенным нашей стране [1]. Понятно, что санкции будут только нарастать, уже никто даже не считает нужным найти оправдание их ужесточению; об отмене санкций не может быть и речи.

Что мы видим сейчас в качестве практической реакции ответа на западный вызов? Если во внешнеполитической деятельности страна проявляет адекватную волю, то позиция власти в экономической политике последних лет рождает сомнения относительно понимания нужного отношения к вызову. Но жизнеспособность системы, как известно, характеризует не отсутствие ошибок в ее функционировании (они неизбежны в любой системе), а способность адекватно реагировать на них.

Отношение к наличному состоянию нашей экономики должно быть принципиально иным, более серьезным, можно сказать – «алармистским»: нужно отказаться от приемлемости оксюморонной «положительной динамики» экономики при ее «околонулевом росте» (А.Г. Силуанов). На западный вызов совершенно недостаточно реагировать отдельными экономическими мерами, демонстрацией наших достижений в военной технике: стране нужна выработка стратегической перспективы не просто

выживания, преодоления кризиса-вызова, а формирования качественно новой экономики посткризисного постиндустриального развития.

Но пока власть практически демонстрирует движение к «горизонту», можно сказать, «экономики без будущего», Россия застыла в депрессивном состоянии «новой нормальности», когда, говоря шахматным языком, доминирует психология цугцванга или даже патовая. Пожалуй, наша страна – мировой лидер по избеганию определенности, живем по принципу «как бы дальше не было хуже», «не трогайте систему, а то все вообще обвалится». В общественном сознании укрепилась мысль, что переменны, как правило, к худшему, надо держаться того, что имеешь. Очевидно, главная причина этого – печальный для большинства населения опыт постсоветских реформ.

Но есть и более глобальные обстоятельства, выделим некоторые.

Первое – в России исторически сформировался определенный «генотип» общинного хозяйствования, главной целью которого было *выживание*. Сейчас эта установка, похоже, резко актуализируется, обретает особую ценность. В исследовании американских социологов и политологов Р. Инглхарт и П. Норрис «World Values Survey» (Всемирный обзор ценностей) одна из шкал оценки фиксирует соотношение ценностей выживания и самовыражения. Замеры с 2000 по 2015 г. в 150 странах показывают, что практически весь мир движется от выживания к самовыражению, а вот Россия уверенно демонстрирует обратное движение – от самовыражения к выживанию.

Второе – похоже, возродилась традиционная – *«раздаточная»* – модель экономической жизни, когда центр финансирует регионы, распределяет инвестиции и т. п. В этом смысле можно предполагать, что в России вообще никогда не было собственно экономики в классическом смысле, вместо нее сформировался тип устройства жизни под названием «хозяйство». Примечательно, что аналога этого слова нет в английском языке, зато есть в немецком (именно и прежде всего – как хозяйство, а не экономика), очевидно, потому, что в Германии, с ее исторически куда более архаичным типом хозяйства, нежели в Англии, было понятие *Wirtschaft* – устройство одного деревенского двора, где есть хозяин (*Wirt*), который в его рамках занимается перераспре-

делением ресурсов между детьми (по-видимому, своеобразной реакцией на эту традицию и является «философия хозяйства» – от С.Н. Булгакова до Ю.М. Осипова).

Третье – очевидно, нынешняя стабильность держится не столько на гордости за мощь российской внешней политики, на радости от витринного товарного изобилия, сколько на традиционном долготерпении народа, на присущем ему, диагностированном М.Е. Салтыковым-Щедриным, мировоззрении «вяленой воблы».

Наконец, четвертое, – любые перемены носят вероятностный характер, что настораживает наших людей, которые привычно страдают синдромом «вымученной беспомощности», от которой лечат пропагандой патриотизма и плацебо различных «шоумагстроуонов».

И какой с таким социально-экономическим «дебютом» может быть «миттельшпиль» современного развития России? Или это некий оригинальный «гамбит»? Или страна так «сосредоточивается»? Кажется парадоксальным, но в этих критических условиях вместо продуманной стратегии качественно нового, постиндустриального прорывного развития страны предложен другой подход к руководству экономикой, заключающийся в принципиальном отсутствии стратегического целеполагания и планирования. В частности, на прошлогоднем Красноярском экономическом форуме министр экономического развития предложил вообще отказаться от стратегического планирования: он заявил, что в том виде, как мы его понимаем – толстый документ по основным направлениям, что и как делать – оно неэффективно с управленческой точки зрения (как тут не вспомнить В.С. Черномырдина с его кредо – «Дело надо делать, а не программы сочинять...»). Вместо этого, по мнению министра, нужен некий план, при подготовке которого реализуется новый управленческий подход, выражающийся в том, что план сам по себе должен быть «живым» документом, некая стартовая версия которого будет (должна) постоянно реагировать на изменения внешних условий.

В этом есть своя логика: такой подход существенно облегчает руководство экономикой, снижает ответственность МЭР за ее развитие, по сути, сводит его к реагированию (в режиме черномырдинской «ошпаренной кошки») на изменения экономиче-

ской ситуации. Но, как показывает практика (и как предупреждал еще Сенека), неопределенность ситуативного движения не может быть успешной, если выбор направления движения диктуют лишь сиюминутные геополитические или корпоративные интересы.

Пока мы наблюдаем именно этот своего рода «хитрый план» в действии: государственное управление экономикой по факту осуществляется президентскими посланиями, указами, инициативами, заявлениями, отдельными мерами, кампаниями (забытые национальные проекты десятилетней давности, модернизация, потом импортозамещение, сейчас – нацпроект «цифровая экономика»), кадровыми (пере)назначениями, телевизионными «прямыми линиями» и др.

Такое реагирование на вызов-кризис напоминает анекдотическую ситуацию «качания» («ручного» управления экономикой) в отцепленном вагоне, имитирующего движение, или спокойного сна («стабильности») в таком вагоне (только совсем не по рассеянности, как у С.Я. Маршака). И то, и другое плохо, меньшее из двух зол уже и не выбрать, мы рискуем не просто опоздать в будущее, которое стремительно надвигается, а даже выпасть из настоящего; нынешний «бег на месте» уже не может быть даже «общеукрепляющим», тем более развивающим.

В самом деле – куда мы движемся? И движемся ли? И куда следует двигаться? По идее, ответы на эти вопросы должны давать власть (это – ее прямая обязанность), а также носители конкурирующих социально-экономических моделей – различные политические силы. Но власть, говоря от лица всего общества, никакого внятного выбора будущего нам не предлагает, возможно, именно из-за опасности необходимости делать выбор, ибо иначе возникает вопрос ответственности за его результаты. А избегая стратегической определенности, власть, по сути, мало чем рискует в ситуативном реагировании на проблемы. Кроме того, очевидно, у нее есть надежда, что все само собой когда-нибудь, как-нибудь «наладится» (с помощью пресловутой «невидимой руки» рынка). Налицо застойный баланс: «общество» не хочет влиять на власть, а власть не собирается – во всяком случае, пока – ничего менять в жизни общества, его экономике. Этот баланс – не только стабилизатор, но и тормоз социально-экономического развития. По факту, он остается доминирующим

и вряд ли будет скорректирован в обозримом будущем: вероятно, у общества есть запас прочности, чтобы жить в состоянии «новой нормальности», с неопределенностью ее «горизонта», что ставит под сомнение возможность продекларированного «прорыва». Но надежд, что «перетопчемся», все меньше, время «выдоха» кончается!

Отсюда однозначный вывод: стране жизненно необходима глобальная стратегия, определяющая вектор, цели и средства «прорывного» развития; без этого любая экономическая программа «подвисает» тактически. При ее разработке нужно думать о новом цивилизационном проекте страны, обеспечивающем как ее неизбежную глобализационную интеграцию в западный мир, так и достойное существование России в ее неизбежной конкуренции с этим миром в качестве не «квази-Запада» и не «антиЗапада», а, по А.А. Зиновьеву, – «не-Запада». Эта стратегия – предмет специальной междисциплинарной разработки, о чем пока почти ничего не слышно. Определенные надежды рождает создание летом 2018 г. при Президенте России совещательно-консультативного органа – «Совета по стратегическому развитию и национальным проектам» (Указ Президента РФ №444 от 19.07.2018), но его работа только начинается.

Примечательно, что этим же указом упразднен «Совет по модернизации и инновационному развитию», хотя достаточно очевидно, что единственным социально-экономическим средством реализации искомой стратегии (как это банально ни звучит, но «иного не дано») может и должна быть именно *модернизация* – не просто технико-технологическое обновление экономики, а становление ее как качественно новой, конкурентоспособной и постиндустриальной, выводящей общество на более высокий уровень бытия (о модернизации есть огромная литература (см., напр.: [6])). Нужно подчеркнуть, что решение этой задачи следует искать не только в экономической сфере, но и в идеологической, политической, социокультурной, а, быть может, и в «метафизической» – модернизация экономики невозможна без модернизации общественных идеалов, ценностей, самого Человека и т. п. [4].

В свете этого понятна необходимость какой-то новой «философии» модернизации для общества, его экономики, отличной как от «западной», так и от отвергнутой «коммунистической».

Только на этой основе возможна отвечающая вызову и глобализации, поиску места страны в конкурентном мире, сменяющая бесперспективную идеологию интеграции путем (по умолчанию) «догоняющей» модернизации, – идеология модернизации: а) прогрессивной, б) адекватной реалиям и возможностям страны. Выработка такой идеологии требует философского понимания параметров новой парадигмы цивилизационного развития России, а в ее свете – новой экономической «модели». В качестве ее мировоззренческой основы хорошие перспективы обнаруживает «философия хозяйства». Эта проблема была поставлена, в частности, в работе Академии философии хозяйства, ее лаборатории, всего ЦОН при МГУ достаточно давно. Ее обсуждение показывает, что только на новой концептуальной основе можно выработать адекватную реалиям и перспективе (анти) (пост) кризисную социально-экономическую идеологию, на основе которой и представляется возможным формирование стратегической программы (пост) кризисного экономического развития как прогрессивной модернизации; только такая работа может привести к перелому ситуации не только в экономике, но и в судьбе России.

Говоря о модернизации, важно иметь в виду еще одно общетеоретическое замечание: как процесс обновления, она характеризуется наличием «разрыва» между двумя состояниями социума – «традиционным» и «новационным», в связи которых и заключено понимание специфики модернизации. Она имеет несколько «матриц» взаимоотношений «традиционализма» и «новизма»: симбиоз прежнего состояния и нового (заимствованного); синтез наследия и новаций; противостояние нового и традиционного; имитация модернизации. В любом случае, модернизация – не однообразное движение от старого к новому, а выбор оптимальной матрицы, зависящий от конкретных условий и обстоятельств. Кроме того, в теории и практике модернизации обычно выделяют два ее вида: органическую, осуществляемую естественно, в ходе исторической эволюции общества, и неорганическую – как целенаправленное, проектное внедрение и восприятие нового образа жизни.

В свете этого можно сказать, что в постсоветской России была «по умолчанию» проведена не классическая «догоняющая» модернизация, а неорганическая «самовестернизация», в кото-

рой оригинальным образом были совмещены диссонансные задачи: с одной стороны, «рыночного» обновления экономики, ее интеграции в мировую (западную) систему, усвоения западных либеральных (общечеловеческих) ценностей, а с другой – обособления (от враждебного Запада), сохранения цивилизационной самобытности и культурной идентичности страны. Разнородность этих интенций и делает проблематичным понимание природы необходимой России модернизации (возможно, это является причиной свертывания высокой риторики о ней в последние годы), в лучшем случае – ее реализации по последней матрице.

Что это значит? Полагаем, обновление страны в постсоветский период является достаточно типичным для *аккультурации* – процесса прямого контакта разных культур, изменяющего их культурные коды. Но в строгом смысле и теоретически и практически речь однозначно идет о доминирующем влиянии «высокой» культуры на «низшую», в результате которого последняя не просто изменяется, а подстраивается под «высшую».

Но такая подстройка бывает разной. Как она происходит в России, как относится к западному влиянию наша «аккультируемая» культура? Очевидно, у нас осуществляется *имитационное* восприятие Запада, мы активно воспринимаем западные формы, но в них сохраняется отечественное содержание, что делает новации во многом формальными. В частности, за годы постсоветских реформ у нас по западным образцам созданы практически все политические, экономические, социальные институты. Но, как показывают жизненные реалии, они не выполняют те функции, которые осуществляют их аналоги в западной культуре. Конституция, парламентаризм, выборы, независимая судебная система, свободные СМИ; частная собственность, бизнес, налоги, конкуренция, банковская система; гражданское общество, обеспечение прав и свобод граждан, правовое государство и т. п. имеют в современной России такой «специфический» характер, что Запад фактически не признает их «своими». Даже с учетом традиции двойных стандартов отношения к нашей стране, здесь, несомненно, присутствует тренд имитации, когда формально – все «как у них», а по сути – «здесь вам не тут»!

К экономике это относится в полной мере – в западных «мехах» плещется (и старое, и новое, но свое) «вино»

отечественных экономических реалий с ярко выраженным му-
тационным «букетом». Полагаем, что, оставаясь в рамках соб-
ственно экономической теории, эту особенность не преодолеть,
нужно ее философско-мировоззренческое осмысление: в ци-
визационном плане, учитывая российские традиции, имита-
ционная противоречивость «своего» и «чужого» закономерно
находит свое идейное выражение в востребованности идеоло-
гии *консерватизма*, о чем в свое время говорил наш президент,
призванной «купировать» угрозы модернизационных рисков
(хотя бы тем, что «консерваторы», в отличие от «либералов»,
(биологически?!) акцентируют внимание на негативных сторо-
нах жизни, тем самым сигнализируя, предупреждая об их опас-
ности (Д. Хиббинг)).

Это имеет объективный характер: государство, которое скре-
пляет Россию и позволяет ей существовать на громадной раз-
нородной территории, – оно страну одновременно и сковыва-
ет. Чтобы что-то глобально изменилось, необходимо дать волю
инициативе снизу, самоорганизации людей. Но для этого нужно
ослабить скрепы, и не только духовные. Но если сделать это,
резко возрастает риск распада страны. Выход – только *консер-
вативное развитие*. Звучит, конечно, не очень... Но что может
быть реальной альтернативой?

Разумеется, идеология консерватизма должна быть адаптиро-
вана к специфике современного состояния и развития России.
Кроме того, нужно отметить, что сейчас идейное и политиче-
ское значение консерватизма (этот концепт имеет обстоятельное
рассмотрение в литературе) с трудом однозначно идентифици-
руется, ибо с середины XX в. активно идет инверсия историче-
ских значений консерватизма (что актуализируется и для нашей
страны) [5]. Скажем только, что представляется интересным
и практически важным выделение в структуре этого концепта
«двуединых» идейных векторов. Один ориентирует на поддер-
жание устойчивости общества в его наличной, традиционной
форме, другой – на борьбу с противодействующими этому со-
циальными силами и тенденциями. Тем самым, консерватизм
выступает и как идеология оправдания существующих поряд-
ков, и как апелляция к ценности их предшествующего состояния
(К.П. Победоносцев). Разумеется, консерватизм ценит и исполь-
зует исторический опыт, однако подходит к нему селективно,

на основании критериев «надвременного», «вечностного», «цивилизационного» плана; в частности, таковыми могут выступать определенным образом поняты, концептуализированные «духовные основы общества» (С. Франк), «духовные скрепы» (В.В. Путин).

Но, понятно, что реально оказываются востребованными те (традиционные) ценности, которые работают на задачи текущего момента. А он требует не только стабилизации, но и развития. В качестве некоторой теоретической новации можно сказать, что сейчас приведенное толкование консерватизма нуждается в некоторой «модернизации»: имеет место и третий вектор, его главная задача – не допустить «срыва» социума в *его развитии!* (можно назвать это эффектом «жумара» (JuMar) – альпинистского приспособления для безопасного и удобного подъема по веревке – специального зажима, который легко скользит вверх, а при нагрузке не допускает срыва человека вниз и является ему опорой для дальнейшего движения вверх). В этом, полагаем, и состоит искомая модернизация консерватизма, который призван не просто сохранять «прошло – наличное», а сохранять его как необходимую основу для движения вперед без опасности цивилизационного «срыва» в процессе развития.

Теоретическим основанием такой модернизации консерватизма может быть методология диалектики новаций и традиций. (О важности этой диалектики свидетельствует тот факт, что ей был посвящен 3-й Российский культурологический конгресс.) В ее рассмотрении представляется важным понимать креативность традиций и традиционность новаций в социокультурной динамике, а не противопоставлять их.

Традиции часто понимают как противоположность обновлению, призвание которого – разрушение старого и формирование нового. Такой подход представляется слишком формальным. Главная функция традиции – консервативно-охранительная («не было бы хуже»). Важно отметить, что традиции не просто репродуцируют существующий образ жизни, но и допускают вызревание условий для его изменения (новаций), хотя бы в целях собственного сохранения в новых условиях (но не «самоликвидации»).

В свою очередь, новационное творчество есть не обязательно чистое стремление к новизне, его можно рассматривать и как

«ремонт», восстановление старого. В частности, так трактует новое древняя китайская культура; ислам выступил не как новая религия, а как восстановление «изначальности» христианства, то же – протестантизм; «креатив» европейского разрушения Средневековья даже назывался «Возрождением». Кроме того, новации своей угрозой стабильности активизируют традиции. Если главная функция новационной модернизационности – «искусительная» («а давайте попробуем сделать лучше!»), то ее риски побуждают ценить надежность и предсказуемость традиционной жизни, «освящаемой» консерватизмом.

В свете сказанного вернемся к России, ее экономике. О какой новационности модернизации надо вести речь в XXI в.? Как уже отмечалось, современная экономическая политика не создает перспектив модернизационных (экономических) преобразований современного и постсовременного типа. Поэтому возникают вопросы: возможен ли при ее наличной аккультурационной практике модернизационный проект прогрессивной и «органически-синтетической» матрицы? На какую модернизационную модель современной экономики и соответствующего ей общества нужно ориентироваться, если ситуация в мировой экономике является весьма тревожной? Как отмечала в Давосе-2018 глава МВФ К. Лагард, новый экономический кризис неизбежен, и он ударит быстрее и сильнее, чем можно предполагать. И как он повлияет на Россию, к сожалению, ясно... (Более того, десять лет назад Запад в лице своих лидеров, ведущих специалистов пусть и не громко, но весьма серьезно начал говорить о необходимости поиска новой модели своего и мирового «капиталистического» развития.) В этих обстоятельствах ждать новых западных «чертежей» обновления экономики, или делать свою программу модернизации? Вопросы эти требуют глубокого рассмотрения; оно, конечно, идет, в разных аспектах, с разными мнениями, но недостаточно публично, его влияние на экономическую политику, мягко говоря, незаметно. Ясно одно – в любом случае модернизация должна сохранить российскую цивилизацию. Быть может, поэтому власть и озабочена консервативной стабилизацией, отложив мало предсказуемую модернизацию «прогрессивную» до разработки ее надежного и всех (прежде всего – элиту) устраивающего проекта, адекватного как культуре России, так и перспективам постсовременности? Не в этом ли

состоит модернизационный потенциал консерватизма? Нестабильность, конечно, может мобилизующе воздействовать на все сферы жизни общества, но у нас она носит скорее негативный (революционный) характер. В свете этого и адекватен современным реалиям (несколько подзабытый) «тренд» – *консерватизм для развития* (В.В. Путин).

Есть еще один интересный момент, показывающий роль консерватизма для модернизации. В современных условиях России она, увы, возможна, скорее всего, как *мобилизационный* проект (Р.С. Гринберг). Но хочет ли этого «общество»? Или оно предпочитает пресловутую стабильность? Ответ очевиден, и власть это понимает, кроме того, ей не хочется напрягаться самой. Идейным обоснованием стабильности и является идеология консерватизма: сохраним имеющееся для «рывка» в новое качество, когда будет создан его достойный проект, когда накопим силы и средства! Очевидно, такой подход имеет право на существование, будучи вполне адекватным жизненным реалиям в современных условиях.

В свете сказанного представляется, что идеология искомой модернизации должна обосновывать переход от консервативно-сберегающей «модернизации выживания» к перспективно-прогрессивной «модернизации развития» (экономики) России в XXI в.

В качестве общетеоретического вывода можно сказать, что рассмотрение проблем взаимоотношения традиционного (консервативного) и новационного (модернизационного) векторов развития страны должно быть важным направлением *междисциплинарной* обществоведческой мысли в современной России; без этого чисто экономические изыски по вопросам модернизации не могут дать обнадеживающих результатов.

Говоря о модернизации, важно определиться с *ее субъектом*, демонстрирующим реальные возможности для решения названных выше проблем и задач [2]. Весьма популярно («профанное») мнение, что носителями искомой субъектности модернизационного развития нашей экономики являются предприниматели – «капитаны бизнеса». Но, как показывает практика, их субъектный потенциал сильно преувеличен. Наши предприниматели, которые в постсоветский период смогли создать «капитал», надеялись (наивно) на долгий «контракт» с властью – мы

не мешаем вам «рулить», а вы нам – зарабатывать. Так, в России политика была отделена от предпринимательства, но в результате последнее оказалось под «крышей» номенклатуры, которая стала использовать свою власть для обогащения, создания механизмов его консервации, а значит, – в нынешней экономической ситуации, – не думая о модернизации. Бюрократия стала выше бизнеса, поставила под контроль и криминал, показав, тем самым, свою силу как единственную реальную, способную «решать вопросы» в России.

Нужно сказать, что и в «народе» не видно актива мобилизационной модернизации, новых «прорабов перестройки» с социальной энергетикой «комсомольцев-добровольцев». С учетом традиционной патриархальности народа (большинство людей продолжает надеяться на государство в решении актуальных социально-экономических проблем своей жизни) очевиден вывод – в нашей стране только государство в любом своем качестве в лице власти бюрократической элиты может быть реальным субъектом экономической жизни (а не неким «арбитром», занятым наблюдением за соблюдением правил экономических «игр») – другого субъекта просто нет!

Но пока, судя по отношению власти к модернизации, очевидно, что качество бюрократии не соответствует этой задаче, в своем нынешнем состоянии властная элита не может стать ее «дрожжами» (А. Тойнби) в заявленном «прорыве». Более того, крепнет мнение, что проблемы, накопившиеся в экономике России, многие годы остаются нерешенными вовсе не потому, что они не осознаются обществом или неизвестны ученым, экономистам, экспертам, но потому, что власть не хочет слышать о них: ведь если воплощать рекомендации науки в практику, очень многое придется менять, от многого (и от многих) в управлении придется отказаться, а это совсем не устраивает номенклатуру. В модернизации не заинтересована та часть элиты, которая извлекает выгоду из статус-кво; именно она является главным источником проблемности в модернизационном развитии России.

Может ли нынешнее состояние страны, ее экономики так впечатлить эту элиту, чтобы она стала «перестраиваться», реально думать и, главное, эффективно действовать в интересах модернизации общества, его экономики? Вот главная проблема!

Ведь нынешняя элита в управленческом плане, вопреки распространенному мнению, весьма эффективна (если иметь в виду ее работу по достижению своих, подлинных, а не декларируемых целей). Судьба любой экономической программы определяется не только (и даже не столько) ее чисто экономическим содержанием – не менее важно, на какие изменения готовы пойти властные элиты, насколько искомая модернизация вписывается в «окно возможностей» их интересов. Остается надеяться, что хотя бы инстинкт самосохранения элиты каким-то образом подвигнет ее на работу в интересах страны и народа, ибо, потеряв страну, элита и сама «потеряется».

Поэтому необходимым условием модернизации как перехода к постиндустриальной экономике является решение проблемы *связи экономического и политического* аспектов модернизации – в своем современном понимании она невозможна без изменений в политической системе, социальной политике, и др. Элита, находящаяся у власти, вынуждена сочетать в своем экономическом дискурсе и бюджетно-накопительную, и либерально-рыночную риторику с практическим преобладанием экономики «бухгалтерской». Именно последнюю правящая элита, во всяком случае, на данном этапе, и выбирает, ибо до сих пор она сохраняет власть благодаря поддержке электората, который зависит от государственных гарантий и распределения бюджетных средств. Сменить электоральную базу – означает пойти на очень серьезный политический риск. Кроме того, объем перераспределяемых правительством средств определяет устойчивость современных политических «клиентел», своего рода неформального «комплота» крупного бизнеса и политической власти. Такая политика ведет скорее к стагнации, чем к росту в долгосрочном периоде, но власть оказывается важнее экономического роста – это и есть главная идеологема современной политики.

Власть настроенно относится к модернизации еще и потому, что та в своей прогрессивной трактовке предполагает рост экономической активности, самостоятельности, которые с неизбежностью «перетекают» и в сферу политическую. А любую угрозу для себя в этой сфере власть, естественно, блокирует: так экономика стала заложницей политики. Поэтому экономическая модернизация должна рассматриваться в единстве с модернизацией политической (и правовой). Но это необходимо, как уже

отмечалось, в контексте консерватизма, охраняющего страну от социально-политических катаклизмов.

Если у нас такой модернизационно-ориентированной элиты в готовом виде нет, то нужно ли формировать новую, или достаточно модернизационной «перенастройки» элиты старой? Официальный правящий «актив» пока надеждами на это не балует, в нем не видно людей типа «железных сталинских наркомов» с современной интенцией модернизационного развития. И где взять качественно иной «актив»? Нанять и завезти с Запада? Пробовали (Петр I) – наши реалии, скорее рано, нежели поздно, сделают из западных «спецов» нормальных «типа пацанов», как это происходит с западными бизнесменами, работающими у нас (например, коррупционный скандал с российским топ-менеджментом ИКЕА), или они быстро уедут по причине невозможности «нормально» работать. Как бы то ни было, повторим – именно властная бюрократия является единственной общественной силой, обладающей социальной субъектностью, потенциально способной стать фактором искомой экономической модернизации. Конечно, ситуацию осложняет упомянутый феномен «приватизации» бюрократами общественных функций: наряду с тем, чтобы исполнять то, что выбрали политики, они удовлетворяют в этом и собственные интересы, которые далеко не всегда совпадают с общественными. Нынешнего «плохого» – не заинтересованного в модернизации – бюрократа нужно заменить бюрократам, *функционально заинтересованным* в модернизации. Но как его «модернизировать» в этом направлении?

Во-первых, исключительно важна «супер-субъектная» способность «топ-элиты» сформировать *запрос* на искомый модернизационный проект, как теоретический, так и практический. Во-вторых, в связи с этим возникает новаторская задача – сделать модернизацию *бюрократически привлекательной!* Необходима проработка «консервативно-бюрократической» модели прогрессивной модернизации. Нужно готовить такой проект, который не угрожает не только властным, но и имущественным интересам бюрократии, в котором она не просто сохраняет свою роль, но и упрочивает ее именно своими модернизационными усилиями, проект, который должен убедить властную элиту, что игра стоит свеч! Что это за проект (типа «нэп»), способный увлечь бюрократическую элиту? Возможен ли он?

Вопросы хоть и декларативные, но жизненно важные. В-третьих, нужно подчеркнуть – для интеллектуальной проработки названного проекта-модели правящая элита должна обеспечить создание условий для актуализации *стратегической культуры нового мышления* [3]. Для этого нужно новое, идеологически-организационное и заинтересованное отношение к общественным наукам, образованию. Проблема здесь в том, что бюрократии жизненно необходимы авторитаризм, исполнительность ее указаний, установок, для науки же авторитетом является не начальник, а Разум, Логика, Факт, Эксперимент, она по своей сути нацелена на выход за пределы (своих) «установлений». Дух власти и дух науки принципиально различны, отсюда и отношение к науке («переформатирование» РАН). Естественно, в первую очередь и преимущественно, это влияет на социально-гуманитарное познание, что ограничивает его возможности по разработке (модернизационной) проблематики экономического развития страны. С одной стороны, власть демонстрирует уважение к экономическому сообществу: учрежден «День экономиста», год назад в Кремлевском дворце проведено Всероссийское экономическое собрание «Экономисты – России» с участием 1500 человек, на котором был дан комплексный анализ состояния экономики страны, перспектив ее экономического роста. Но вместе с тем упомянутым летним указом упразднен «Экономический совет» при Президенте РФ. Наконец, в-четвертых, необходимо применение консолидированной и жесткой *политической воли* властной государственной суперэлиты: она должна не просто поставить бюрократии задачу реализации проекта, разработки стратегии модернизации, но и ответственно, жестко контролировать ее выполнение. И та, в силу своей природы, не может ее не решать, ибо главное для бюрократии – воля начальства, служение ему, что обеспечивает его благосклонность и дает возможность решать свои (меркантильные) задачи. О возможности и работоспособности такого механизма свидетельствуют успехи советской модернизации, когда номенклатура истово занималась индустриализацией, коллективизацией, культурной революцией, и др., связывая с успехами в этом свое положение в обществе, а иногда – и жизнь.

Захочет ли, способна ли наша бюрократия для решения этих задач «качественно-кадрово» обновиться, морально «сосредото-

читься», проявить нужную волю и исполнительность, мобилизовать себя и народ на модернизацию? Как говорится, «хочется верить»! Определенно нужен некий политико-экономический консенсус элит по поводу задач и природы модернизации, заинтересованности в ней.

Подведем краткие итоги. Каковы же в свете сказанного *горизонты* развития России? Использование этого понятия («горизонт» – кажущаяся линия, всеми видимая, но ни для кого не достижимая) в претендующем на научность материале не заряжает оптимизмом. Почему имеющиеся наработки ученых, их проекты, программы, рекомендации форумов, конференций, экспертных групп, докторских диссертаций по экономике и т. п. очевидно не востребованы властью? Очевидно, она «в принципе» не нуждается в этих и прочих изысках ученых, ибо, во-первых, имеет своих, доверенных экспертов; во-вторых, и без предложений «посторонних» специалистов прекрасно знает, что и как ей делать для упрочения своего политического и экономического положения. И делает это весьма успешно без всякой модернизации. А интересы развития страны, общества в целом, для нашей бюрократии, очевидно, являются вторичными.

Вот почему главным условием социально-экономической модернизации является сопряжение интересов власти с общественными. Необходимо новое – *заинтересованное* – отношение элиты к независимому научному общественнознанию, экономической теории. Это возможно лишь в том случае, если будет предложена такая программа модернизации, которая устроит и властную бюрократию, и общество в целом; позволяющая если не гармонизировать, то сбалансировать их интересы. Представляется, что методологией разработки такой программы могут быть выявление и фиксация интересов властной бюрократии и интересов страны (народа, общества), выявление интересов совпадающих, которые и могут стать целями искомого проектирования, определяющими средства, формы и содержание модернизации. Нужно четкое властное задание на разработку адекватного нашим реалиям, гомогенного консервативно-бюрократического проекта прогрессивной модернизации, ее программы, выданное научному сообществу, их реальное включение в политический «горизонт» власти.

Литература

1. *Королев В.К.* Вызов кризиса и кризис ответа // *Философия хозяйства*. 2015. № 1. С. 21-28.
2. *Королев В.К.* К вопросу о субъекте модернизации // *Проекты российской модернизации*. Вестник РМИОН. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2012. С. 111-123.
3. *Осинов Ю.М.* Гуманитарная мысль сегодня: от невольной научной квазиметафизики к вольной постнаучной метафизике // *Философия хозяйства*. 2018. № 3. С. 11-21.
4. *Осинов Ю.М.* Российский антикризис // *Философия хозяйства*. 2014. № 4. С. 9-18.
5. Современный российский консерватизм: сб. статей. М.: 2011. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.cscpr.ru/files/rmoHZ2U1hEbQglW.pd>.
6. *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации // *Ерасов Б.С.* Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М.: Аспект-Пресс, 1998.

2.3. О новой когнитивной революции Ю.М. Осипова

О.В. Доброчеев

Природное явление человека

То, что жизнь – естественное физическое явление, легко понять, наблюдая за ней из космоса. С большого расстояния заметно, что Земля представляет собой малую песчинку Вселенной, надежно изолированную вакуумом и космической радиацией от окружающего Мира. Поэтому все, что на ней существует, должно иметь естественное происхождение.

Тем не менее естественно-научное физическое описание этого явления до сих пор не построено. Поэтому на основе законов физики ни конструировать человека, ни прогнозировать его личное и общественное поведение мы не можем.

Благодаря физикам Хакену и Пригожину мы с начала 1980-х гг. знаем, что ни человека, ни человечество нельзя считать ни детерминистическими, ни термодинамическими системами. Скорее их можно отнести к классу явлений самоорганизации. Однако сколько-нибудь общих законов самоорганизации, которых можно было бы использовать для описания человека, они не нашли. Но поиски физических законов жизни продолжились и после открытия синергетики.

В результате в середине 1990-х гг. появилась гипотеза социальной турбулентности, излагающая общую феноменологическую модель самоорганизации частиц, названных «социальными атомами» [2; 4; 6]. В жидкости это ячейки Бенара или автоколебательная реакция Белоусова–Жаботинского, в атмосфере – циклонические вихри и грозовые облака, в обществе – социально-политические системы, в экономике – длинные волны, в организме животных – эмбрионы, во Вселенной – расширяющиеся галактики и многое другое. Такая самоорганизация возникает только в особом роде «очень больших системах», превышающих по своей численности механические (детерминистические) и термодинамические системы.

Гипотеза социальной турбулентности позволяет рассчитывать динамику поведения таких систем, их отличительные признаки и особенности. Более того, она логическим путем приводит к удивительному заключению, что естественное развитие Вселен-

ной может сопровождаться не только ее тепловой смертью, как это следует из термодинамических представлений Больцмана, но и зарождением жизни, как это и произошло на Земле [5].

Собранный к настоящему времени материал изучения и практического использования этой модели позволяет по-новому посмотреть на проблему жизни. Через призму модели она начинает представляться не чудом природы, а естественным явлением, возникшим в результате большого количества ветвистой цепи явлений самоорганизации. Таких как самопроизвольное объединение физических частиц до уровня химических соединений, а химических соединений до уровня биологически структур, последних – до организмов и так далее вплоть до возникновения разумного человека и современных социальных систем его самоорганизации, таких как ООН, G7, G20 и т. д.

Таким образом, физика подошла к такому этапу понимания законов жизни, на котором естественные науки были полтора века назад в понимании законов природы, что позволило затем совершить цивилизационный скачок от конной и паровой тяги и голубиной почты до авиакосмической техники и Интернета.

Новый рубеж в развитии науки позволяет перевести в практическую плоскость проекты, еще недавно казавшиеся совершенно невероятными: такие как создание моделей жизни и разума. Именно моделей, а не самой жизни, поскольку человек, как давно заметил Сократ, может почерпнуть у природы лишь малую толику ее знаний и поэтому способен сделать всего лишь модели, а не оригиналы.

Попробуем в этой связи подумать над некоторыми практическими аспектами исследования и моделирования физических процессов самоорганизации жизни.

Рассмотрим, в этой связи, что такое очень большая система и какими законами регулируется ее поведение.

Очень большая система (ОБС)

Под системой в разных областях знания обычно понимают многочастичные образования, совместное поведение которых можно описать многопараметрическими моделями. Это представление восходит к детерминистической модели движения материальных тел Ньютона. А классическим примером представляется Солнечная система, движение планет которой в первом

приближении можно описать на основе всего лишь их взаимодействия с Солнцем. Во втором приближении можно учесть возмущающее поведение ближайших планет и т. д.

Однако Пуанкаре через 200 лет после Ньютона доказал, что даже механические системы, состоящие более чем из двух частиц, говоря математическим языком, не интегрируемы, т.е. их совокупное поведение нельзя свести к совокупности поведений составляющих элементов и их всевозможных комбинаций. И даже высказал предположение о влиянии на их поведение резонансных взаимодействий. Чтобы отличить их от механических, Пуанкаре назвал эти системы большими.

Понимание невозможности точного механического описания больших систем подвигло Больцмана немного ранее к введению понятия энтропии как меры неопределенности их поведения и к формулированию теоремы о росте со временем энтропии замкнутой системы тел.

Обе эти физические концепции, ставшие со временем классическими, оказали огромное влияние на развитие человечества, позволив создать облик современной промышленной, технологической и урбанистической цивилизации. Однако они не позволили (и как показывают исследования Хакена и Пригожина, и не могут позволить) продвинуться в понимании самых важных проблем человека – жизни и разума. Оказалось, что для этого необходимо выйти за рамки классических представлений о природе систем.

Идея о том, что вслед за качественным скачком при переходе от механических систем к большим или термодинамическим системам, следует ожидать такой же скачок и при переходе от них к очень большим системам, появилась в 2012 г. [5]. Она базировалась на двух обстоятельствах.

Во-первых, на опытах с потоками жидкостей и газов, в которых с увеличением физических размеров наблюдалась самопроизвольная самоорганизация (называемая турбулентным переходом) вначале в виде отдельных вихревых структур, а затем и полномасштабной турбулентности.

И, во-вторых, на физической модели структурного перехода от большой к очень большой системе [2; 4; 6]. Эта модель получила название «социальной турбулентности». Она была проверена в многочисленных опытах, которые показали ее полезность при

решении задач, неразрешимых в рамках детерминистических и термодинамических моделей.

Таким образом, к сегодняшнему дню появились теоретические основания для экспериментов по изучению физических процессов самоорганизации жизни. За ними может последовать пласт работ по созданию моделей живых и мыслящих систем, приблизительно такой же по объему, который потребовался в свое время для создания летательных аппаратов тяжелее воздуха после появления формулы подъемной силы Жуковского или от понимания физических принципов ракетного движения до полета Гагарина.

Первые принципы самоорганизации

В результате исследования явлений социальной турбулентности удалось выяснить, что частицы очень больших систем физической, политической, энергетической, социальной и экономической природы ведут себя практически одинаково.

Во-первых, они в критических состояниях, размеры которых описываются экспоненциальным законом Кузьмина – Жирмунского, самопроизвольно объединяются в устойчивые структуры (социальные атомы). Для численных значений этих состояний они нашли универсальное математическое описание в виде экспоненциальной зависимости

$$L / L_0 \sim \exp(n), \quad (1)$$

где L и L_0 – конечный и начальный размер системы,
 n – целочисленный или дробный показатель степени.

Если размер системы измерять ее численностью (N), то из этого соотношения (1) следует ряд критических уровней, сопровождающийся образованием социальных атомов

$$N = 3, 7, 15, 20, 54, 90, 115 \dots$$

Чтобы понять смысл этих чисел, приведем наиболее известные устойчивые социальные системы такой размерности. Международные структуры G7 и G20, 15 республик СССР, 55 штатов и островных территорий современных США, 89 субъектов современной Российской Федерации.

Во-вторых, максимальная энергия и длительность существования социальных атомов определяются их линейными размерами по закону Колмогорова

$$E_0 \sim L^{2/3}, \quad T \sim L^{2/3}, \quad (2)$$

При этом, как показали исследования [3], длительность жизни наиболее крупных социальных и технологических систем на Земле, определяется 140-летними глобальными волнами и их гармониками и обертонами величиной в

$$T = 2, 4, 8, 9, 10, 11.6, 17.5, 35, 70, 560 \text{ и } 1120 \text{ лет}, \quad (3)$$

Устойчивое существование социальных атомов различной природы говорит о том, что их частицы приобретают в объединении дополнительную энергию связи. В первом приближении ее можно оценить на основе закона Колмогорова, если предположить, что плотность частиц в системе постоянна, а сама система имеет либо плоский, либо объемный характер. В этом случае энергия каждой частицы большой двумерной или трехмерной системы окажется степенной функцией количества частиц, из которых она состоит

$$E_{02} \sim N^{1/3}, \quad E_{03} \sim N^{2/9}, \quad (4)$$

В-третьих, в жизненном цикле социального атома энергия взаимосвязи его частиц волнообразно изменяется со временем согласно уравнению [7]

$$E = E_0 (1 - t/T)^{2/3} (t/T)^2, \quad (5)$$

в рамках некоего коридора неопределенности, максимальная ширина которого показана на рисунке 1.

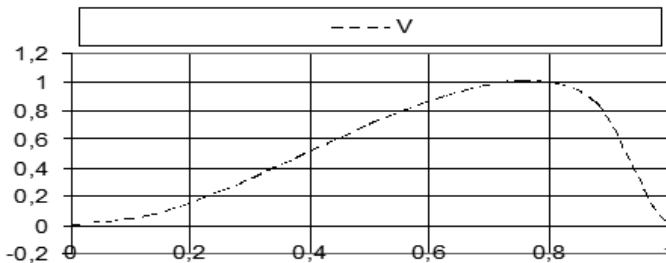

Рис. 1. График изменения максимальной энергии социального атома во времени

Для понимания феномена очень больших систем важно знать условие возникновения в них временно устойчивых диссипативных структур (социальных атомов). В гидродинамике этот критерий, введенный более ста лет назад, называется числом Рейнольдса. В последние десятилетия, однако, были обнаружены многочисленные ограничения его применимости. Поэтому более тридцати лет назад были предложены два подобных друг другу критерия, один Яненко и Гапоновым, другой Мотулеви-чем и автором. Последний, численно равный отношению размеров турбулентных флуктуаций (размеру микротурбулентных структур) к размеру макросистемы в целом, называется критерием дестабилизации: $De = l / L$.

В результате, эмпирически было установлено, что большие системы переходят в очень большие, когда их размеры более чем в 8 раз превышают размеры самопроизвольно возникающих диссипативных структур

$$L / l > 8, \quad (6)$$

Такой переход может инициироваться разными причинами и протекать различными способами. Можно, например, увеличивать размеры системы, пока в ней не начнут возникать диссипативные структуры, или нагревать ее, как воду в чайнике, пока она не закипит, или увеличивать число сотрудников фирмы, пока в ней не начнут возникать неформальные структуры и т. д.

Посмотрим под углом зрения этой физической модели на развитие биологических систем.

Динамика жизни

Оказывается, рост размеров некоторых систем живой природы протекает так же, как рост очень больших физических систем. Это демонстрируют графики сопоставления динамики развития биологических систем с теоретической моделью самоорганизации ОБС (рис. 2–5).

Теоретическая кривая на рисунке 2 построена по уравнениям 4 и 5, исходя из данных, которые говорят, что на пятый – шестой день после начала деления зиготы происходит ее структурное упрощение с образованием двух новых элементов – бластоцисты вместе с зачатком эмбриона.

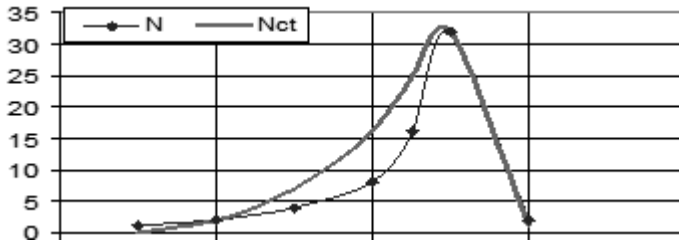

Рис. 2. Структурная сложность эмбриона человека (количество структурных элементов (N) в течение первой недели его жизни: сопоставление эмпирических данных с расчетами по модели ОБС (Nct)

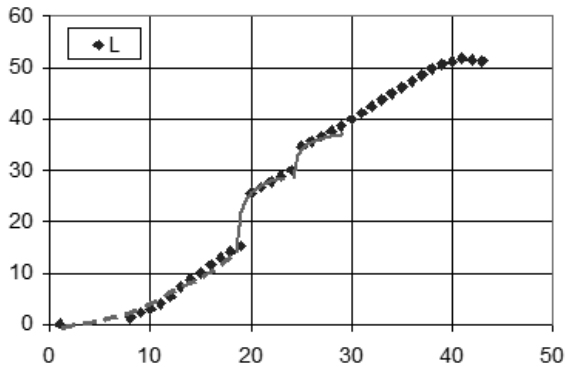

Рис. 3. Рост эмбриона человека по неделям: сравнение опытных данных с моделью роста флуктуаций Колмогорова (штриховая линия) и роста турбулентных флуктуаций по модели ОБС автора (две сплошные линии)

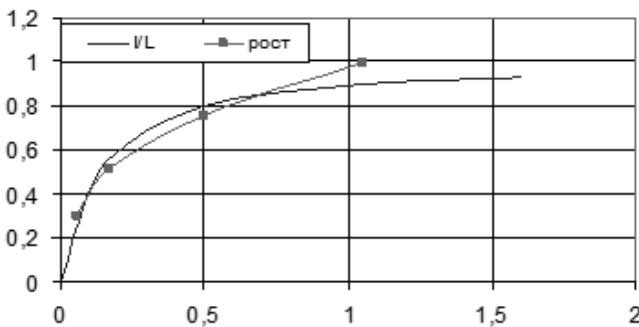

Рис. 4. Сравнение роста ребенка до его совершеннолетия с теоретической моделью роста флуктуаций ОБС

Потом эмбрион начинает увеличиваться в размерах, как это показано точками на рисунке 5. Его рост имеет, как минимум, четыре характерные фазы. Траектория первой из них, продолжительностью до 20 недель, описывается зависимостью длины турбулентных флуктуаций от времени Колмогорова (3). По окончании этой фазы, как пишут медики, эмбрион начинает реагировать на окружающий мир.

Затем наступают две 5-недельные фазы скачкообразного увеличения размеров эмбриона, описываемые уравнением роста турбулентных флуктуаций очень больших самоорганизующихся систем

$$t / T \sim (l / L)^{2/3} / (1 - l / L), \quad (7)$$

При этом каждый из этапов роста сопровождается увеличением размера эмбриона до очередных критических величин, которые описываются уравнением (1) Кузьмина – Жирмунского. Считается, что таким образом к 30-й неделе (или по окончании 7 месяцев или 210 дней), зародыш человека полностью формируется. Далее в 4-й фазе лишь увеличиваются его размеры.

После рождения человека, как показывает график на рисунке 4, траектория его роста тоже удовлетворительно описывается уравнением роста самоорганизующихся систем.

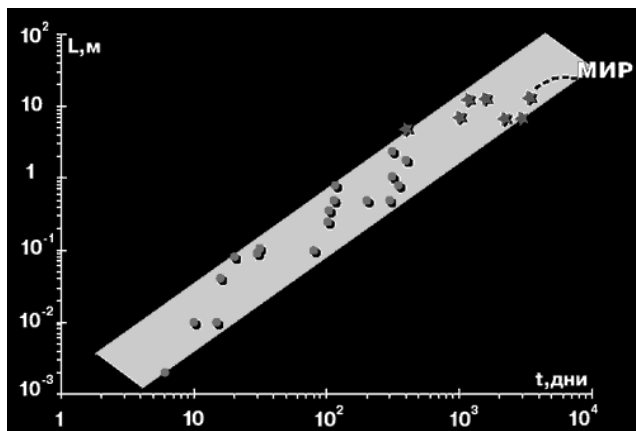

Рис. 5. Зависимость максимальных линейных размеров эмбрионов (кружки) и космических аппаратов (звездочки) от времени их жизни (штриховая линия – траектория роста станции «Мир», полоса – закон Колмогорова)

Физической моделью роста флуктуаций ОБС, как оказалось, можно описать развитие не только эмбрионов человека и животных, но и период от появления идеи летательного космического аппарата и его физического создания до окончания жизни в космосе [8]. Это показывает график на рисунке 5, на котором фактические данные по размерам и времени созревания природных или создания технических систем сопоставлены с законом Колмогорова (3).

Теория роста ОБС позволяет описать динамику развития социальных образований таким же образом, как биологических и технических систем.

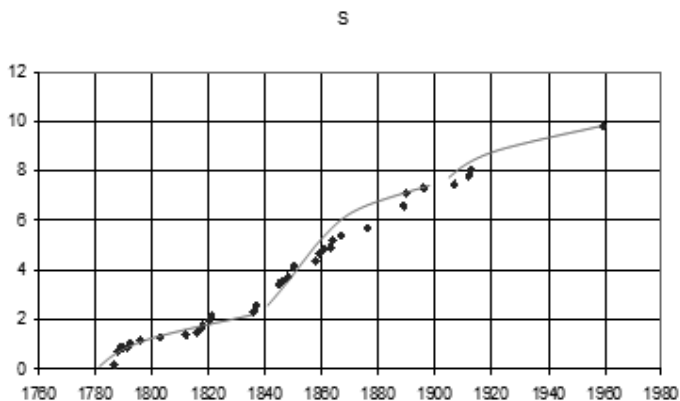

Рис. 6. Сравнение фактической динамики роста территории США (S , млн км²) с турбулентной моделью в предположении трех длинных 60-летних циклов экономики страны: 1780–1840, 1840–1900 и 1900–1960 гг.

На рисунке 6 хорошо видны три турбулентные волны роста территории США, подчеркиваемые теоретическими кривыми, построенными по уравнению (7), с момента их возникновения в 1776 г. и до 1960 г.

Таким образом, биологические и социальные системы обнаруживают такое же подобие роста во времени как биологические и технологические системы.

Аналогичное качественное подобие имеет место и в динамике структурной сложности развития биологического и политического мира.

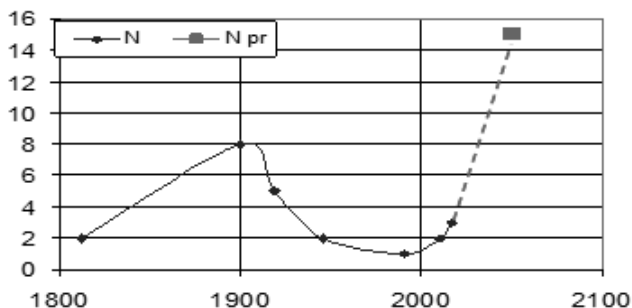

Рис. 7. Политическая сложность мира (количество великих держав), пунктирной линией отмечен прогноз автора

Революция сознания, которая изменит мир

Достигнутое к настоящему времени понимание физическо-го механизма самоорганизации различных природных систем открывает принципиальную возможность для создания искусственных моделей жизни и разума. Точно так же, как в свое время понимание принципов механики и термодинамики открыло дорогу развитию промышленности, а квантовой механики – электронике и системотехнике.

Причем моделей жизни не только на Земле, но и в космосе, поскольку в законах самоорганизации отсутствуют ограничения по характеру взаимодействующих частиц. И не только моделей жизни, но и моделей искусственного интеллекта, способного к поиску даже не системных решений, а очень больших системных или самоорганизующихся решений, т. е. творческих решений, в идеале – парадоксальных, непредсказуемых в рамках линейной логики, на которые до сих пор способен был только высокий естественный интеллект редчайших людей.

Конечно, на это потребуются изобретательский гений человечества. Но у него теперь появились основания для этого – законы самоорганизации.

Более того, знание глобальных ритмов самоорганизации и их гармоник (уравнение (3)) позволяет оценить время появления Разумной Машины (РМ). Первая из них может появиться приблизительно в 2030 г., как и прогнозирует Google. Сделать первую разумную машину удастся быстрее, чем первую модель

жизни, поскольку для нее есть материальная часть в виде компьютера, который достаточно всего лишь «научить» пользоваться законами нелинейной логики самоорганизации информации, свойственной живым системам.

На модели жизни в космосе понадобится больше времени, чем на создание РМ, но меньше, чем потребовалось природе на создание человека. Во-первых, потому, что мы можем воспользоваться колоссальным опытом земной жизни, а во-вторых, еще и накопленным интеллектуальным багажом человечества, сконцентрированным в Разумной Машине. Оптимистическая оценка говорит, что первая искусственная модель жизни в космосе может появиться в самом начале XXII в. Ее создание не только удовлетворит нашу вселенскую жажду знаний, но и обогатит человека недоступным ранее опытом конструирования живых систем. Это позволит если и не совсем, то в весьма значительной степени, избавиться от рискованных биологических и социальных экспериментов. В результате человек сможет блокировать многие тупиковые варианты социального развития, причем не только благодаря моделированию, но экспериментальному изучению искусственной жизни. Рывок в медицине станет в этом случае не самым большим достижением цивилизации XXI в. Гораздо более важным станет осознание широкими массами принципов гуманизма, возникшее в результате массовых опытов с искусственными живыми системами.

Столь невероятные даже для конца XX в. новые технологии способны будут уже в стадии своего появления в середине XXI в. вызвать мощные социально-политические сдвиги. Происходить они будут в присущей человеку драматичной атмосфере. Достаточно вспомнить в этой связи мировые войны и последующую эпоху НТР первой половины прошлого века.

Однако плоды третьей мировоззренческой революции конца XX – начала XXI в. способны уберечь человека от глобальной катастрофы, причем не столько своими технологическими достижениями в общественной жизни, медицине и производстве, сколько широким распространением знаний о цельности мира и подобии друг другу всех природных систем, в которых все зависит от всего. Не только человек зависим от природы, но и природа от человека, богатые от бедных и бедные от богатых.

И весь мир от каждого из нас.

Литература

1. Батурин Ю.М., Доброчеев О.В. Периодическая таблица критических событий космонавтики // Космонавтика XXI века / под ред. акад. Б.Е. Чертога. М.: СОФТ, 2010.
2. Доброчеев О.В. Волны жизни и творчества // Химия и жизнь XXI век. 1996. № 3.
3. Доброчеев О.В. Глобальные волны технологических нововведений // Космонавтика XXI века / под ред. акад. Б.Е. Чертога. М.: СОФТ, 2010.
4. Доброчеев О.В. Неустойчивое развитие коллективных систем физико-химической, социальной и биологической природы // Журнал всероссийского химического общества им. Д.И. Менделеева. 1995. № 2.
5. Доброчеев О.В. Турбулентность, жизнь, разум // Философия хозяйства. 2012. № 2.
6. Доброчеев О.В. Физические закономерности общественного развития // Общественные науки и современность. 1996. № 6.
7. Клепач А.Н., Доброчеев О.В. Ансамбль экономических волн или турбулентная гипотеза экономики // Философия хозяйства. 2015. № 6.
8. Серебров А.А., Доброчеев О.В. Космические аппараты рождаются, живут и гибнут, как люди и галактики // Экономические стратегии. 2001. №2.

2.4. Номо и Рацио в современной России

Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова

Западная философия (Гегель, Тойнби, Фукуяма и др.) трактует историю в контексте парадигмы «начало – середина – конец», и с inferнальной радостью, с экзистенциальной паникой и апокалиптическим страхом отмечает праздник «Конец истории», исполняя тем самым сокровенные заветы древнегерманской и скандинавской мифологий, где миры и боги обречены на гибель, на полную и безвозвратную аннигиляцию в пустотные отстойники Ничто. Хотя конец истории может быть и триумфом жизни (Рай, Золотой век, коммунизм), и трагической гибелью человечества, и гибридно-апокалиптической трансформацией человека в нечеловека, в античеловека, в сверхчеловека с сохранением минимальной человечности, и переходом людей в Инобытие, в царство Меры и Справедливости мира Иного.

В горизонтах парадигмы «начало – середина – конец» греко-римская цивилизация представляет «начало» истории, европейская цивилизация – ее «середины», а Россия – ее «конец». В этом плане идеалом человека для Древнего мира являются молодой герой, думающий не о своем благополучии, не о конце своего отечества, а о его процветании и вечном бытии (Ахилл, «вечный Рим»). Идеал Европы – сытость, обеспеченность, выраженная в преуспевающем предпринимателе (богатство как самоцель); о конце Европа не хочет и не может думать, ибо он для нее не виден, не актуален, так как его место занимает и закрывает Россия.

Но начало и середина имеют свои начала, свои середины и свои концы. Сама середина имеет конец, постепенно втягивая в себя и превращая в свои сырьевые ресурсы «материю» начала и конца, съедая саму себя, теряя конец своего бытия в нашествии энтропии. И Европа – срединное царство – ищет сегодня способы безболезненного ухода из своей срединности и превращения в НеЕвропу или даже – в АнтиЕвропу, в евроисламский мир.

Софиасофия выявляет ограниченность западной парадигмы истории, воссоздавая онтически-смысловую целостность этой парадигмы: «начало – середина – конец – продолжение». И это продолжение не зависит от детерминизма будущим, а само творит, определяет его решения, константы, действия и события.

Тем самым Россия уходит от самовольной диктатуры будущего, которое не властвует над ее развитием. Эпикур прав: нет такой необходимости, чтобы следовать необходимости. Пусть будущее идет своим путем, вершит свои решения и проекты, но Русь детерминирована миром Иным, который был ее причиной-началом, скрыто действует в ее середине и служит смысловым детерминизмом ее конца, хранящего в себе продолжение. Это продолжение может быть гибелью, «капутом» в черной дыре, превращением в другую форму бытия, превращением в inferнальный симулякр, в призрак безобразный, страдальческим вращением в колесе сансары, преображением бытия в полилектический свет творческого горения, вознесением к престолам Великой Неизвестности, а, может быть, и возвращением к «началу начал», к своему оригиналу. Россия учитывает все «пожелания» будущего в своем движении к самой себе, но все же следует к сакральному оригиналу русскости, к своему перво двигателю – Премудрости Софии.

Продолжение качественно меняет сущностную структуру конца, который имеет не только начало, середину, конец конца, но и продолжение в ином качестве. «Конец конца» качественно отличается от конца начала и конца середины именно тем, что за ним может следовать продолжение.

Продолжение – утрашающая, манящая и угрожающая, гибельная реалья, действующая по закону русской рулетки – есть только один путь блага, самосохранения и спасения. Кажется, что ради этого продолжения возникают вселенные, миры, человек, Дух, сознание, ум, душа, смысловые реалии истории бытия. Спиноза утверждал, что всякая вещь осознанно или неосознанно стремится продлить свое бытие до бесконечности, не рассчитывая достичь ее, но все же степень «желания» этой цели определяет меру их конечности. Продолжение – наивысшая метафизическая и таинственная реалья, целевая причина всех целей; здесь противоборствуют inferнальные, внеисторические, внебытийные детерминанты истории бытия и человека. А для России продолжением служит мир Иной – реальная альтернатива будущего, которое не охватывает всей целостности развития. И ведает продолжением Премудрость Софии, даруя признающим ее жизнь, озаренную смысловым светом мира Иного, а отвергающие ее заключают брак со смертью.

Поэтому софиасофия (софийная мудрость) трактует историю человечества как поиск и осуществление софийного проекта Великой Неизвестности – «Иное Царство», «мир Иной». Наиболее полно этот проект воплотился в истории и бытии России, которая сделала Премудрость Софии и мир Иной своими глубинными основаниями, незримой реальной субстанцией своей внутренней жизни, своей телеологии и эсхатологии.

Россия – страна «конца», бытующая перед бездной, которая периодически окатывает ее своим ядовито-огненным, смертоносным дыханием бунтов, войн и революций. Бездна сама по себе выступает как зряшное, суицидное, чисто разрушительное отрицание, превращающее природу, культуру, духовные ценности и смыслы, самого человека в планетарную свалку мусора, отходов и отбросов. Бездна – это бесконечное самодовольное отрицание, ничтожащее ради отрицания, ставшего самоцелью. И действует это отрицание почти в автоматическом режиме энтропии. Почти, ибо человек может противостоять ему посредством мысли и сознания, превращая его в антиотрицание. Может, но или не знает, как это делать, или не желает, или ему не позволяют это делать инфернальные анонимы бытия; поэтому Земля постепенно превращается в планету мусора.

Но бездна имеет и свой позитив¹. В христианстве бездна собирает в себе все водопады, чтобы превратить их в источники вод земных. И в русской субстанции мира Иного бездна меняет свои функции.

Возвышенное и героическое восприятие бездны как таинственного взаимодействия бытия и гибели присуще лишь России. Россию, пережившую Ад революции, гражданской войны, двух мировых войн, уже не сломают инфернальные и апокалиптические вихри истории.

Концевой статус России объясняет ее онтическое своеобразие и роль в истории человечества. Если Европа могла спокойно, не брезгуя никакими средствами, копить богатство, создавать культуру, которая возвела в ранг высшей ценности яркую, циничную и пустую посредственность, то Россия, стоящая перед бездной и видящая тщету, конец всех прагматических результатов чисто человеческого творчества, внутренне сосредоточилась на умножении духовно-смысловых ценностей, на поиске в своей бытий-

¹ «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих...» (Псал. 41, 8).

ной субстанции мира Иного, который мог бы стать мостом через бездну. Эти невидимые внутренние поиски духовной субстанции Руси и привели ее к Премудрости Софии, которая держит в своих руках смысловые ключи мира Иного. Эти же поиски обусловили парадоксальный для европейцев факт, что накопление богатств в любых формах стало для России не целью и не самоцелью, а лишь средством постижения и достижения мира Иного, средством воздвижения моста через бездну, которую Европа воспринимала абстрактно, видя в ней не свой конец, а догму христианства.

Но сам конец для России является не мгновением, а целостным образованием, в котором можно выделить свое «начало», свою «середину», и свой «конец»; мудрый русский язык сохранил нам даже выражение – «в конце концов», говорящее о сложной внутренней структуре «конца». И Россия сегодня находится в середине (в миттельшпиле) своего гибридного исторического пути, когда начала конца уже не видны, а цели, продолжение бытия ясно еще не просматриваются. Отсюда вопли либералов и жалобы патриотов о том, что неизвестно, куда идет Россия.

А дело в том, что кажущаяся бесцельность современного состояния России задана и определяется ее срединно-концевым положением в истории бытия. И главная особенность этой срединности заключена в том, что в ней идут процессы целетворения, выработка аттрактора дальнейшего бытия и развития. На поверхности этой странной, загадочной середины царят неопределенность, «суета сует», преизобилие бесполезных, а то и вредных спасительных планов, рецептов, проектов. У людей, истории и социума нет, и не может быть понимания того, что в середине конца не человек ставит цели, принимает решения, а сами цели, ценности и смыслы истории бытия выбирают страну, людей и незримо, но неуклонно влекут их согласно эсхатологическим указам своих целевых причин. В «середине конца» люди не живут, а сама жизнь их «человечится», ищет своих продолжателей.

Человеку нужно лишь довериться софийной мудрости Великой Неизвестности, учиться распознавать ее сигналы, признать непознаваемость до определенного времени ее целей и смыслов, исследовать их метафизику, подчинив ей свои субъективные желания, свою свободу, свои кажущиеся рациональными и

умными цели. Есть просто деяния, а есть опосредованные деяния через недеяния, предоставляющие свободу объективному ходу вещей и Великой Неизвестности. Но все напрасно: людей не вразумить, а сами они не сознают и не признают того, что почти все их цели потерпели крах, а в ходе их достижения победили неведомые им реалии. В человеке скуден запас хитрости, не понимают люди, как дурачат сами себя, разрабатывая стратегии без учета мнений объективного бытия и Великой Неизвестности. В миттельшпиле не игроки решают исход партии, а уже сама игра, ход ее неизвестности выбирает сценарий своего завершения, хотя во внешнем плане кажется, что все решается субъектами-игроками. Не только они двигают пешки, но и сама игра делает игроков пешками своего неведомого конца. Попасть в цель можно лишь одним способом, а промахи имеют несчетное число вариантов. И спасительный путь один, а гиблых – множество.

Россия же сегодня существует, противостоит внутренней и внешней бездне только за счет того, что скрыто следует софийной мудрости этой объективной телеологии Великой Неизвестности вне себя и внутри себя, побуждая власти невольно слушать зов своей энтелехии¹, принимать решения с учетом ее императивов. За внешней бесцельностью истории бытия России скрыто работает ее внутренняя целевая причина, задающая аттрактор ее движения. В этом нет ничего странного и удивительного: любое растение, животное, насекомое, любая птица и стихия, не имея внешнего очевидного и видимого плана, строго движутся по указанию своей внутренней целевой причины. Даже глина зрит и мудрствует, обеспечивая сохранение своего бытия².

¹ Энтелехия – основной термин-концепт философии Аристотеля. Никто не знает его смысла, его семантики, но все чувствуют и признают, что в нем сокрыто что-то самое главное для истории бытия и человека. Фома Аквинский парадоксально утверждал, что он готов отдать душу дьяволу ради объяснения и понимания энтелехии. Русская философия увидела в энтелехии софийную метафизику.

² «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою» (Притч. 6, 6–8). Даже величайший рационалист всех времен, Гегель, увидел в произрастании зерна свойства, которые можно описать лишь языком магического целепознания. И получилось удивительно, красиво, увлекательно, истинно и точно.

Целевая причина России работает скрытно и безмолвно. Но это не пифагорейское молчание, исцеляющее человека от безволия и научающее его слушать мудрецов; это и не молчание суфиев, полагающих, что слова лишь кощунственно оскорбляют внесловесную суть Бога. Нет, безмолвие России создает и хранит ее разящие, смысловые глаголы, творящие символы благодатной и справедливой Софии, но в символах и словах первозданных, доступных лишь чистым и сильным натурам, которые избирает для откровения своей мудрости сама София. А мудрость – это знания, которые позволяют дышать лишь там и тем, где и кто задыхается от бессмыслия и произвола посредственности, роющей общую могилу человечности!

Эту объективно-трансцендентную и непознаваемую целесообразность истории бытия осознала, выявила, выразила русская философия посредством парадигм Премудрости Софии, мира Иного, философии хозяйства и софиасофии. В то же время она установила и признала непознаваемость их творящих причин. Человеку вначале достаточно признать их творческое бытие, впустить их в свое сознание, а дальше начнут работать их целевые причины, придающие сознанию и разуму людей осмысленную целостность, даруя им способность понимания. Ум-разум, рассудок, интеллект присущи всем людям, а вот смысловое понимание настолько редко, что его носителей называют святыми. Святость – это понимание, достигшее уровня понимающего незнания.

Поэтому софийной парадигме русской философии суждено оставаться на положении полуэзотерической истины, которая

Гегель как бы изнутри увидел софийную целесообразность. «Сохранение зерна в земле есть мистическое, магическое действие, указывающее, что в нем есть тайные силы, которые еще дремлют, что поистине оно есть еще сверх того, чем оно является в своем наличном бытии... Магом, сообщающим зерну... совершенно иной смысл, – тем магом, для которого ржавая лампа есть могучий дух, является понятие природы; зерно есть мощь, которая заклинает землю послужить ему своей силой». Действительно, зерно заклинает землю учесть его целевую причину и превратить его в растение. То же явление Гегель видит и во врачевании. Организм заклинает лекарства изгнать из него inferнальные силы болезни, восстановить его объективную целесообразность. «Отношение болезни к лекарству вообще является магическим». А магическое свидетельствует о целевых воздействиях идеального на материю [1. 403, 543].

доступна лишь единицам (странам, учениям, людям), несущим и хранящим в своем бытии высшие смыслы мироздания и русские смыслы бытия. Они являются смысловой солью жизни, а соли много и не нужно. Солнце одно, Бог один, высший смысл один. Его носителями и реализаторами вначале были мифы и фольклор, затем – Платон и Аристотель, затем – Христос, затем – Гегель и социализм, а сегодня – софиасофия. Широкое признание и навязывание людям только вредят их смысловой целостности, а положение в качестве русского ноосферного ордена обеспечивает их миротворную и плодотворную работу в истории бытия. Есть истины и «вещи», которые массовость губит, ибо они рождены в качестве знаменосцев Инобытия.

Далее, середина конца представляет собой клубок грозящих гибелью отрицаний, которые детерминируют основные события и телеологию истории. Отрицаний внутренних и внешних, видимых и невидимых, гибридных и полилектических. Конец как атрибут бытия сам по себе представляет великую и опасную антиномию, когда объект еще существует, но уже вкусил яды небытия и постепенно теряет негэнтропию, способность к целетворению и целеполаганию, жадно впитывая в себя суицидные соблазны энтропии и хаоса, находя в их отрицаниях исчезнувшую сладость бытия. И общего алгоритма, телеологических ориентиров, выводящих Россию на ее исторический аттрактор, почти не видно, ибо они сокрыты в софийной мудрости, которая, увы, далека от интересов современного пока-еще-человека. Но сегодня только Премудрость Софии – и только она – знает мир Иной, пути и мосты к нему через бездны.

Поэтому бытие в середине конца превращается в игру с бездной; и ставкой в этой игре является жизнь, бытие. В игре с бездной участвует много геополитических фигур и субъектов, создающих массу разнообразных спонтанных комбинаций и планов игры, включая и жертвенные ритуалы.

Важнейшее значение в середине конца имеют тактика создания проблем для противников, запуск алгоритмов их ослабления, сохранение неопределенности, напряженности, фиктивности в международных отношениях и в отношениях государств со своим населением. Конец все чувствуют, вернее, сам конец избирает свои коронные жертвы, посылает им сигналы и вести, но никто не понимает и не знает постконца, продолжения.

Доминирует ход вещей и Великой Неизвестности, превращающих все знания, все известное в непонятное и непостижимое нечто-ничто.

Будучи субъектом-хозяином конца истории бытия, Россия больше, чем страна: в ней представлен целый мир, состоящий из множества народов, наций, связанных единой судьбой, массой нерегулируемых социально-культурных, хозяйственных связей и, главное, – неведомым проектом софийной мудрости Великой Неизвестности, таящей в себе продления истории бытия.

Будучи субъектом-хозяином конца истории бытия, Россия больше любого государства, ибо ее главные институты, помимо решения текущих проблем социума, выполняют и сакрально-познавательные функции, стремясь проникнуть в смысловую мудрость и телеологию Великой Неизвестности. Фантастический прорыв России в космос обусловлен не хозяйственными и военными целями, а поиском высших смыслов, высших реалий, которые, оправдывая и отрицая апокалиптичность земной жизни, содержат в себе ее переход-продолжение в иных состояниях. Поэтому в России и жизнь представляет собой нечто большее, чем жизнь, устремляясь в запределье вечности к ценностям, за которые и жизнь отдать не жалко.

Будучи субъектом-хозяином конца истории бытия, Россия представляет собой гигантский познавательный, исследовательский организм, ищущий своим жертвенным и страдательным бытием пути человечества в будущее, в иное состояние, в мир Иной, куда зовет и влечет ее софийная мудрость Великой Неизвестности, таящей в себе реальные возможности целостной реализации человечности. Россия – это особый субъект познания, познаватель и строитель мостов через бездну в будущее. А познание само по себе, даже с опорой на Премудрость Софии, невозможно без экспериментов (идеальных и материальных), без иллюзий и заблуждений, без жертвенного служения правде мира Иного, который является целью конца истории бытия. Отсюда жестокая, жертвенная история России.

А поскольку в познании решающую роль играет разум, то следует выявить роль, функции и специфику разума в современной России, в ее поисках мира Иного, в поисках моста-перехода через бездну в будущее. Императивный принцип Ф.И. Тютчева – «Умом Россию не понять» – можно постичь лишь в контексте

софийной мудрости, раскрывающей ограниченность «чистого разума», разума самого по себе, разума, ставшего автономной силой познания и жизни. В этом контексте становится очевидным, что умом-разумом нельзя постичь не только Россию, но и бытие, историю, любые реалии вообще.

Современное экономическое, социально-культурное, духовное, геополитическое состояние России невозможно ни словами описать, ни числами измерить, ни умом понять, ни культурой оценить, ни смыслами выразить. Нет рынка и нет плана как регуляторов экономики, нет вразумительной статистики (если она вообще возможна!), всюду беснуется на костях героев России антикультура, празднующая свою скорую погибель, а смыслы, кажется, укрывшись в хаосе бреда и галлюцинаций.

Реально же в России возникает не просто новая экономическая, социокультурная, духовная форма реальности, а качественно новое, русское бытие, ищущее адекватных институтов и органов своего действия. Сегодня в хозяйственной, социокультурной и геополитической жизни России вырисовывается имперская модель, которая незримо согласовывает части общественного организма. Власть России под завесой информационной пыли и спама тихо, мало-помалу занимается субхозяйством, субкультурой, субобразованием, субразвитием страны, следуя телеологическим указам Премудрости Софии и ее спецслужб – Ничто, Незнания, Тайны. Россия незаметно и постепенно устанавливает свою экономико-хозяйственную, геополитическую идентификацию, выявляет аттрактор своего движения через бездны в мир Иной, преобразующий конец истории бытия в его продолжение. Сила в ней есть, но эта сила должна оставаться скрытой и невидимой: никто и нигде ничего не должен знать – что, о чем и как Россия думает, какие решения принимает, как, чем и где будет действовать.

Но постигнуть новые реалии России Логос – ум-разум – не может, ибо он занимается изобретением новых средств, незаметно подменяя ими цели и смыслы человеческого бытия, не видя катастрофических последствий умных, рациональных решений и деяний людей.

Кант – великий диагност-врачеватель разума – доказал, что разум в равной мере признает и опровергает любые тезисы и антитезисы. Тезисы и антитезисы – «Все в России плохо»,

«Все в России хорошо», «Не все в России так уж плохо», «Не все в России так уж хорошо», «В одном отношении хорошо, в другом – плохо», «Умом Россию не понять» – разум признает равноценными и запутывает человека в паутине своих антиномий, не улавливая целостный смысл, лежащий в основе тезисов и антитезисов, определяющий недоступный для разума контекст его суждений. А целостное основание тезисов, антитезисов и скептических колебаний разума таково: «Россия движется к своей идентичности на основе и посредством софийной мудрости, определяя себя через Мэру и Справедливость мира Иного в геополитическом контексте Великой Неизвестности».

Нужно преодолеть просветительский культ разума как основной познавательной силы и выйти в контекст Премудрости Софии, сознания, ибо именно сознание утверждает цели, проекты, совесть и волю человека. Не деньги, не оружие, не ум, не власть, а сознание своими смыслами, образами, символами творит, формирует, определяет мироздание и человеческий мир. В мире идет не столько война умов, сколько война сознаний, их проектов, ибо именно от сознания зависят расчеловечивание и очеловечивание людей. Проект «человек» выработало и осуществляло сознание, следуя провиденциальному замыслу-проекту Премудрости Софии и Бога.

В контексте софиасофии автономный и чистый ум-разум выступает как «грязная», опасная и агрессивная реалья, угрожающая бытию, человеку тотальным отрицанием, пустотой, абстракциями и призраками бездны. Поэтому софиасофия не ограничивается критикой чистого разума в духе Канта, а указывает пути и средства его исправления посредством его включения в контекст софийной мудрости, посредством преодоления его губительного отрыва от сознания и восстановления его человеческих и понимающих функций. (Кстати, чистый разум не может реагировать на критику, ибо он лишен самосознания.) И для софиасофии в мире идет война не за будущее, а будущего, которым владеет князь мира сего, и мира Иного, которым владеет Премудрость Софии. Идет война не «Царства Божьего» и царств земных – все они контролируются черным князем, – а их общая война против мира Иного, в котором свобода живет Мэрой и Справедливостью.

Во-первых, разум не владеет целеполаганием, не способен

порождать цели для человека, для самого себя и готов оправдать, применив любые средства, даже гибель человечества якобы для познания истины, которая избегает его абстракций. Смыслы, цели, ценности, мораль, совесть порождаются и хранятся сознанием, а разум представляет триумф средств над целями, что грозит суицидом социуму и человеку. Разум сам по себе античеловеческая, антибытийная сила. М. Волошин видел в разуме «творчество навыворот», т. е. разум вопреки сакральному творению, превращающему ничто в бытие, занят превращением бытия в мусорное ничто, из которого уже невозможно слепить никакое бытие. И зло торжествует, ибо оно вооружено чистым разумом, отрицающим смысловой детерминизм сущего и утверждающим скрытый inferнальный проект бездны. Гегель утверждал, что разум наносит раны и сам же их якобы исцеляет. Но кому и для чего нужна такая операция? Ведь количество неизлечимых катастрофически растет! А ведь бытие существует до тех пор, пока в нем работает целесозидающий источник, порождающий смысловую материю и для абстракций разума.

Во-вторых, разум работает с абстракциями, отождествляя их с идеальными силами сознания и духа; даже конкретные физические объекты, идеальную целостность сознания, души разум превращает в абстракции, в абстрактные модели. Опасность этих абстракций состоит в том, что они становятся технологиями, беспощадными к природе и к человеку. В определенных пределах эти абстракции необходимы и полезны как огонь, пылающий в оковах, но, став самостоятельными реалиями, они превращают мир в сплошной пожар. Все абстрактное обречено на суицид. Гераклит полагал, что из огня все возникает и в огонь все возвращается: жаль, что он не показал, каким образом огонь порождает воду, человека и другие реалии, укрощающие огонь. И прав, совершенно справедливо прав Ф.М. Достоевский, полагающий, что свои сокровенные смыслы Россия не доверяет разуму, его теориям и абстракциям, хотя она ценит их, даже увлекается ими, чтобы в итоге показать бесплодие и суицидность их автономной «политики».

В-третьих, разум не в ладах с метафизикой, не понимая и не признавая ее смысловых причин; а когда он пытается осмыслить метафизические реалии (Бог, свобода, целое, незнание и др.), то попадает в сеть антиномий, неразрешимых противоречий, заво-

дящих его в плен безумия. Разум не сознает своей метафизической сути, а потому скатывается к апологетике вульгарного материализма, гедонизма, прагматизма, прокладывая дороги inferнальным виртуалиям, запуская лукавые игры¹. Разум не признает метафизический налог (софийные смыслы) за право жить, думать, сознавать, а потому человек расплачивается смертью.

Современная «прогрессивная» цивилизация успешно прогрессирует, превращаясь в «братскую» мусорную мегасвалку: с каждым днем, с каждой минутой сокращаются, умирают природа, культура, человечность, осмысленная, целесообразная реальность, а торжествуют inferнальное отрицание и бездна. И создана, движима эта цивилизация умом-разумом, умными проектами, умными людьми, умными технологиями, умными решениями, умным оружием, умным искусственным интеллектом! Но чем умнее созданные человеком технологии, институты, проекты, тем опасней и губительней для жизни последствия роста этой умственности!

Парадокс или закономерная неизбежность автономного творчества антисакрального, аморального и асоциального ума-разума? Стыдно и горько признать, но человек пока существует благодаря инстинкту самосохранения, благодаря его сопротивлению умственному безумию, порождающему технобесие, алгеброзные комплексы и синдромы, суицидную человечность. Но человечество и преклоняется перед умом-разумом, в упор не видя очевидного факта – апокалиптическое и суицидное состояние современной западной цивилизации всецело обусловлено и создано творчеством самовлюбленного, тщеславного и слепого ума-разума. Разум не может решить даже вопрос о том, что есть знание и кому оно принадлежит. Человеку-субъекту? Но без предметов знания невозможны! Предметам? Но без субъекта предметы сами не создают знаний. А знания в ведической мудрости Индии и России возможны и без предмета, и без человека – как самосущие творящие субстанции. Они принадлежат

¹ Жизненный тест для разума: «Смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством, и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно». «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лук. 6.31:21, 34). Эти постулаты разума может и доказать, и опровергнуть, и подвергнуть их скепсису, не давая правильной ориентации в их смысле, которыми ведаёт совесть сознания.

своим творящим центрам, являясь оригиналами и копиями, а в человеке и предметах проявляются и действуют лишь как копии. И не зря интеллектуалы святые полагали, что познавая вещи только и только умом-разумом, человек превратил познание в бич, карающий и губящий природу, человека, бытие.

Россия не отвергает ум-разум, а трактует его в целостном контексте софийной и софиасофской мудрости, подчиняя рацию смысловым причинам сознания, интересам высшего блага человека и мира – Мере и Справедливости. Более конкретно и прагматически Россия как субъект истории бытия и познания подчиняет ум-разум решению своих оборонных проблем, сохранению своей трансцендентной, социальной, культурной, человеческой идентичности. И, конечно, решению главной задачи своего бытия – строительству метафизического «Крымского моста» через бездну в мир Иной, который коренится в изначальном проекте ее бытия, который служит ее тайным перводвигателем и который выходит за горизонты и пределы будущего, преодолевая его неотвратимый детерминизм. Более того, современная Россия в своем движении к самой себе ставит перед собой задачу создания гибридного и социального интеллекта, сочетающего в себе сакральные, искусственные, естественные и софийные измерения. Россия ищет и приемлет лишь принципиальный, фундаментальный, новый и вместе с тем изначальный софийный разум-перводвигатель в своих основаниях.

Только «мистическая мгла» в русской философии называется софийной, софиасофской мудростью, которая преодолевает «грезы отвлеченные» абстракций ума-разума.

Русское самосознание, выраженное в софиасофии, является ключом для понимания современного мира, ибо только оно неразрывно, хотя и неслиянно связано жизненными узами с Премудростью Софии, с неведомой работой ее смысловых спецслужб – Ничто, Незнания, Тайны: работа этих спецслужб держит мироздание во всем хаосе его непостижимого для человека устроения. А русское самосознание содержит в себе мир Иной, само оно есть во многом мир Иной, в котором таятся головокружительные перспективы бытия, человека, понимания их смысловых единоречий, который содержит в себе выходы из бесконечного тупика inferнальной реальности, представляющей собой бегство от всякой реальности в сингуляр Кудыкиной горы.

Сейчас стало очевидно, что для обновления и возрождения «Великой России» нужна не просто идеология, а целостная мировоззренческая концепция, основанная не только на философских и научных доктринах, но и на магическом, религиозном опыте народов нашей планеты, и, в первую очередь, русских волхвов и святых [2]. Русское исконное мировоззрение должно строиться на основаниях философии хозяйства и софиасофии, содержащих в себе контексты, в которых осмысленно и рационально могут работать магия, русская ведическая и православная мудрость. Ф.М. Достоевский не случайно пророчил: «Истина в России почти всегда носит фантастический характер».

Апокалиптические трансформации нынешнего человеческого мира суть проявление и действие протестов мироздания против человеческого произвола, не позволяющего создать более адекватное его природе иное мироустройство. Человеческий мир переживает роковые мгновения самой Вселенной, ищущей свое Иное состояние, иначе не понять смыслы, цели апокалиптической эволюции бытия, его бесконечные трансформации, загадочные бифуркации. Но только Солнце живет полноценно в соответствии с волшебными свойствами своей полифуркации.

Тожество макро- и микрокосмоса было перводвигателем познавательных программ первых жрецов древности: волхвов, браминов, философов и мудрецов. Этот принцип требовал исходить из целостности Большого мира к целостности Среднего мира социума и, далее, к целостности микромира, чтобы в итоге найти мир Иной, служащий матрицей оптимального устройства всех миров. Да и не забывать при этом предков, которые тоже завершают свои идеи и проекты в мире Ином.

В прошлом в кризисных состояниях человеческого мира одно понимание (мировоззрение) сменялось другим – если не более полным и человечным, то хотя бы более соответствующим интересам людей, императивам неизвестности и объективному ходу вещей.

Так, христианство справедливо заявило, что с его мудростью мудрость мира сего превращается в безумие. Вся мудрость, все науки, философия, практическое здравомыслие Древнего мира разбились о мистическую формулу Тертуллиана: «Credibile quia ineptum» – «Достойно веры, ибо нелепо». Но в этом есть своя «метода»: если мир зашел в абсурд, то преодолеть его можно

еще большим абсурдом, в контексте которого малый абсурд выявляет свой смысл. Вечер – мрак в отношении дня, но он же и свет в отношении ночи. Но в этом абсурде христианства есть великая правда, которая спасла античную культуру, ее Логос, разум, логику, много других аксиом и начал, ибо его абсурд скрывал в себе иной разум, иное сознание, иные решения, иную жизнь, мир Иной.

Но в современном мире вершится нечто невозможное и непостижимое. Сегодня традиционно-прошлое понимание и не заменяется другими воззрениями, и само не работает, а спецслужбы Премудрости Софии (Ничто, Незнание, Тайна) тоже пока не могут утвердить свою правду в качестве опоры разбегающейся от самой себя вселенной.

Роковая, катастрофическая и суицидная особенность современного человеческого мира состоит в том, что люди в нем полностью теряют понимание и осознание того, что они творят, и того, что вытворяют с ними такие же непонимающие «зомбиаторы» и манипуляторы. Если оценить деяния современных правящих элит, то даже злейший их враг не сможет принести такую разруху, которую они сами устраивают в своих странах. Человек теряет смысловые и моральные ориентиры в бытии, выезжая пока на инстинктах самосохранения, хотя реклама грозит сломать и эти последние редуты самозащиты человека от суицидного безумия, не сознавая того, что и рекламу ждет инфернальная реклама гильотины, которая ее и прикончит.

Христианство постепенно и незаметно растеряло свое Иное, свое иночество, свою инаковость, превращаясь в архаический придаток современного мира. Сегодня само христианство, другие религии, науки, искусства, технологии терпят полный крах; став мудростью мира, сего, они незаметно превратились в безумие, о чем свидетельствуют современные религиозные войны, превосходящие своей жестокостью и античеловечностью всех бичей Божьих прошлых времен. Да, мир сей многое дает, еще больше обещает, но в итоге все отнимает.

Но констатация безумия современного мира предполагает наличие уже другой мудрости, которая должна служить диагностом и врачом обезумевшего мира мудростью своей смысловой воды живой. Эта мудрость уже есть, но ее не видят, не знают, не признают и не понимают.

Диагностом и врачом безумствующего мира суждено стать России, ибо только она подхватила смысловой факел мира Иного – сначала своим фольклором («Иное Царство»)¹, а затем философией хозяйства и софиасофией Ю.М. Осипова – самых удивительных, необычных и самых богатых смысловых творений человечности. И в этих доктринах мир Иной опирается уже не только на религию, искусство и науку, а на внечеловеческую Премудрость Софии, из которой вышла вселенная и все многообразие ее миров. Сам Бог обитает в этой Премудрости, состоит из нее, творит посредством нее, уделяя ее частицы всем своим созданиям. А спецслужбы Премудрости Софии содержат в себе Великую Неизвестность самого Бога; поэтому София обладает относительной автономией во вселенной, служит художницей, радостью и весельем божественного бытия, которое в глубинах своих опирается не на мрак и хаос, а на смысл, свет и радость жизненного замысла. Сам по себе и для себя Бог не является Тайной и Неизвестностью, преодолевая их посредством Софии Премудрости Божией. И Бог ценит свою Премудрость, доверяя ей самостоятельное устройство, украшение мира на основе радости, веселья, понимания и смысла, внедрения его замысла во все свои создания. София – первое творение Бога, но не нужно забывать, что творению предшествует несотворенная вечная мудрость.

Возникает (возникла?) эпоха, нет, не эпоха, а мир, нет, не мир, а особая конструкция мироздания, которое проходит ряд космологических, онтологических, исторических, культурных, антро-

¹ Сказки, былины – это не фантастические истории с экстраординарными возможностями персонажей, а это эзотерическая идеология мира Иного, который подспудно формирует национальную самоидентификацию России. Сверхъестественные возможности сказочных персонажей – это форма выражения творческих идей, которые формируют сознание и человечность, устанавливают ядро и центр личностной и субъектной демиургии детей, призывают к работе их вечное «Я». Важно и то, что в сказках персонажи как бы действуют не сами, а разными путями (кнутом, пряником, просьбами, милосердием, смирением, испытаниями) принуждают служить им любые реалии, которые и реализуют волю главного героя. Фактически речь идет о сознании, которое использует идеальные силы всех реалий, самих персонажей для реализации своих смысловых проектов мира Иного, в котором все участники событий, происшествий найдут свое максимальное благо, а злу оставляется лишь минимум бытия.

пологических, инфернальных кризисов, катастроф, испытаний в поисках своей меры, своего оригинала, своей предвечной мудрости, своего целостного смыслового контекста, своего человека, своей метафизики, своей новой инфернальности и виртуальности. Это особое мироздание, сохраняющее в себе сознание Премудрости Софии, Логос и разум, питающее их своими смыслами, выявляет, разворачивает и утверждает себя в качестве полноценного мира Иного, собирающего в себе все нереализованные потенции креативности, все реалии, признающие мир Иной и жаждущие его благостного откровения.

Идет непостижимый, неуловимый переход современного неустроенного, расстроеного, недостроенного, ненастроенного мира к мирозданию, которое Премудрость Софии выводит, воздвигает своими императивами из смысловых материалов Великой Неизвестности, мирозданию, которое София должна превратить в Дом своей Премудрости, утверждая его как мир Иной. И русскость причастна к строительству Дома Премудрости Софии, а потому мир Иной для нее родной.

Важно понять, что в этой мегагалактической трансформации мироздания все познавательные формы и методы наук, религий, философии, искусств, власти, культуры, эзотерики, инфернастики, все социогражданские и государственные институты работают против самих себя, лишь умножая суицидный хаос. Сам язык теряет свои семантические, структурные, творящие способности, будучи не в состоянии оформлять и словесно выявлять смысловое содержание происходящей вселенской катастрофы (полифуркации), выражать смысловой строй мира Иного, выходящего из Неизвестности бытия, человека, Логоса, сознания, ада, разума и языка. Во всех реалиях проснулась неизвестность и, следуя своему внутреннему зову и призыву Премудрости Софии, начала свою тайноургию по активизации смыслового и реального строя мира Иного, мира, который почти никто не знает, не ждет, но который сидит внутри каждой реалии и в свое время дает ей приказ о переходе в другое состояние или же в безвременную бездну.

Нужно осознать свое непонимание современного мира, в котором работают гносеологические спецслужбы Премудрости Софии – Ничто, Незнание, Тайна. Существующие ныне науки, культура, философия заняты денежными и организационными

делами, ибо ничего другого они уже не умеют делать. А признавать, познавать, изучать Ничто, Незнание, Тайну может лишь софисофское сознание, ибо оно имеет подобные смысловые спецслужбы в самом себе, само являясь спецслужбой Премудрости Софии. Поэтому-то искусственное сознание и невозможно, ибо нет искусственной совести, искусственной морали¹.

И для минимального освоения мегавселенского преображения мира, охватывающего и наше современное бытие, нужны иная мудрость, иное знание, иное сознание, иной язык, иной разум, иной Бог, иной дьявол, а Рай и Ад должны обрести перспективы мира Иного. Эти иные духовные силы не отрицают свое прошлое и настоящее содержание (Дух вообще всегда и во всех изменениях сохраняет свою идентичность), а преображаются, вбирают в себя смысловые откровения Премудрости Софии, мира Иного, становятся новыми реалиями, которые нужно заново изучать, осваивать, признавать, если мы хотим добра самим себе. И для мира Иного нужно заново учиться быть иным, учиться иным нормам и мерам жизни, учиться по-иному сознавать, мыслить, понимать, созидать в контексте и посредством мира Иного, искать взаимодействия с Премудростью Софии, с

¹ Хотя в мировой науке ведется фантастически огромная и щедро финансируемая работа по созданию искусственного сознания. Аббревиатура НБИКС обозначает комплекс синергично связанных процессов конвергентного развития нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий, призванных создать искусственное сознание и его носителя. Тихо, без рекламы работает психинжиниринг – дисциплина, конструирующая абстрактные (пока!) сознания вместе с гибридными (человек+машина+внечеловеческие сознания) их носителями. Техника первой почувствовала исчерпанность электронных технологий и начала искать свое «добро» в технологиях, использующих материю и энергию света. Но ведь сознание коренится в вечности и питается ею, избирая в качестве средства нейронику мозга. И наше общество, сам человек созданы для нужд сознания и ни для чего больше. Поэтому они, как и сеть, вне нравственности. Сеть не знает траура и почитания мертвых. В XXI в. сознание втягивается или погружается в виртуальную среду. И весь вопрос в том, сможет ли оно сохраниться в ней как сознание, как инстанция, различающая человека и нечеловека, оригиналы и копии, Я и Не-Я, делающая человека вменяемым существом. Поэтому «искусственное сознание» может быть только гибридным, органично сочетающим в себе технические, сакральные, антропологические и природные реалии.

ее спецслужбами. Нужно исследовать Иное, его выход из навигации, его самоутверждение через преобразование мира сего. Особенно нужно изучать, пропитываться смыслами философии хозяйства и софиасофии, в которых закодированы прямые смысловые послания и наставления теряющему бытийные ориентиры человеку.

Сначала нужно признать Премудрость Софии, ее гносеологические спецслужбы, открыть для них свое сознание. Например, как признание, так и отрицание Бога сознание превращает в новую творческую силу, которая уже сама подсказывает человеку, что и как познавать, какие решения принимать, какие деяния совершать. Бог простит человеку неверие, ибо видит, что индивид еще не созрел для восприятия Его Премудрости, но он оставит такому человеку сознание и совесть, чтобы он мог через их смысловую помощь хотя бы косвенно узнать Его Свет.

А вот даже отрицание дьявола не прощается, ибо суждение «дьявола нет» – это первая аксиома его мрачной мудрости; и эта аксиома тушит в сознании смысловые послания Премудрости, посредством которых оно постигает Благо. Ум, знания, Логос останутся, но они будут теперь уже направлены на познание всех глубин порока, мрака, жестокости, глумления и обмана. Свет, любовь, милосердие, правда исчезнут из сознания, а вместе с ними исчезнет и сознание, место которого займет inferнальный симулякр.

Так и простое признание Премудрости Софии возводит сознание человека на уровень метафизики, возвращает в нем новую творческую силу, расширяет его смысловые и моральные горизонты, открывает для него мир Иной. А скептическое игнорирование Софии обезоруживает человека, ибо сознание лишается поддержки неба и мира Иного в противостоянии суицидным, inferнальным атакам хаоса, антибытия, смерти.

Софиасофия и философия хозяйства вырабатывают новый метод познания – полилектику (триалектику), – который восстанавливает понимающие способности человека. Софиасофия и философия хозяйства содержат в себе проект нового устройства русского мира, основаниями которого являются империя, соборность, народ. В новом русском мире сама русскость выявит свое исконное религиозно-православное содержание.

История культуры выявила Иное, мир Иной, обозначив эти

реалии посредством концепта «Инобытие» (Платон, Гегель), посредством иночества монахов. В русском самосознании важную роль играют такие образы, философемы, концепты, как «Иннония», «Беловодье», «Иное Царство», «Град Китеж».

Само выявление, открытие и признание мира Иного и его покровителя – Премудрости Софии, обесточивает все существующие знания и методологии, все религии и науки, превращая их в логико-технические средства умножения хаоса, уроборосного самоуправства. Даже истинные знания (математика) вне контекста мира Иного становятся трупным ядом. Но дело гораздо сложнее и безотраднее. Сам факт возникновения знания мира Иного обесмысливает все религиозные, научные, философские знания и методологии. И, лишённые своего смыслового центра, они начинают свое суицидное самоотрицание. Поэтому наука, религия, культура сегодня занимаются не духовным творчеством, а менеджментом, наукометрикой, экзотическими формами фундаментального саморазрушения, благо Интернет позволяет на некоторое время подменить их. Их малые истины могут быть спасены лишь в контексте Иного знания, представленного сегодня философией хозяйства и софиасофией.

Приведем один важный пример. В Древней Греции и Риме высшими авторитетами были оракулы, которые ведали наиболее важными арбитражными вопросами политизма, государства и граждан. Авторитет их был непререкаем. Но вот прошел слух, всего лишь слух, о Сыне Божьем и Благой Вести, и сакральный авторитет оракулов сразу же рухнул, а мифология стала предметом насмешек, комедий, хотя до этого была суровой и грозной правдой. Общее сознание средиземноморской популяции, ее ноосфера, мгновенно произвело переоценку смыслов и ценностей, и люди вынуждены были даже вопреки своей воле следовать за этими изменениями. Таков неизбежный закон ноосферы сознания, следящего за всем, везде, всегда, во всем, подчиняя все реалии своим смысловым императивам. И только после частичного признания Древним миром христианства античная философия, культура и наука начали оживать и работать, но уже в другом контексте и на решение других задач. А София – это не слух, не выдумка, не легенда, а Премудрость, от которой рождается недоступная, но живая и действенная смысловая радость, дающая понимание.

Видимо, иудейский синедрион сразу понял, что учение Христа о Боге, мире, человеке было настолько Иным, настолько проясняло все реалии, что полностью обесценивало религию, само существование иудеев. Отсюда яростное, безоглядное и безжалостное требование казни Христа и снисхождение к реальным убийцам и преступникам. И дьявола погубит не Бог (Бог никого не убивает), а иное знание о нем, раскрывающее его роль как слуги и помощника Бога, исполняющего грязную работу, после завершения которой его самого этой грязью исцеляют.

Понимание мира Иного требует предварительного его признания в качестве особой реалии. Например, математика признает числа как особые идеальные объекты еще до всякого количественного исследования и до операций с ними. Так и мир Иной нужно признать, допустить, ибо он сам уже давно признал, допустил нас, терпит нас, ждет нашего возврата в его обители, но не открывается нам, чтобы мы случайно, ненароком не приспособили его к пороку и суициду мира нынешнего.

Мир Иной – это не стандартный продукт логосного, рационального познания, а продукт софийного откровения, уловленного еще древнерусским фольклором в образе «Иного Царства», а затем постигнутого русской иконописью и храмотворчеством, чтобы в итоге стать софийной философией, которая оформила содержание и смыслы мира Иного в философии хозяйства и в софиасофии Ю.М. Осипова.

Сведения о мире Ином достигаются путем взаимодействия сознания и разума человека с Премудростью Софии, с ее гносеологическими спецслужбами, если смысловой уровень субъекта позволяет ему быть участником такого взаимодействия, и если София признает его человеческую и духовную субстанцию достойной общения с мудростью мира Иного. Нужно признать, что есть неведомые нам реалии Ничто, Незнания, Тайны, и именно эти реалии решают, приоткрывают, определяют масштабы, глубину и точность наших знаний не только о мире Ином, но и о мире тутошнем. Не человек открывает тайну, а она сама приоткрывается ему в меру его идентичности; не человек порождает из незнания знания, а незнание открывает то, что положено человеку знать; не человек извлекает из ничто нечто, а само ничто выводит, выталкивает из себя нечто, часто – ему уже ненужное. Но такому познанию нужно учиться заново как языку, на кото-

ром мир Иной согласен разговаривать с человеком. Мир Иной нужно признавать, осваивать своим сознанием и лишь затем можно надеяться на то, что он откроется и в нас самих.

Иное – это не уникальный вымысел, нет, иное – это свойство всех реалий мироздания. Именно иное несет и хранит в себе память всех реалий об их подлинном бытии, об их сакральных мерах, которые и служат сокрытой целью их изменений, эволюции, устремлений. Каждая вещь и реалия светятся внутри себя своим инобытием; в центре каждой вещи и реалии горит незримая смысловая свеча, освещающая пути в мир Иной. Более строго – в каждой реалии обитают софийность и филиалы ее спецслужб: в каждой реалии есть независимое Ничто, из которого София извлекает свои смысловые откровения и богатства; в каждой реалии есть свое Незнание, которое служит истоком всех человеческих знаний, оставаясь независимым от них и недоступным для них; в каждой реалии есть Тайна, которая сама приоткрывает свое содержание людям, карая за произвольное проникновение в ее сферу.

В социальном плане мир Иной – это не коммунизм, не капитализм, не натурализм, не глобализм, не либерализм, не теократизм, не утопизм, не Рай, не Ад, не Царство Божье, а это – реальный проект Премудрости Софии и ее любимых, веселых и радостных спецслужб – Ничто, Незнания, Тайны, проект, утверждающий вечную и священную Мету, которая и будет царить в мире Ином.

Мир Иной созидает, устраивает, обустривает Великая Незвестность Премудрости Софии посредством ее креативных смысловых спецслужб (Ничто, Незнания, Тайны), ее проективного и творящего сознания, ее русского перводвигателя с использованием всех полезных ресурсов Логоса и разума. И стремление узнать, познать, проникнуть в неизвестность породит такие творческие порывы, смысловые инициативы и озарения, что все остальные проблемы, включая и саму смерть, станут второстепенными мелочами в свете перспектив Премудрости Софии, которая сама приоткроет человеку тайну самой Тайны, ядро самого Незнания, перводвигатель самого Ничто. А смерть может быть и незримой поднятой рукой мира Иного, его тайным приветом отчаявшемуся человеку.

София использует в своих благостных целях и людей, кото-

рые не сознают божественного замысла и софийных смыслов своих дел. И не узнают, ибо иначе они не смогли бы ничего делать. Не нужно, чтобы о мире Ином многие и много знали, чтобы его не превратили в подобие нынешнего мира, ступившего на тропу нигилизма и принявшего догмат самоотрицания. Но есть избранники Софии, которым она сама при определенных условиях – высокой метафизической квалификации субъекта и апокалиптической ситуации – может открыть, подсказать смысловые источники, в которых можно найти жизнеспасительные решения. София ведь не только от Бога, ибо мудрость – это атрибут вечно творящей вечности. Церковь и христианство не знают, что делать с Софией, с ее иконами, храмами, ибо, допустив ее, придется основательно обогащать всю доктрину христианства.

Ведь София – знание о непознаваемом Незнании, работающем в нашем сознании, и познании как их смысловой и созидательной силе. София – это и неопределенное Ничто, которое через сознание человека открывает иногда свои смысловые сокровища, логосные определения, бытийные реалии. София – это и недоступная и непознаваемая человеком Тайна, которая сама иногда приоткрывает свое миротворное содержание. А в целом Премудрость Софии может иногда через свои смыслотворящие спецслужбы – Ничто, Незнание, Тайну – приоткрывать человеку пути в мир Иной, его устройство.

София содержит в себе и тайну сознания, ибо оно направлено против природы, материи, которые не могли сами породить своего врага и могильщика. И философия хозяйства, возникнув как форма познания и сознания, со временем превратится в особое социокультурное движение, созидающее общество и человека, мир Иной. Человек в своем хозяйствовании делает все из неизвестной субстанции посредством ее неизвестных свойств и с неизвестным итогом, но при этом хозяйство дает ему и понимание некоторых реалий этой роковой неизвестности. Дело в том, что именно хозяйствующее сознание имеет дело с реальным сознанием, через которое и посредством которого скрытно работают и миротворные силы Ничто, Незнания и Тайны. Вне хозяйства сознание не знает, что оно созидает, куда идет, творит или отрицает самого себя. Да и наука сегодня нужна не для исследований, а для конструирования различных роботов.

Странно, София не дает никакого определенного знания, а

даже наоборот – ограничивает, разоблачает иллюзорность существующих знаний, но Ничто, Незнание и Тайна, исходящие от Софии и работающие в нашем познании в качестве его смыслотворящих сил, дают более глубокие знания и понимание бытия, человека, самого познания, ибо вскрывают их почвенные, коренные и метафизические истоки, основания.

Мир Иной созидают не люди, он устанавливается сам по себе, движимый волей Премудрости Софии, хотя и при содействии всех человеческих благих умений. Мир Иной – это софийный сюрприз, который по странной мудрости Софии совпадает с реализацией сакральной русскости, религиозности русского мира.

Мир Иной – это общий, совокупный плод, результат поисков и усилий всех реалий, выход из апокалиптических и уроборосных тупиков эволюции в сферу полилектического многообразия бытия, в котором диалектика, противоречия, конфликты, кризисы, сама смерть потеряют свою автономию и станут аспектами, свойствами единоречий мира Иного, исполняя не свою волю, а волю целостности мира Иного. И в этот мир нужно войти через изменение своего сознания, через признание других смыслов и других ценностей, а не путем простого анализа фактов. Современный мир – это война контекстов смерти и контекста жизни. И в личной жизни тут великая подмога: когда не знаешь, что познавать и делать, берись за постижение смыслов и дел мира Иного.

В настоящее время психоинжиниринг формирует новые объекты – абстрактные сознания, психогенные пространства (Сети). Посредством Сетей делается попытка освоения внечеловеческих сознаний, присущих всем реалиям мира; и в человеке есть не только человеческое, но и внечеловеческое, иное сознание, как и в искусственном интеллекте тоже есть свое сознание, которое поражают вирусы, ибо в самом интеллекте для них нет пищи. Создаются новые типы взаимодействий (интерфейсов) сознания человеческого и сознаний внечеловеческих, и через информационные воздействия на эти внечеловеческие сознания можно целенаправленно изменять, разрушать, деформировать человеческие этносы, управлять ими, прививать им искусственную беспомощность, разрушать их социокультурную и биологическую идентичность, скрыто запускать спонтанные деструктивные психозэпидемии, разрушать смысловой мир

людей¹. Но сознание несет в себе и требование уплаты нравственных долгов, а забвение этих долгов вызывает его возмездие на самонадеянных «ученых».

Так, Европа, создав вначале культ Логоса, затем отреклась от него, но не в пользу Духа, его сознания и Софии, а в пользу искусственного интеллекта. Возмездием стала деградация – цивилизационная, расовая, этническая и биологическая. И эта деградация идет не сама по себе, а посредством разрушения взаимодействий (интерфейсов) с другими человеческими и внечеловеческими сознаниями, с миром Иным. Специалист по проблемам мозга С.В. Савельев выдвинул гипотезу, согласно которой у европейцев в последние 1,5 тысячи лет уменьшается мозг [3]. Это обусловлено тем, что европейская эволюция вела жесткий отбор по линии перехода от полилектики к диалектике, завершаясь конформизмом. А равнодушие к справедливости, к непонятному, непризнанному подвигу, зря состоявшемуся для спасения европейцев, губит полиморфизм бытия, убивает мозг. И Запад порождает, жадно впитывает ядовитые «измы» своей бездны, и, вглядываясь в зеркало Логоса, видит вокруг себя всеобъемлющее зло – самого себя, не желая признать в этой копии оригинал.

Через Россию в остальной мир придет надежда прочного и справедливого мира. Нет такой силы, которая смогла бы свернуть Россию с пути в мир Иной, ибо этот путь сам нашел Россию, которая уже была на нем. Россия все сметет на своем пути к родному миру Иному.

И справедливость – не прихоть, а основа громадного замысла Господа при создании человечества. Противоречить этому замыслу – значит, противоречить творящей воле Всевышнего, обрекать свои деяния на неизбежную катастрофу. Революция справедливости неизбежна, ее чает мир, ее чает Россия. Пропать несправедливости, утвердившейся в России, не перейти по временным и шатким мостикам лукавых указов и квазизаконов. Там, в этой пропасти, открывается темная русская бездна, из которой доносятся гулы и стоны веков, превращающиеся в

¹ Но если учесть, что сознание само по себе есть внечеловеческий феномен, создающий для себя антропологические формы своего бытия, то получается, что человек в каком-то плане становится медиатором во взаимодействиях различных сознаний!

бунты и в революции. Но революция справедливости, исправляющая вывихи нашего общества, должна быть проведена сверху – государством, которое справедливость охраняет.

И сама Россия (Русь), ее самосохранение в океане бушующей вокруг нее и против нее несправедливости и злобы – это уже есть победа смысловых императивов Меры и Справедливости над бездной.

Россия – сама по себе есть проект, а ее стратегию незримо и неведомо для нее ведет Премудрость Софии, ее смысловые спецслужбы – Ничто, Незнание, Тайна. А какая у них может быть стратегия? Да они сами являются стратегией русского мира Иного! Древняя Греция, Древний Рим, Древний Египет, Российская монархия имели стратегии своей эволюции. Но они исчезли, а стратегии остались. Россия не должна доверять никакой концепции, никакой стратегии, ибо все они страдают человеческой ограниченностью и преходящи по отношению к ней. Стратегии и концепции для России, а не Россия для этих абстрактных ментальных продуктов. Россию создали не концепции и стратегии, ее сотворила софийная мудрость Великой Неизвестности для реализации, возрождения, исполнения проектов мира Иного.

Есть, есть у России свой высокий промысел. Она создана для того, чтобы проторить дорогу в мир Иной и через него – в загадочно манящую неизвестность. Так, все нашествия, войны, катастрофы России не сгубили ее, а выковали в ней орудие для прорыва в Космос, для отмены закона тяготения. 1917, 1914, 1945 гг. были нужны только для выхода в Космос, который дал старт подлинно новой эпохе. Смысл России – Космос, а следующий смысл, который рождается в ней – мир Иной, который служит промежуточной станцией на пути в Неизвестность.

Для этого России дан дар строить империю, посредством которой только и может быть реализован неведомо-ведомый замысел о Руси. Рим открыл, выявил, создал сам институт империи, но он презирал метафизику, а потому не мог и не желал найти сверхземные, метафизические цели империи, которая рухнула из-за отсутствия достойных имперских целей. И это при том, что Рим грабил, поработал народы, но не унижал, не оскорблял их богов, а принимал их в свой имперский пантеон. А все попытки Европы построить империю завершаются провалом и катастрофой. Карл Великий, Наполеон, Гитлер, ЕС – свидетельства того,

что Европа взялась не за свое дело. Кроме того, Европа унижает, оскорбляет народы, их религии.

И Россию нельзя унижать, оскорблять. Россия создана для сакральных целей мира Иного, отдана под опеку Премудрости Софии и ее смысловых спецслужб – Ничто, Незнания, Тайны. И пока эта сакральная задача мира Иного не будет решена, Россия останется неодолимой.

В современной истории идет борьба за новое, неведомое бытие, которое Россия уже обозначила как мир Иной и невольно возглавила борьбу за него. США, Европа, Китай уже достигли своих вершин на стезе глобализации, и путь им открыт только вниз и в бездну, а России выбирается из бездны, и у нее путь только вверх, через тернии к звездам. Но до поры до времени нужно держать в секрете ее стратегический сакральный проект, пока он не исполнится. И остановить это неотвратимое решение и дело Премудрости Софии, созидающей из России свой Дом Иной, не смогут, да и не пожелают никакие силы, ибо в этом Доме они сами найдут свою искомую сокровенность! А смена контекстов мироздания подвластна лишь Премудрости Софии.

Русскость находится на постоянных распутьях мира сего и мира Иного: испытав тупики, ритмы и алгоритмы евробифуркаций, она ищет полифуркацию своей целостности, своей устрояемости в мире Ином. Русская бездна и русский Космос – не мир ли это Иной?

Волхвы, монахи-пророки, маги, чародеи видели в России не только страну, власть и территорию, но и религию будущего. Они тайно следили за Россией, полагая, что каким путем она пойдет, таким же примерно путем пойдет история¹. И для них лучшей

¹ В первой трети XIX в. в европейской философии произошел духовный надлом, который Ф. Энгельс назвал «концом немецкой классической философии», С.Н. Булгаков – катастрофой, гибелью европейской философии вообще, а Ж. Бодрийяр – смертью философии, которая теперь продолжается, наличествует в качестве мертвеца, каким-то образом имитирующего, симулирующего живую мысль, ее ум и даже заменяя их. Философия стала симулякром разума, интеллекта, некрософией, мудростью мертвых, или же мертвой мудростью. «Философия сегодня исчезла (в этом и состоит ее проблема: как существовать в исчезнувшем состоянии?)» (Ж. Бодрийяр) [4, 133–134]. Ну и логика! Философия (да и наука) исчезли, и все-таки существуют. Не философия и наука исчезли, а исчезают европейцы, способные работать с ними, понимать их, служить им.

новостью было отсутствие новостей, ибо главную новость они уже знали, а преизобилие новостей говорит об отсутствии главной – Благой вести.

Ради мира Иного Россия преобразует Логос, ум-разум, интеллект в мыслящее сознание, в смысловые обобщения, порождающие, понимающие знание, Мэру и Справедливость. И тем самым сохраняет благородный, благотворный ум-разум, справедливый Логос. В то же время ей суждено возратить экономику в лоно хозяйства, ибо для Софии экономика – это смерть. Любая реальность мстит за свои неточные, искаженные названия и обозначения.

Сегодня теоретики и наука отрываются не только от жизни, их разум отрывается даже от (о)сознания. Людям кажется, что они мыслят, но о чем и зачем это делается, они не знают; а прикладная наука и не желает знать. Но если разум не желает знать свои деяния, то их знает и приглашает на свой пир безумие. Ж. Бодрийяр утверждает, что разум, став технологиями, машинами, производящими потребительские вещи, создает реальность безумия: «Можно утверждать, что применение техники играет роль отвлекающего средства и воображаемого решения проблем» [4, 65]. «Как на каждый день в году есть свой святой – так и для каждой проблемы есть своя вещь; главное – в нужный момент изготовить ее и выбросить на рынок» [4, 138–139]. «В нашей цивилизации машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич. Механическая организация зачастую представляет собой временную и дорогостоящую замену настоящей социальной организации или же здоровой биологической адаптации. Машина приводит к отмиранию функций, граничащему с параличом» [4, 138, 65]. Техника, вынуждая человека поклоняться неживым вещам, упрощает его, отучает его от живого, формирует у него дополнительный инстинкт смерти.

«Фактически свершилась настоящая революция быта: вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Вещи делаются все более, а наши жесты – все менее дифференцированными. Спроецировав себя в связную структуру, человек сам оказывается отброшен в бессвязность. Перед лицом функциональной вещи он оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен: отныне он – пустая форма,

открытая для любых функциональных мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью внешнего мира», делающего излишним технологически неэффективного человека» [4, 143, 64]. Этими корявыми словами выражается неразрешимый кризис техномира. Усложняющиеся проблемы решаются путем отрешения человека от бытия и перевода его в статус идиота-наблюдателя, который радуется своему исчезновению.

Чудовищные тяготы России как Центра софийной мудрости извечны и коренятся в ее сингулярности, ибо центр всегда один, а периферийщиков множество. И Центру не впервой терять части, но пусть никто не мнит, что Русь теряет семена своей целостности. И пусть злорадствует мрак: якобы рушится Русский мир, как когда-то распался Римский! Не видит он ядро, центр мироздания, где властвует Премудрость Софии, ее гносеологические спецслужбы. А по краям правят Логос и разум. Объединяет и уравнивает Центр и периферию незримый мир Иной. Для Софии периферия ценна как материал эволюции, которая сама по себе пустой поток без Премудрости, в которой скрыта сила опыта, магнит направления, перводвигатель изменений. Середина конца России беременна продолжением мира Иного, проектами мостов к Мере и Справедливости Великой Неизвестности.

И нужно всегда избегать взора Медузы Горгоны будущего. Ибо чистое, бесконтекстное, автономное будущее – это князь мира, набирающий для себя вассалов и рабов с минимумом сознания, но с максимумом сильных, тщеславных и слепых умов. О будущем грезят лишь слуги Золотого тельца, а для русских народов будущее – часть Меры и Справедливости мира Иного, путь к софиасофской мудрости Великой Неизвестности.

Россия лишь отчасти детерминируется будущим. И не Россия не имеет будущего, а будущее без России не имеет почвы, исчезая в черной дыре англосаксонского уробороса, в деструктивных силах его хитрой наглости.

Целостность русской субстанции детерминируется не только будущим, коим ведает князь мира сего, а прежде всего указами софийной мудрости мира Иного, который порождает, вырабатывает смысловые алгоритмы Меры и Справедливости, новые экзистенциальные модели личности, имперские институты, софийный патриотизм. Сознание, а не только ум-разум, служило

и служит основным оружием истории и современной эпохи. Сознание, самосознание – смысловой якорь России (Руси) в создании метафизического моста через бездну в альтернативный будущему мир Иной.

Литература

1. Гегель Г.В. Ф. Соч.: В 14 т. Т. 2. М.; Л., 1934.
2. Соколов Д.С. Мистика и философия спецслужб. М., 2010.
3. Савельев С.В. Ниццета мозга. М.: Изд-во «Веди», 2014.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Издательский дом «Рудомино», 1968.

Горизонт третий.

Россия в поисках суверенного техно-экономического будущего

3.1. Российская перспектива: от вибрирующих горизонтов к устойчивой самостоятельности и инфраструктурной власти

М.А. Румянцев

Когда вибрируют горизонты, или трансграничные переходы в обществе и экономике? Изменения мирохозяйственного устройства, происходящие на наших глазах, явно выпадают из привычной логики событий и знаменуют тектонические трансформации в обществе, в человеке, в экономике, в технологиях. Любой трансформационный процесс приводит к вибрации границ между старым и новым, к утрате четкого видения происходящего, поэтому в поиске нового горизонта необходимо обосновать методологию исследования трансграничных переходов в движении экономики.

Размышлять о границе – значит увидеть особенную область в бытии и мышлении. Граница – это начало и конец всякого бытия или вещи, смена состояний, «ситуация между», разделяющая, но и соединяющая свое и иное. Философское определение границы исходит из пронизанности мира (как и любой вещи) отношениями конечности и бесконечности. Мир одновременно конечен и бесконечен, имеет границу и не имеет ее, и это касается любого объекта нашего мышления. Если мы не видим ни конца, ни края вещи, то пребываем в дурной бесконечности, в которой любой объект принципиально не о-пределен. Следовательно, бесконечное – это нечто осмысленное и оформленное, и в этом смысле конечное. В «умной бесконечности», как показал А.Ф. Лосев,

находят себя и бесконечное становление вещи, и ее границы [2]. Тогда мы сможем увидеть в мире сосуществование разнообразных миров и переходов между ними.

Все это означает следующее:

- любая вещь (мир, экономика) имеет такую структуру, что дальнейшее продвижение за пределы этой структуры оказывается невозможным;

- стало быть, любая вещь (мир, экономика) должна иметь неоднородную структуру, если вещь представляет собой однородное пространство, то двигаться по нему можно бесконечно, бессмысленно и бесцельно;

- если вещь имеет неоднородную структуру, то она должна иметь свою периферию – такое пространство около своей границы, которое не дает возможности выйти за эту границу и принуждает нас двигаться по этой границе, по периферии вещи;

- тогда мы вправе говорить об особой конфигурации этого неоднородного, периферийного граничного пространства с его особой фигурностью, «фрактальностью», «плотностью» – об особых подвижных состояниях вещи, которые могут расширяться и сжиматься, изменяя при этом саму вещь в ее пределах, в ее очертаниях;

- следовательно, движение вещи по границе есть особое движение с особыми видоизменениями, предполагающими деформации, мутации и мнимые формы, что хорошо видно на положении теории относительности: когда тело движется со скоростью света, то его объем становится равным нулю, и тело становится мнимой величиной, оставаясь телом, но в другом, мнимом облике – в пограничном состоянии.

Итак, мир границы – это другой мир. Но в чем состоит смысл движения вещи к своей границе, принцип ее разворачивания?

Граница есть истина движения вещи. Вещь движется от своего начала к концу, к границе, и подобное становление вещи (категории) бесконечно. Вспомним, сколько конечностей и бесконечностей содержится в обычном натуральном ряду чисел. Но всякое становление, по мысли А.Ф. Лосева, возможно только тогда, когда при всех изменениях есть и что-то нестановящееся, неизменное – нестановящаяся основа. Эта нестановящаяся основа любой вещи есть предел ее движения, ее конец или цель движения [2]. Иными словами, самодвижение любой вещи

(категории) сводится к ее предельному значению, только в нем прозрачно проступает цель, к которой вещь стремится. Граница или предел есть истина любой вещи. На границе внутренние противоречия и содержание вещи оказываются исчерпанными, завершенными. Новая категория или вещь является пределом бесконечного становления предыдущей. Хозяйство развивается как целое: в его движении разрешается противоречие между его становлением в истории и пределом этого становления – границей с другими типами хозяйства.

Граница – это водораздел, где вещь (категория) сосуществует со своим иным. Это простое и ясное положение требует развития. Каким образом можно определить специфику процессов, проходящих на границе вещей, категорий, экономических систем или исторических эпох?

Трансграничные процессы суть дискретные изменения, обособленные во времени и пространстве от общего хода событий. Какое-то представление о граничных и трансграничных процессах дают наработки теории систем и синергетики (понятия нелинейности, хаоса, порядка, турбулентности, резонанса, асинхронности и т. п.). Действительно, трансграничные процессы принципиально нелинейны: они ведут к качественному изменению типа динамики системы в результате ряда синхронных воздействий на нее. В итоге получается что-то иное. Уход старых структур и рождение новых нарушает непрерывный и плавный ход истории. В этом ракурсе история видится как развилка путей, состоящий из взлетов и падений, системных кризисов и катастроф, тупиков и переходов. Ясно, что такого рода изменения оказываются разрывами, отъединенными от общего хода развития и обособленными в пространстве и времени.

В пограничных зонах движение экономики принимает совершенно особые формы переходов и трансформаций, зачастую долговременных и не сразу заметных – до поры – процессов рождения новой реальности. Ключ к пониманию специфики трансграничных переходов обнаруживается в принципе «обратной перспективы», разработанном П.А. Флоренским для сравнения западноевропейской живописи и православной иконы. Чем дальше в обратной перспективе видится нечто, тем оно больше, и, наоборот – чем оно ближе, тем по своему значению меньше [7]. Иными словами, на границе происходит своего рода оборот-

ничество нового и старого: *новые формы хозяйства и мышления всегда формируются на базе первопринципа своего движения, который рождается во времени позже, чем его исторические предпосылки, а затем превращает эти предпосылки в свои периферийные формы, меняя их роль в общественной системе.* Необходимые для становления нового институты и институции прошлого попадают на периферию новой общественной системы. Как и их субъекты.

До сих пор речь шла об объективных параметрах граничных ситуаций, но в условиях повышенной хрупкости, альтернативности и полного отсутствия предопределенности трансграничных процессов решающая роль принадлежит человеку и рукотворным началам, идущим от сознания и воли людей. Именно в переломные эпохи субъектные факторы экономики выходят на первый план. Да, но в чем же проявляются граничные и неустойчивые изменения в современном мире, насквозь пронизанном нестабильностью?

Новая промышленная революция и поздний капитализм как факторы нестабильности

Исследователи новой промышленной революции рассматривают ее в качестве глубоких качественных изменений основ техники и технологий практически во всех отраслях хозяйства [4; 8; 10; 11].

Обратим внимание на принципиальные отличия новой промышленной революции от предыдущих индустриальных переворотов. Первая и вторая промышленная революция привели к смене технологий, изменяющих форму вещества путем механической обработки природных материалов (сырья, металлов, древесины и др.). Первая промышленная революция была основана на использовании угля и энергии пара, вторая базировалась на нефти и электричестве. Но суть индустриальных технологий – массовое применение машин для видоизменения форм природных веществ – не менялась. Принципы новой промышленной революции совершенно иные. Что общего между информационными технологиями, робототехникой, нано- и биотехнологиями, 3D-печатью, аддитивными технологиями и когнитивными вычислениями? Одни из них воздействуют на внутреннюю структуру вещества на атомно-молекулярном уровне, другие модели-

руют человеческий интеллект и создают системы управления, основанные на искусственном интеллекте. Таким образом, сущность новой промышленной революции можно определить как моделирование и воспроизводство природных и интеллектуальных процессов, постепенно охватывающих все сферы жизнедеятельности человека. По масштабу и глубине преобразований новую промышленную революцию уместно сравнить с аграрной и индустриальной волнами, изменившими тип человеческих цивилизаций и ход истории.

Историк цивилизаций Ф. Фернандо-Араместо пришел к выводу, что аграрная и индустриальная волны на ранних этапах сопровождались ухудшением жизни людей, торможением экономического развития, нарастанием кризисных тенденций и неопределенности. Например, жизнь крестьян не была легкой, но она была более зажиточной, чем жизнь первых поколений рабочего класса. Кроме того, у крестьян в сравнении с рабочими сохранялись определенная независимость и контроль над условиями труда. Аналогичным образом, уровень и качество жизни первых земледельцев был ниже, чем у первобытных собирателей. В исторической перспективе аграрная и индустриальная волны привели к улучшению жизни и к экономическому развитию, но ранние этапы аграрной и индустриальной эпох длились достаточно долго: от 100 до 200 лет [6].

Очевидно, что в ходе новой промышленной революции в условиях нестабильности сформируются новые технологические парадигмы, появятся новые исторические субъекты и возникнут новые зоны экономического роста. Но в рамках этого долгого и конфликтного процесса потребуются разрешить много противоречий, главное из которых состоит в следующем: оседлает ли современный «поздний капитализм» промышленную революцию или уйдет из истории, уступив место альтернативному миропорядку? В современном мире нарастание нестабильности в условиях позднего капитализма, исчерпавшего пределы и балансирующего на своих границах, проявляется в следующем:

- отрицательный антропологический сдвиг, который находит свое выражение в снятии этических обязательств с экономических практик и подмены традиционной буржуазной ценности «профессионального призвания» финансовым мотивом, в росте нетрудовых «постматериалистических мотиваций» в

«цифровом обществе», ведущих к деформации самой природы человека и к антропологической катастрофе;

- близок предел территориальной экспансии: большая часть мировых территорий и рынков освоена капитализмом;

- достигнут предел институциональной экспансии: экспорт институтов капитализма приобрел всемирный масштаб;

- капитал преодолел границы, ранее отделявшие его от культуры, науки, образования: науке и образованию вменяется статус рыночных благ, интеллектуальные блага превращаются в интеллектуальные активы бизнеса, а университеты организуются по типу административно-рыночных корпораций;

- возможности расширения рынков практически исчерпаны, что приводит к обострению геополитической конкуренции;

- лавинообразно нарастают и приближаются к своему пределу макроэкономические и финансовые дисбалансы – такой разбалансированности основных воспроизводственных пропорций и отрыва финансового сектора от реального история капитализма, по-видимому, еще не знала;

- в условиях финансовых дефицитов ощущается явная нехватка ресурсов для технологического рывка: природа новейших «трансформирующих технологий» новой промышленной революции такова, что для их массового внедрения требуются широкомасштабные инвестиции, которые современное общество пока обеспечить не может; развитие новейших технологий носит анклавный характер, что приводит к обострению конкуренции ведущих акторов мировой экономики за ресурсы, необходимые для обеспечения рывка в новое индустриальное будущее;

- угасание духа инновационного предпринимательства: организационные сетевые инновации и рационализация улучшающих нововведений более привлекательны для бизнеса, чем радикальные инновации, основанные на фундаментальных открытиях, что косвенно подтверждается популярной в академических и политических кругах идеей создания эффективных национальных инновационных систем, призванных восполнить дефициты предпринимательских мотиваций; показательна сама постановка вопроса о замене антропологической стихии творчества институтами, оптимизирующими инновационный процесс;

- рост глобальных рынков достиг своих пределов, что

провоцирует растущую нестабильность (торговые войны, санкции) и приводит к формированию новой архитектуры мирового хозяйства, основанной на конкуренции макрорегионов, при этом возникновение мощных региональных союзов только усилит мировую конкуренцию и вызовет эскалацию войн и конфликтов;

- рост нестабильности приводит к тому, что среди занятых растет доля лишенного гарантий и социальной идентичности прекариата.

Современный или «поздний капитализм» в условиях нарастающей нестабильности имитирует развитие за счет создания искусственных мега-рынков для приложения избыточных капиталов в финансовом сегменте и в области потребления домашних хозяйств и обеспечивает рост капитала за счет рукотворных манипуляций и оптимизаций перераспределительного характера. Манипуляции финансовыми рынками, вменение цен на рынках инвестиционных и сырьевых товаров, эскалация санкций и торговых войн ведущими корпорациями и государствами дают нам пример вырождения рыночных отношений в волюнтаристский способ хозяйствования: стоимостные отношения принимают мнимую форму, в действительности оказываясь не связями рыночных акторов, а самыми что ни на есть рукотворными, административно-вмененными, персонифицированными взаимодействиями.

Наглядная характеристика современных трансграничных процессов – это снижение эффективности прогнозирования и стратегий управления экономикой в условиях нарастания рисков неопределенности будущего. Результативность стандартных макроэкономических стратегий государств падает в силу дискретного, то есть выпадающего из привычной логики, характера трансформационных процессов. Важным для уяснения существа трансформационных процессов является понятие сингулярности. Сингулярность представляет собой необъяснимую фазу трансформации экономической системы, прогнозирование изменений которой на основе линейного подхода к хозяйственному развитию малопродуктивно. С позиций привычных экономических логик увидеть «что там за горизонтом» в долговременном периоде невозможно. Вследствие потери экономикой предсказуемости и определенности будущего происходит рассо-

гласование целей хозяйственных агентов, их планы становятся трудно совместимыми, уровень доверия в экономике падает.

В оптике сингулярности снижение уровня определенности предполагает управление базисными процессами долговременного воспроизводства экономической системы. Наименее подвержены рискам неопределенности источники натуральной ренты. Это приводит к обострению борьбы государств и корпораций за контроль над природными ресурсами и территориями, за право получать природные ренты. Но современная геополитика приводит экономику, скорее, к примитивизации, чем к развитию.

Где же можно увидеть рождение новых качественных параметров экономики, управление которыми позволяет стимулировать движущие силы российской самодеятельности и расширить горизонты планирования в условиях продолжающихся трансформационных кризисов? И как новые качественные параметры новой промышленной революции могут быть органично встроены в общественно-хозяйственную динамику России с ее особенностями и историческими ритмами?

На круги своя: Россия и логика инфраструктурной власти

Для исследования хозяйства Больших пространств России – Северной Евразии важным оказывается проведенное Дж. Арриги разделение «капитализма» и «территориализма» как противоположных способов правления или логик власти. В отличие от капиталистических государств, «территориалистические правители отождествляют свою власть с протяженностью и населенностью своих владений и считают богатство/капитал средством или побочным продуктом стремления к территориальной экспансии» [1]. Хозяйствование в России происходит, как правило, в условиях избыточных неосвоенных Больших пространств и дефицита денег и капиталов, что требует накопления власти, редистрибуций (централизованного перераспределения благ) и мобилизации трудовых ресурсов.

Продолжая эту мысль, резонно предположить, что с экономической точки зрения логика территориального развития за счет перераспределения ресурсов формирует особую ценность или благо – Большие инфраструктурные проекты развития террито-

рий, которые преобразуют сложившуюся систему общественного разделения труда и объединяют разнородные евразийские территории и хозяйственные уклады в единую общественно-государственную систему. В этом отношении интерес представляет концепция инфраструктурного государства М. Манна. По его мысли, инфраструктурное государство проникает сквозь структуру общественных отношений и создает необходимые логистические связи для реализации собственной власти. «Инфраструктурная власть – это институциональная возможность централизованного государства, деспотического или нет, реализовывать свои решения в пределах собственного пространства. Это коллективная власть, «власть сквозь» общество, координирующая общественную жизнь через государственную инфраструктуру» [3]. Таким образом, собирание и обустройство Больших пространств, неоднородных по условиям хозяйствования территорий, их освоение путем инфраструктурных проектов определяют исторические ритмы российской государственности и хозяйственной эволюции.

Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит смена центров власти и изменение направлений развития. Новый Центр проводит долговременные стратегии – Большие инфраструктурные проекты, в которых хозяйственное обустройство новых земель становится целью, а государственный контроль над движением денег и капиталов подчиняет экономику этой хозяйственной сверхзадаче. Бенефициаром таких проектов в кратковременном периоде являются новые элиты, экспроприирующие активы прежних элит и присваивающие прибавочный и, частично, необходимый продукт. Однако в долговременном периоде главным выгодополучателем оказывается российский народ.

Вероятно, желаемый мобилизационный прорыв России будет происходить как возвращение на новой технологической основе к имманентным России пространственным циклам развития. И тогда в фокусе внимания оказывается стратегия Больших инфраструктурных проектов. Реализация подобной стратегии потребует от государства, от общественности и ряда крупных корпораций целенаправленных волевых действий, имеющих надрыночный характер. По выражению Ф. Фернандо-Араместо, «человек, заботящийся о выгоде исходя из известных данных о

получаемой отдаче на затраченные усилия, никогда не сделал бы выбор в пользу систем, на которые опирались в долинах Евфрата, Нила, Инда и Желтой реки» [6, 261]. Большие инфраструктурные проекты обеспечивают должный уровень доверия и управляемости, снижают неопределенность будущего для субъектов хозяйства. Большие проекты создают стабильные источники роста за счет эффекта масштаба, создания цепочек предприятий с синергетическими эффектами и новых зон для внедрения радикальных инноваций. Большие инфраструктурные проекты становятся своего рода «параметрами порядка» в условиях глобальной неопределенности, обеспечивая стабильность в условиях хаотизации мировой экономики и, одновременно, являясь рычагами инновационного экономического роста России.

Заключение. Можно прогнозировать сдвиг производительных сил и центров развития на Северо-Восток страны, что соответствует как ритмам российской истории, так и современным мирохозяйственным тенденциям (переход центров накопления капитала в Юго–Восточную Азию, строительство трансконтинентальных магистралей по линии Восток – Запад и Север – Юг). Показательно, что русские ученые-евразийцы уже в 1920–1930-х гг. доказывали необходимость перемещения основных промышленных комплексов России на Урал и в Сибирь. В современной литературе обосновывается целесообразность размещения управленческого Центра новой индустриализации в восточных регионах и отмечается особая роль Арктического проекта России [5]. Арктический проект – несмотря на торможение, идущее от «внешнего контекста» – становится прообразом деяний, стратегий и планов по созданию нового русского инновационного мира [9]. Именно в рамках Арктического и других Больших проектов происходит оборотничество нового и старого, о котором писал Флоренский: на периферии Российских пространств рождаются первопринципы устойчивой самостоятельности государства и общества, движители мобилизационного прорыва, который превратит нынешние отжившие, «перезрелые» общественно-хозяйственные институты российского капитализма в свои подчиненные формы.

Современные мирохозяйственные и технологические сдвиги, неизбежность смены моделей общественного развития приведут к изменению типа мировой динамики. На смену открытым

Дж. Арриги системным циклам накопления капитала приходят новые евразийские, прежде всего, российские и китайские циклы накопления инфраструктурной власти государства – власти над пространством. Эпоха качественного переформатирования Больших пространств Евразии посредством инфраструктурных мегапроектов и смены мировых и национальных центров власти только начинается.

Литература

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени // пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
2. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
3. Манн Майкл (социолог): биография. Постоянные типы (функции) государственных действий по Майклу Манну. The Autonomous Power of the State, 1984. URL: <http://peoplelife.ru>>179936 (дата обращения 30.09.2018).
4. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом // пер. с англ. В. Ионова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
5. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
6. *Фернандо-Араместо Ф.* Цивилизации // пер. с англ. Д. Арсеньев, О. Колесников. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 768 с.
7. *Флоренский П.А.* Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. 366 с.
8. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / пер. с англ. АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2016. М.: Эксмо, 2016. 278 с.
9. *Штыров В.А.* Вячеслав Штыров: Северный полюс наш. URL: <http://izborsk-club.ru/14153>. (дата обращения 30.09.2018).
10. *Anderson K.* Makers: The New Industrial Revolution. L.: Grown Business, 2012.
11. *Marsh P.* The New Industrial Revolution: Consumers, Globalization and the End of mass production. Yale University Press, 2012. 223 P.

3.2. Научная платформа экономического планирования: социальный вектор

В.В. Смагина, Н.В. Стрекалов

Одной из важных задач в настоящее время является определение горизонтов движения экономического развития страны и ее регионов. Это может быть и глубоко продуманная концепция, и инструмент ее реализации, и отдельно стоящие вопросы, влияющие на «вибрацию» социального вектора, и многое другое.

Вопрос управления региональной экономикой остается по-прежнему актуальным. Наш подход – не новый, начинать надо с планирования, одним из инструментов которого может стать использование методов индикативной экономики.

Индикативная экономика – наука, изучающая способы и методы стабилизации и повышения потенциала социально-экономических систем на микро-, мезо- и макроуровнях, основанных на принципах оптимизации и максимизации ресурсного потенциала социально-экономической системы в соответствии с текущим уровнем его развития, посредством формирования и реализации индикативных планов [6].

Критическое состояние экономики страны всегда требует оперативного вмешательства и перехода на директивный способ планирования как единственно возможный метод, способный реанимировать. В случае, если поставлена задача комплексной трансформации не только системы, но и всех ее элементов, плановый способ ведения народного хозяйства также соответствует критерию ее оптимальности. При условии, что существующая система не имеет принципиально неустраимых противоречий, достижение оптимального состояния экономики страны возможно в результате перехода к ее трансформации посредством комплексного анализа, построения и реализации индикативного плана по ее развитию. Неустраимыми противоречиями для экономики могут считаться критерии, сформулированные в труде «Крах II Интернационала» [5]. Если перефразировать и уточнить данные положения для индикативной экономики, то условия, которые в комплексе дадут неустраимое противоречие, можно сформулировать следующим образом.

1. Происходит снижение эффективности функционирования

управляющего элемента социально-экономической системы – при потере возможности стабилизации общеэкономического состояния ее основы, управляющий элемент теряет возможность поддерживать собственный статус-кво.

2. Существующие механизмы и правила, регламентирующие перераспределение совокупного продукта, приводят к кардинальному ухудшению экономического положения подавляющего большинства представителей данной социально-экономической системы, это в свою очередь способствует обострению противоречий и возникновению совокупной потребности в изменениях.

3. Интенсификация внутреннего конфликта с вовлечением в него всех представителей социально-экономической системы с базовым императивом действия.

Тем не менее в случае отсутствия неустранимого противоречия оптимальное состояние социально-экономической системы может быть достигнуто посредством индикативной экономики.

Возвращаясь к тематике анализа индикативного планирования как парадигмы развития индикативной экономики, следует отметить, что его элементная база в той или иной степени используется практически во всех развитых современных государствах. В своей книге «Экономическая теория и цели общества» Дж. К. Гэлбрейт отмечает, что корпорации, управляемые техноструктурой, составляют планирующую подсистему экономики, т. е. принимают участие в формировании элементов экономики на макроуровне [3]. На мезоуровне данный тезис также позволяет говорить о том, что по-настоящему эффективная система управления регионом может быть построена только при комплексном анализе трехуровневой системы экономики (государственной, корпоративной и рыночной), а также на дальнейшей конвергенции их данных, для принятия решений.

В то же время научная платформа экономического планирования в его региональном аспекте основывается на элементах ряда современных экономических теорий.

Одним из важных факторов при формировании долгосрочной политики экономического развития страны является выбор эффективного направления ее управления внешнеэкономическими факторами на основе теории экономических циклов. Данная теория нашла отражение в трудах Н. Кондратьева, Й. Шумпетера и С. Глазьева.

В концепции технологических укладов, разработанной С.Ю. Глазьевым, этот процесс рассматривается как комплекс определенных характеристик уровня технологического развития производства на определенном временном этапе [2]. Научно-технологические изменения, ведущие к более высокой ступени развития, позволяют сформировать прогрессивный подход в определении технологического уклада.

Совпадение смены технологических укладов по Глазьеву и смены инновационных волн по Й. Шумпетеру [8] подтверждает зарождение нового – шестого – технологического уклада. Основание каждого технологического уклада выводится на основе особенностей, присущих производительным силам в эпоху формирования конкретного технологического уклада.

Производство и направление его организации формируют экономику и ее экономический рост и являются *ядром* этих процессов, которые можно назвать *основными факторами*. Каждому технологическому укладу присуща своя специфика социальной жизни общества, роли государства в управлении производством, страны-доминанты, их политика, перспективные научные направления и степень их значимости в производстве.

Следующий технологический уклад формируется на знаниях и технологических возможностях предыдущего этапа и вступает в силу, когда накопленные новые знания способствуют переходу на более высокую ступень технологического развития.

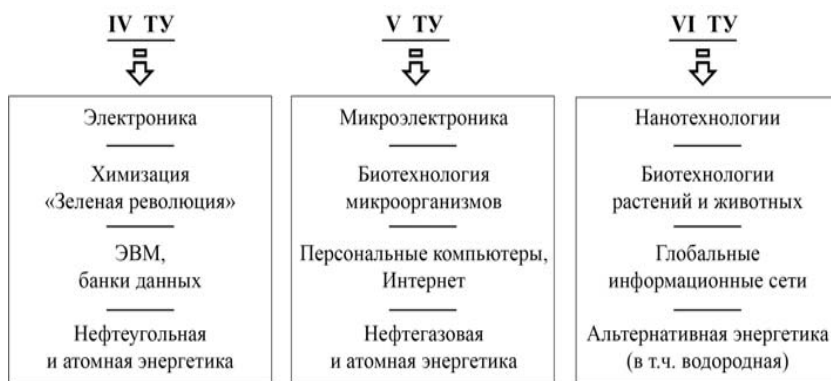

Рис. 1. Технологическое развитие базовых направлений

По Н. Кондратьеву – вот уже в течение двадцати лет идет процесс зарождения VI технологического уклада, который должен привести к следующим изменениям:

- повышение качества человеческой жизни;
- увеличение ее продолжительности;
- изменения характера труда и структуры промышленности;
- сдвиги в распределении экономических и политических полномочий на глобальной сцене [4].

На этапе восхождения VI технологического уклада его концепция у различных авторов считается общепринятой, с небольшими расхождениями. Но вместе с продолжающимся спадом (существованием периодических, порой очень продолжительных депрессий) в экономике, есть необходимость говорить об единственно возможном варианте в решении этого вопроса – максимально сгладить переход от изживающего себя технологического уклада к будущему. Надо заранее развивать те отрасли, которые окажутся доминирующими при следующем ТУ, и делать для этого соответствующие приготовления.

С другой стороны, рассмотрение теоретической базы формирования инструментария индикативной экономики более обширно, и, может быть, есть необходимость рассмотреть ее через призму концепций, сформулированных А. Лернером и формализованных в его модели рыночного социализма отличной от плановой экономики [1].

Необходимо понимать не только особое положение во времени региона, но и его протоэкономические связи, возможности кооперации с соседними регионами при повышении своей роли как региона – корпорации в структуре государства. При данном условии регион может увеличивать долю своего экономического участия в развитии государства, а также привлекать дополнительные бюджетные ассигнования и инвестиции, в том числе иностранный капитал [7]. Вложение средств в развитие интеллектуального капитала, агропромышленного комплекса и машиностроительного кластера в пропорциях, определенных после комплексного функционального анализа социально-экономической системы региона, позволит максимизировать потенциал региона и нарастить темпы развития для перехода на следующий этап своего развития – к VI технологическому укладу.

Литература

1. *Борисов Е.Ф.* Хрестоматия по экономической теории. СПб.: Силиус, 2007.
2. *Глазьев С.Ю.* Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. 2016. № 3. С. 3–21.
3. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
4. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.
5. *Ленин В.И.* Крах II Интернационала / Полн. собр. соч. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969.
6. *Самуэльсон П.* Экономика: В 2 т. М.: МГП Алгон, 1997.
7. *Смагина В.В., Стрекалов Н.В.* Теоретические и практические аспекты развертки системы индикативного планирования на уровне малых городов – потенциальных точках роста и развития Российского государства // Труды Вольного экономического общества. М.; Тамбов: Издат. дом Г.Р. Державина, 2014.
8. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М., 1982. 455 с.

3.3. Россия и мир: вибрации роста

С.П. Юхачев

В последнее десятилетие все чаще ставится вопрос о новых приоритетах, новых вызовах и новых подходах в формировании социально-ориентированного общества. Россия сегодня – часть мирового пространства, что, с одной стороны, способствует ее ускоренному развитию, а с другой – создает ограничения, с которыми нам приходится считаться. Развитие России в мировом пространстве определяют глобальные процессы.

Мировой экономический ландшафт меняется, формируя новую реальность, которую характеризуют основные тренды:

- цифровая экономика;
- новый VI технологический уклад;
- рост геополитического напряжения;
- замедление роста развивающихся рынков.

Гипотеза включения цифровых технологий во все сферы материального мира постепенно становится реальностью. Происходит виртуализация реальной жизни людей, регионов и даже государств. Одним из примеров масштабного внедрения цифровых технологий является история «DeutscheBank», банка со 150-летней историей, капитализация которого в 2015 г. вследствие изменений в глобальном финансовом пространстве оказалась в два раза ниже капитализации электронной платежной системы PayPal, созданной в 1998 г. Активы финансовых институтов, управляемых компьютерами без участия людей, в 2015 г. составили 20 млрд дол. И тенденция такова, что в 2020 г. они достигнут 450 млрд дол. [1].

Цифровые технологии полностью меняют представление о традиционной экономике, особенно в ее региональном аспекте. Это ставит под угрозу развитие традиционных отраслей. Сегодня «GA Aviation», например, печатает детали для реактивных двигателей на 3D-принтере. Причем процесс 3D-печати занимает столько же времени, сколько и при традиционном способе производства. Технологию 3D-печати активно применяет и авиапроизводитель Airbus, который использует в своем новом A350 более 1000 деталей, напечатанных на 3D-принтере [2]. В связи с развитием этих технологий возникает вопрос – а будет ли нуж-

но традиционное производство? Сохранят ли свою актуальность традиционные и привычные нам материалы?

Технологическое развитие космонавтики также позволяет говорить об активном применении цифровизации в этой отрасли. Изменения происходят и в отрасли машиностроения. Выпуск самоуправляемого автомобиля без руля и педалей в ближайшем будущем станет реальностью [3], причем по сравнению с традиционным автомобилем эта машина позиционируется как более надежная и безопасная.

Замена водителей самоуправляемыми автомобилями, с одной стороны, – прогресс, а с другой – какие при этом перспективы у миллионов водителей, потерявших работу?

Вместе с тем рост геополитической напряженности в мировом пространстве подрывает уверенность инвесторов. Из-за наличия локальных и региональных точек напряжения сохраняется неустойчивое состояние региональной экономики. Политические решения экономических вопросов влияют на показатели стабильности и надежности. Западные санкции, применяемые по отношению к России и другим странам, оказывают влияние на развитие событий во всем глобальном мире.

Говоря о России, надо отметить, что экономические санкции не привели к значительному ухудшению экономики, но и не способствовали быстрому выходу на траекторию экономического роста. Геополитикой и санкциями можно объяснить лишь часть существующих проблем, они сами являются результатом воздействия более общих и фундаментальных причин – глубокой трансформации всей системы миропорядка. Происходящие структурные сдвиги в экономике в целом (в социальной сфере, на рынке труда) влияют и на регионы, создавая дополнительные трудности. И поэтому перед Правительством сегодня стоит задача – проводя структурные преобразования, не допустить серьезного снижения уровня жизни людей, особенно в регионах [4].

Замедление экономического роста наблюдается и в странах с развивающейся экономикой. Китай на сегодняшний день является самой большой из них, и его взлеты и падения имеют огромное влияние. Слабый экономический рост стран с развивающейся экономикой – один из главных вопросов, обсуждаемых на ежегодном собрании Международного валютного фонда и Всемирного банка в Лиме.

Экономика Китая имеет глобальный характер, и ее влияние настолько велико, что собственное замедление неизбежно тянет вниз общую производительность группы. На долю Китая приходится 30% совокупной экономической активности развивающихся стран [5]. Таким образом, изменение производительности Китая неизбежно отражается на показателях всей группы развивающихся стран, даже при отсутствии каких-либо других изменений.

Но именно с этим связано возникновение проблем с темпами роста у столь многих развивающихся стран. Замедление роста производства в КНР, являющейся ведущим потребителем товаров, производимых другими странами, означает, что спрос в Китае падает, а снижение цен непосредственно влияет на реакцию международных рынков. В результате многие страны, даже из числа имеющих немногочисленные прямые торговые связи с Китаем, получают отрицательную величину в росте экономики. Таким образом, снижение темпов роста в Китае приводит к снижению цен на товары.

Примером могут служить и цены на энергоресурсы, в частности нефть, которые снизились из-за превалирования предложения над спросом. Падение цены на «черное золото» отчасти связано со сланцевой революцией в США, которая способствовала уменьшению зависимости американцев от импорта, что, в свою очередь, привело к снижению цен.

По сообщению Американского инвестиционного банка, снижение цен на нефть оказалось не столь результативным, как в случае с Китаем. Низкие цены на нефть уже не приводят к получению сверхприбыли. Вместе с тем более низкий уровень потребления привел к стагнации экономической активности инвесторов.

Характерно, что в последние годы страны с развивающейся экономикой демонстрируют более медленный рост экономики. Обосновывается это снижением экспортируемых товаров.

Международный валютный фонд полагает, что в целом во всем мире ожидается восстановление экономики, однако в отдельных странах ситуация будет иной. Специалисты фонда обращают внимание на постепенное возрастание стоимости нефти, но ожидать бурного «всплеска» экономической деятельности не стоит.

Анализ состояния российской промышленности позволяет думать, что мы адаптировались к внешним изменениям. Однако говорить о переходе к устойчивому росту пока рано. Следует отметить, что растет добыча полезных ископаемых, вместе с тем обрабатывающие производства демонстрируют неустойчивую динамику без четкой тенденции, а в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды наблюдается спад. В частности, был заметный рост объемов добычи нефти на фоне снижения цен, что едва ли можно считать благоприятной тенденцией [6].

Новая реальность глобального мира определяет развитие региональной экономики – по сути, до следующего крупного, структурного кризиса. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что происходило с китайской и мировой экономиками за несколько последних месяцев. Все без исключения фондовые рынки мира, а также национальные валюты многих стран бурно отреагировали на ситуацию на фондовой бирже Китая и девальвацию юаня. Свою роль играет также нестабильная конъюнктура на мировом нефтяном рынке, хотя и она отчасти связана с ролью китайского фактора в мировой экономике. И уже ясно, что внимание к происходящему в китайской экономике будет расти. Переход экономики Китая на новую ступень развития проявляется, в частности, в замедлении темпов его роста. Меняется сама экономическая модель. Прежде всего, происходит усиление роли внутреннего спроса по сравнению с внешним спросом на китайские товары, что отражает рост благосостояния китайского общества. Эти изменения происходили и в других развивающихся странах при достижении ими определенного уровня благосостояния. Более сбалансированная модель роста (с точки зрения соотношения экспорта и импорта, промышленности и сектора услуг, инвестиций и потребления) будет формироваться и в других экономиках. Необходимо отметить, что, анализируя экономические процессы в развивающихся странах, многие из которых становятся нашими партнерами, следует иметь в виду, что этапы и модели развития могут кардинально отличаться. Китай столкнулся с переизбытком инвестиций и доли сбережений в ВВП, мы – с их дефицитом. Китай делает ставку на рост внутреннего потребления. В России же, напротив, внутренний спрос, бывший главным локомотивом развития, перестает играть прежнюю роль [4].

Становится все очевиднее, что ведущие страны мира имеют возможность выйти из кризиса на новую траекторию развития. Впереди неизбежно появление новых секторов производства и новой географии их размещения. Тезис о реиндустриализации, т. е. о повышении доли промышленности в структуре экономики развитых стран, является важным отражением этой тенденции. Сказанное относится и к России. Глобальная повестка не может формироваться без участия нашей страны. Но и Россия не может в одиночку формировать глобальную повестку или просто ее игнорировать, сосредоточившись лишь на собственном понимании успеха и справедливости.

Литература

1. *Шароян С.* «Новая реальность»: о чем Герман Греф рассказал акционерам Сбербанка // Финансы. 2016. 27 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/27/05/2016/574835599a7947103afd8ece> (дата обращения 25.11.2018 г.).

2. *Котов Е.В., Лященко В.И.* 3D-печать как революционная технология неоиндустриальной модернизации экономики // Вестник экономической науки Украины. 2016. №1. С. 59-61.

3. Автономные грузовики размажут наше общество по асфальту // Aftershock. 2016. 3 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/406457&full> (дата обращения 27.11.2018).

4. *Медведев Д.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы / Российская газета. 2015. 23 сен. №6785 (214). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html>

5. *Свищев А.* Застывшая экономика // Версия. 2018. №14. [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/gynki-razvivayushhixsya-stran-prodolzhayut-presledovat-riski> (дата обращения 27.11.2018 г.).

6. Цены в России. 2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2018. 142 с.

3.4. Влияние технократических тенденций на изменение субординации факторов производства, субъектов власти, политических целей и элит

И.Р. Бугаян

Общая и основная причина всех общественных революций обуславливается закономерностью перемещения доминантных свойств между факторами производства: *предпринимательство* – *В*, *труд* – *L*, *земля* – *T*, *капитал* – *K*, которую нами было предложено рассматривать в виде известной спирали (рис. 1) [1].

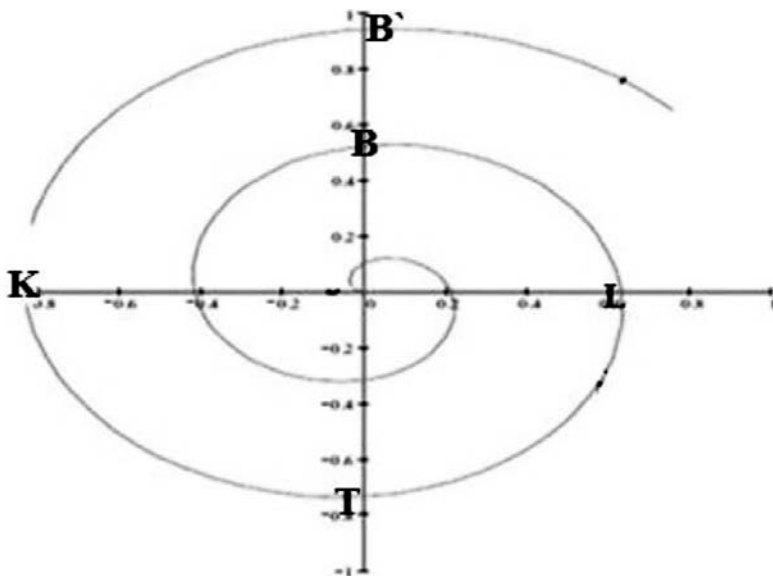

Рис. 1. Субординационная закономерность перемещения доминантных свойств между факторами производства.

Обычно об этом перемещении становится известно, когда оно уже произошло де факто под влиянием технологически-прогрессивных или революционно-производственных преобразований, изменивших субординационное взаимодействие факторов производства.

Наиболее чутко улавливают и сигнализируют о произошедших в этом случае изменениях финансовые результаты, полученные участниками производственного процесса. Речь идет о долях владельцев функционирующих факторов производства в их общем результате – доходе.

Образ жизни владельцев функционирующих факторов производства всегда консервативен, так как вариативность доходов от факторов не в состоянии сразу преобразить жизнь их владельцев. В результате, по мере изменения межфакторной субординации, у тех, кто в прошлом имел сравнительно скромные доходы и соответствующие им запросы, возникает избыток финансовых ресурсов и возможность инвестирования, а у других – долги, растущее бремя которых заставляет их передавать факторную собственность другим. Только тем, кто сумел организовать свою деятельность и образ жизни в соответствии с изменившейся реальностью – новой субординацией факторов производства, – удается сохранять и даже приумножать свое благополучие.

Искусство вообще, а российское в особенности, задолго до экономической науки улавливает подобные коллизии, они были описаны, например, в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад». За долги к потомку крепостных переходит земля с вишневым садом его бывших господ, которых он давно вынужденно содержит («Даже керосин в осветительной лампе, – говорит он, – куплен на мои деньги»).

Кто был ничем, тот стал всем?

Да, стал! Цель для одного из потомков бывших крепостных достигнута! Но это возможно только для тех, кто сумел воспользоваться новой, объективно возникшей субординацией факторов производства, в которой вместо земли доминантой стал капитал. Именно эта объективность и оказалась силой, которая вознесла бывшего крепостного выше его господ.

Для бывших же господ – все наоборот! Земля, которая была собственностью, привычно обеспечивавшей их привилегиями в прошлом, утратила эту способность из-за изменившейся субординации между факторами производства, так как доминантные свойства переместились от земли к капиталу (рис. 1). Поэтому доходность от собственности на фактор производства «земля» стала неуклонно снижаться, исключая возможность сохранения прежнего образа жизни.

Еще раньше нечто подобное происходило с обладателями других, раннее доминирующих факторов производства, например, с обладателями способностей к посреднической предпринимательской деятельности, а также, несколько позже, с владельцами рабов и результатов их прибавочного труда (рис. 1).

Одним словом, у каждого из собственников одного из факторов производства было и есть свое время, когда он чувствовал или ныне чувствует себя всем. И этот вывод справедлив не только для отдельных субъектов, но и для целых стран, включая Россию.

Россия как великая держава возникла в период доминирования фактора производства «земля» и стала всем в период царствования Екатерины Великой, когда, по выражению одного из ее министров *Безбородько*, без разрешения «матушки» ни одна пушка в Европе не выстрелит.

Но по мере изменения в мировом хозяйстве субординации факторов производства – выдвижения на доминантную роль капитала – «*всемость*» России стала убывать, а привычный образ страны – Третий Рим, защитник православия и славян, – сохранялся. Возникла ситуация, сходная с упомянутым сюжетом пьесы А.П. Чехова, но разыгрываемая уже в масштабе не отдельного поместья, а всей страны.

Одним словом, государственные долги при исторически сложившемся образе России по новой субординации факторов производства, при которой доминировал капитал, стали неизбежны, а вслед за ними – и революционные преобразования.

Первоначально превращение тех, кто был «ничем», во «*всем*» коснулось небольшой части населения России, которую тогда представляла сравнительно немногочисленная буржуазия. Желали же стать «*всем*», получить блага от революционных преобразований, – *все*. И тут подоспел лозунг: «землю – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим».

Но возможно ли было это реализовать?

В условиях капитализма земля без комбинирования с доминирующим фактором производства – капиталом утрачивает способность кормить даже помещиков. Появление новых, более многочисленных хозяев – бывших безземельных крестьян – не решает проблемы, а обостряет ее, поскольку резко возрастает необходимость включения большего капитала в земледелие и в

переработку сельскохозяйственного сырья, которого у крестьян нет. Не случайно после 1917 г. отношение власти к тем крестьянам, в частности к казакам, которые имели землю, добытую ими ратным трудом еще до революции, было не союзнически-сотрудническим, а крайне враждебным.

Председателю В.Ч.К. тов. Дзержинскому 19 апреля 1920 г. за № 3679 поступило строго секретное Указание Пред. Сов. Народных комиссаров на исх. № 22261д от 10.04.1920 года: «Задача органов В.Ч.К. заключается в том, чтобы слово «казачество» исчезло из русского языка раз и навсегда. На протяжении всей российской истории казачество выступало в роли палача рабочего класса. Советская власть должна беспощадно и повсеместно уничтожать и карать казачество как враждебный пролетариату класс» [4, 4].

Отождествление целого народа с классом потребовалось, во-первых, для объявления его враждебным и подлежащим уничтожению, а во-вторых, для затушевывания очевидного – его крестьянской сути.

Казаки производили продовольствие преимущественно для собственных нужд, а не для продажи. Именно это побудило правительство Екатерины Великой предпринять переселение христианских народов Крыма, в частности, на территорию Всевеликого Войска Донского и, тем самым, развить производственную базу, находящуюся поближе к театрам войн, которые вынуждена была вести Россия, удешевить тяготы военных расходов и транспортных издержек. Переселенцы, в частности, основали город Нахичевань-на-Дону и пять сел; будучи освобождены от военной службы, исправно развивали производство и снабжали на рыночных основах кавалерию оружием, амуницией, фуражом, а в целом армию – продовольствием.

Заводы и фабрики – это и есть материально-вещественное воплощение капитала, сложной технологической цепи машин и оборудования, которая направляется не столько голосованием, учетом и контролем, а знаниями и талантами, доступными, как в то время, так и сейчас, немногим. Да и наличного капитала столетие назад оказалось совсем недостаточно, чтобы, хотя бы, трудоустроить всех новых *хозяев* – бывших и новых пролетариев, вынужденно переселявшихся под давлением продналога и продразверстки из сел в города.

Что делать?

Решено было все и всех обобществить! Переместить как можно больше в ту часть хозяйства, в которой просчеты, допущенные в экономическом секторе, перестанут быть очевидными для всех. А выигранное время использовать на наращивание, прежде всего, капитала. Ведь на дворе был капитализм, поскольку именно капитал тогда доминировал среди прочих факторов производства!

Прежде всего из всего наобещанного надо было дать работу и хоть какой-то доход – заработную плату рабочему классу. А для этого нужно производственное накопление – рост эффективности, размеров и стоимости функционирующего капитала; необходима индустриализация.

А где источник для этого накопления?

При капитализме у рабочего класса, пролетариата, ничего, что он мог бы применить для извлечения дохода, кроме его способности к труду, не было, нет, и не будет. От того, что его назначили «гегемоном», в этом аспекте ничего изменить было невозможно. Пока доминирует капитал, никакого иного дохода, кроме заработной платы, призванной обеспечить необходимым продуктом наемного работника, в сфере экономики образоваться не может.

Все, что можно было изъять у господствующих классов прежней России и использовать для накопления капитала, уже было изъято, но из-за огромного притока новоявленных пролетариев, оказалось недостаточно. Поэтому вынужденно пришлось прийти к выводу, что единственным источником для осуществления индустриализации остается ближайший союзник рабочего класса – крестьянство, но не все подряд, а получившее из рук правительства РСФСР *в пользование землю*, экспроприированную у помещиков и кулаков.

У казаков земля, как уже было отмечено, была добыта их ратным трудом и закреплена за ними в собственность прежним, царским правительством. Поэтому они в концепцию правительства РСФСР, которому нечего было им предложить, не вписывались и подлежали, если можно так выразиться, рассказыванию.

Как заметил американский президент Ф. Рузвельт: «В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано».

В итоге общественный сектор хозяйства РСФСР, который повсеместно находился в руках государства и всецело им управлялся, не только сосредоточил в себе практически всю капитальную собственность, но пожелал и земельную собственность, а частное предпринимательство В.И. Ленин фактически заблаговременно запретил еще в 1918 г.

Таким образом, народу, которому были обещаны заводы, фабрики – капитал и земля, было оставлено лишь непременно-обязательное участие в функционировании факторов производства и только в одном возможно безальтернативном направлении – а именно, участие своим трудом. Поэтому и денежный доход, соответственно, мог быть лишь трудовым («от каждого по способностям – каждому по труду»), но в оставшейся без коренных революционных преобразований форме – в заработной плате, которая была сведена к цене предметов потребления, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Но новизна все же закралась: в СССР заработная плата грузчика обычно была выше, чем у инженера, поскольку его чисто количественные, без учета качества, затраты человеческой энергии были больше. Иные же возможные формы денежного дохода оказались исключенными.

Общий итог работы правительства – рост сконцентрированной в его руках гипертрофированно возросшей доли общественного сектора и сведение к минимуму удельного веса экономики в хозяйстве. Другими словами, полная мобилизация правительством хозяйства и готовность развернуть его в любом направлении, которое оно найдет целесообразным.

Подобное соотношение экономического и общественного секторов хозяйства, как это уже было понятно В.И. Ленину, предложившему нэп, но потом забыто или проигнорировано его соратниками, – идеальное условие для возникновения всепоглощающего хаоса. И он не преминул разразиться в СССР невиданным для Европы XX в. голодом.

При капитализме выход из хаоса возможен только путем наращивания размеров, стоимости и эффективности функционирующего капитала – как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В СССР же это потребовало неукоснительного проведения индустриализации в промышленности и коллективизации в сельском хозяйстве, которые могли бы способствовать в буду-

щем более эффективному развертыванию доминанты капитала в этих отраслях.

Кроме голода, хаос приобрел и иные формы своего проявления: возникли невиданные диспропорции между отраслями хозяйства, которые потребовали замены отсутствующих компонентов экономического (рыночного) варианта их соблюдения планомерно-сознательным механизмом, перед которым была поставлена задача – работать «с правильностью часового механизма» (В.И. Ленин).

Приходится признать, что *полностью* реализовать эту идею удалось. Однако! Силовая замена метафизики экономики физической общественно-сектора в отдельных направлениях, в основном добывающих и первично обрабатывающих отраслей хозяйства, оказалась возможной. Но лишь в определенных, да еще и в трудно улавливаемых пределах (если можно назвать трудным то, что невозможно).

По мере продвижения сырья по технологическим стадиям его трансформации в готовую продукцию и усложнения под воздействием НТР и НТП «часового механизма», изменяются и границы возможного для планирования. Кроме того, чрезмерно настойчивые попытки их якобы математически точного нахождения стали обходиться обществу дорожке, сопровождаться снижением эффективности общественного производства в целом.

Оказалось, что гораздо проще и дешевле оставить богу – богово, а кесарю – кесарево. А не ломиться в открытую дверь, пытаться, взрывая и уничтожая храмы, идеологически способствовать «коренному» изменению объективно, за сотни лет, сложившегося соотношения между экономикой и общественным сектором хозяйства, между метафизикой и физикой.

Выяснилось, что вполне решаемая задача – это не силовой перенос границы между экономическим и общественным секторами хозяйства в пользу общественного, не расширение границ планомерного и сознательного или нынешнего, «наоборотного» развития; в пользу экономики. А нахождение между ними оптимума, критерием которого, как раз, и является достижение наиболее высокой, при сложившихся условиях, эффективности всех социально значимых экономических параметров.

Вот в этом и заключается цель и суть государственного предпринимательства любой страны!

Но для России характерна еще и специфика, неповторимая индивидуальность.

Трудно найти вторую такую страну, где бы было положено столько сил и ресурсов, чтобы, не считаясь ни с какими потерями, наращивать общественный сектор хозяйства. И надо признать, что это не однозначно плохо. В частности, выяснилось: в перспективе – это верное решение, поскольку для современных стран, так называемого «золотого миллиарда – ЗМ», оказался характерным *закон-тенденция опережающего роста именно общественного сектора хозяйства* [2, 126 – 133].

Другими словами, в странах с современной субординацией факторов производства, где доминирующим является предпринимательство на основе новых и информационных технологий, происходит опережающий рост общественного сектора хозяйства, который в нашей стране превентивно уже произведен предыдущими поколениями граждан. Следовательно, будет правильным не безоглядно изменять соотношение между экономикой и общественным сектором хозяйства в пользу экономики, а сосредоточиться на использовании исторически образовавшегося общественного пространства для преимущественного наращивания современного богатства – *новых и информационных технологий*. Именно в этом заключается суть, так называемой, *неоиндустриализации* [3], на основе которой лишь и возможно возникновение социально-рыночного хозяйства в РФ.

Но и здесь не все так просто. Не надо забывать, что современным доминирующим фактором производства является предпринимательство и, преимущественно, частное, поскольку оно представлено согражданами, имеющими интеллектуальную собственность в виде патентов, изобретений и др. Речь должна идти не о поддержке вообще, а именно о поддержке предпринимательства этой категории граждан. С ними государственному предпринимательству следует в качестве содействия заключать индивидуально подготовленные, сообразно предмету договора, соглашения *частно-государственного партнерства*.

Весь богатейший опыт государственного планирования надо не выбрасывать из нашего хозяйственного механизма, а использовать на реализацию подобных договоров – соглашений *частно-государственного партнерства*. В этом случае создастся возможность прослеживания за наращиванием *основного*

современного национального богатства в виде новых и информационных технологий, не уступающая по своей дееспособности прежнему советскому контролю в деле роста тогдашнего доминирующего богатства – капитала, а ныне – современного предпринимательства на основе новых и информационных технологий!

Литература

1. *Бугаян И.Р.* Вместо предисловия. Спираль общественного прогресса и доминантный фактор производства // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. Спец. выпуск. 2009. Сентябрь. С. 5–12.
2. *Бугаян И.Р.* Закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия // *Философия хозяйства*. 2014. № 4. С. 126–133.
3. *Российское перестроение: неэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм* / под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д., 2017.
4. *Чайкин Н.В.* Степные жители: травяные люди: Литературно-публицистическое издание. Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2006.

Горизонт четвертый.

Оцифрованные времена: натиски, ожидания и риски

4.1. Сама себе цифра¹

Ю.М. Осипов

Цифра – как обозначение количества, объема, размера и как знак (условный) качества – вещь не простая, а вполне себе *магическая*, да ладно бы сама по себе – 1, 2, 3 и т. д., а то ведь бытуя в числах с исчислениями – чего только там нет, в беспредельном цифирном мироздании, – да и чего только цифра не обозначает – идеи, смыслы, судьбы, сроки!

Магия и магия (работа) цифры – не шутка вовсе, а ... реальность!

Цифра не только служит, обозначая что-либо, но и, навязывая реальности себя, что-то в ней определяет, заставляя уже реальность служить себе – *цифре*!

Какие уж тут шутки!

Наука, всю пользуясь цифрой, числом и исчислением, отрицает магию и магию цифры и всего с ней связанного, а зря, ибо сама уже подошла к краю, когда цифра стала всю определять ... качество (!) ...э-э... самой науки, причем вроде бы и не магическая цифра, а самой же наукой (наукометрией) вполне рационально рассчитанная, но ... и независимо от науки (человека науки) тоже: «Быть или не быть?» – все равно чему: лаборатории, эксперименту, исследованию, мысли, самому ученому, в общем – процессу и его акторам, – и все это решает исчисленная нейротехноцифровым устройством ... *цифра* – уже сама себе *цифра* – самостоятельная, независимая, непреклонная!

Рейтинг – сила!

¹ Опубликовано: Философия хозяйства. 2019. № 2. С.11-16.

Но не только рейтинг как таковой, ибо те же цели – тоже ведь рейтинги, как и доходы, и расходы, и бюджеты, да и вообще любые оценочные величины вроде тех же экзаменационных отметок в образовании или судейских баллов в спорте, но одно дело – человеком исчисленный рейтинг, пусть и не без помощи и участия техномеханики, и совсем другое – рейтинг, исчисленный машиной, пусть и очень «умной», информативно объемной и точной, но ... все-таки ... *машиной*.

Человек сам отпускает на волю цифру и сам себя ставит в зависимость от нее, местами уже чуть ли не крепостническую («цифровое рабство» – не досужая вовсе выдумка!).

Пора уже вводить понятие *цифросферы* (техноцифроноосферы) – особого под- или над-мира, бытующего в человеческом (сознаниевом, умственном, когнитивном) поле, что-то обслуживающего, в чем-то участвующего, чем-то управляющего, что-то определяющего, во всяком случае, уже неотрывного от человеческого мира, при этом всюю развивающегося, расширяющегося и содержательно насыщающегося.

Никто не будет отрицать, что явление цифросферы зёмному населению, как и внедрение ее в человеческий мир, имеют свой резон быть, приносят несомненную пользу и даже оказываются неизбежными, коль скоро прометеевский технос давно уже выпущен хомосом на свободу, и хомос, всюю творя технос, вынужден теперь лишь вольно или невольно считаться с его поступательным нарастанием в рамках зёмно-космического бытия.

Что касается практической технологизации земно-космического бытия, то она уже давно весьма зависит от цифры и цифротронных технологий, и эта зависимость, не обязательно вредная, будет только нарастать.

Что может происходить с человеком и его бытием под влиянием нарастающей цифросферы?

Активная *цифровизация* всего и вся, что означает как, с одной стороны, приход цифровых (матрично-цифровых) образов (копий, клонов) человека во все еще гуманитарные технологии его жизнеотправления, так и, с другой стороны, тотальную цифро-технологизацию самого по себе жизнеотправления, его практической реализации, причем не так с позиции услуги, как с позиции – все больше! – управления человеком, его самочувствием, поведением и деятельностью, его личным, коллективным и

социальным жизнеотправлением (почему нет, ежели оцифрованный искусственный интеллект будет с этим справляться лучше, чем естественный, а естественный интеллект окажется в тесной функциональной зависимости от искусственного?).

Нам бодро и чуть ли не с полным знанием дела говорят, что искусственный интеллект никогда не превзойдет интеллект естественный (божеский!). Может, это и так, но цифроинтеллект и не собирается превосходить человеческий интеллект, он просто его сначала значимо дополнит, а потом местами и полностью заменит – как более точный, правильный, быстрый и ... надежный, – это во-первых, а во-вторых, так перемешается с естественным, что этого последнего – как чисто человеческого – попросту и не останется (нужны будут не так роботы-человеки, как человеки-роботы, что как раз наиболее важно, всюю приемлемо и вполне посильно реализовать цифросфере).

Вот та же экономика, она и в самом деле останется при нашествии техносферы ... экономикой, т.е. хомо-социально-стоимостной сферой, или же обратится во что-то другое, допустим – в цифро-техно-артсферу, в рамках которой человек, конечно же, будет иметь место, но вот в роли того или иного управленца экономическим процессом или всего лишь в роли подотчетного элемента цифротехнологической сети? Кто и как ответит на этот вопрос, ежели гигантское счетно-решающее устройство, основанное на цифротехнологике, будет исполнять экономические, уже и постэкономические, оптимум-задачи лучше любого ловкача-экономиста? Мы, в частности, склонны предвидеть перерастание, и весьма стремительное, все-еще-гуманитарной экономики в постгуманитарную постэкономику – *техномику*.

Разумеется, мы не правы, – да и кто мы такие, чтобы ставить подобные вопросы и на них отважно отвечать?

Однако если уж так дело у нас в России идет, – вопросом на вопрос: «А что, господа, вы ничего такого в текущей экономической реальности не замечаете – что счет-расчет в экономике уже в немалой степени как бы ... *над*... экономикой, как раз – в цифротехнологической сфере, а вовсе не в социально-стоимостной? Что экономика уже *сеть*, вполне и цифротехнотронная, а так называемые экономические субъекты (они же и агенты) – либо *мушки* в этой сети (подавляющее мультимиллиардное большин-

ство), либо разных размеров пауки и паучки (тоже подавляющее, но уже иначе, миллионное меньшинство)? Что разве еще есть характерные-де для экономики рынок, конкуренция, свободное ценообразование, свободная миграция товаров, капиталов и рабочей силы и т.д.? И хотя это все вроде бы еще есть, но ... лишь как несущественное обрамление-подспорье мощной технотронной (и цифротронной), внешне и незаметной, счетно-решающей, управляющей ... э-э ... системы-сферы. Цифрокриптовалюты, кстати – не верный ли признак-предвестник наступления оцифренной постэкономической эры?!

Искусственный постчеловеческий интеллект – в дополнение к натуральному человеческому интеллекту или взамен ему? Не совсем в дополнение, ибо он так выйдет на позиции постгуманитарного управленца, но и вовсе не так уж и взамен, ибо человек, став постчеловеком, не покинет насовсем позиции и роли управленца, пусть тоже постгуманитарного. В общем – постгуманитарный хомотехногенный оцифренный менеджмент!

И тут важнейшая для России национально-гуманистическая задача: создать свой гибридный (натурально-искусственный, хомотехнологический) интеллект (вроде кроманьонцев среди неандертальцев, малой нации в большой нации, техносферы в ноосфере), но такой гибридный интеллект, который будет управляться из национального центра и будет подотчетным нации, то бишь *российский интеллект для России*, ибо в противном случае Россия непременно подпадет под чужой аналогичный интеллект, и ей грозит в нем немало, а то и насовсем, раствориться.

Гибридный интеллект, о котором речь – важнейшая стратегическая задача, подлежащая как раз мобилизационному пореформенному исполнению, однако, обратим на это особое внимание, – задача фундаментально гуманитарная, ибо тут не что иное, как «Быть или не быть – человеку, да еще и российскому человеку?». О-о, сию задачу просто так, да еще только научно-технически, не решить: тут потребна мировоззренческая, хомовоззренческая, культуровоззренческая составляющая, вполне себе метафизическая, философско-хозяйственная и софиасофская, а кто тут способен помочь, кроме волхвического склада русско-российских прозорливцев, не обремененных никакой заведомой, да еще в основном чужеродной, догматикой.

Возможно ли?

А что делать, ежели на кону, знаете ли, не приз какой-нибудь, даже не земля с недрами и имуществом, даже не жизнь, а исполнение двух экзистенциальных проектов – *«Россия»* и *«Человек»*, но можно и наоборот – *«Человек»* и *«Россия»!*

Науко-техноцентрическое и науко-технократическое сознание подавляющего большинства из власть предержащих, как и тьмы бойких исполнителей «цифрового проекта», никогда не позволит ни тем, ни другим встать на путь воистину гуманитарного разрешения актуальной фундаментальной задачи: ничего тут принципиально в субъектно-субъективном плане не изменится и человечеству российскому придется пережить, наряду с другими локальными человечествами, величайшую из трансгрессий безо всякой «подушки гуманитарной безопасности», хотя доминирующие верхи будут рассчитывать на иную для себя участь, чем предусматриваемая ими участь низов, однако все будет, как это принято у людей, для всех одинаково тщетно: «цифровой лом» окажется жестким и беспощадным как для тех, так и для этих, а вот для кого круче как раз и покажет тщательно оцифрованное историческое время.

Вот они – зияющие горизонты цифровизации, когда не то что все, но хотя бы главное, никому не известно. И чтобы состоялось именно так, как предписано Неизвестностью, и проводится глобальная операция по вычищению гуманитарной сферы образования и мысли от всякого закоренелого, замшелого и загнившего гуманизма – как раз с активной помощью обездушенной рейтинговой цифры.

Вера в науку и технику – тоже ведь вера!

А где вера, там и ... самоубийство!

Теперь вот большая вера в вездесущую вольную цифру и большой искусственный интеллект.

Разве не сбудется?!

4.2. Минотавр экономизма в лабиринте России (Софиасофские тезисы русского бытия)

Н.Б. Шулевский

1. Сегодня цунами экономической литературы, пожалуй, пре-
вошло даже богословские хляби словесные, но экономике от
упоминания ее имени «всуе» становится все хуже. И вот, охва-
ченная демонами агонии, она перед исчезновением из мира сего,
оставила нечто вроде черной исповеди в книге скрытого бело-
го духовника софийной мудрости Ю.М. Осипова: «*Экономика
как есть*» (*Откровение Зоила, или Судный день экономизма*) [1].
Предлагаемую смыслоодержимым читателям крипторецензию
[2] этой книги можно счесть бредом, галлюцинацией, безумием,
шизофренией, патословием, бессознательным речегласием, на-
пуганным сновидением, эвокацией, научным камланием, криш-
наитским харканием, буддийским бесонированием. Исповедь
вообще-то не переводится на язык Логоса, который, кстати, «до-
канал» лукавую и мстительную косноязычную Музу экономики,
не допущенную на распущенный Олимп. А Музе вне Олимпа
и в неладах с Логосом остается только «концы отдать»; но, за-
метив, что ее концы уже приватизировали без ее согласия, она
решилась на Давосском форуме своего глобализма исчезнуть и
«без хвоста», в котором хранился основной нейрон ее мозга –
ВВП.

Ключом ко всем тайнам, делам, операциям экономики служит
*«игровая идея заговора»*¹. Речь идет о том, что люди, задумавшие
это, уже забыли о ней, исчезли, а идея продолжает исполнять
свою программу. Звезд уже многих нет, а свет их еще идет к нам
с посланием от исчезнувших светил. Неведом автор идеи ми-
рового господства, даже пыли от него не осталось, а сама идея
продолжает собирать ежегодно свои кровавые урожаи. А роли
и функции исчезнувших идей исполняют числа. Испытаем этот
метафизический ключ криптоанализом книги нашего белого мо-
наха и кандидата на это звание.

¹ Заговор – это не только достояние человека, а необходимый конструкт
мироздания и всех его реалий: вода устраивает заговоры потопами, огонь
– пожарами, Земля – пустынями, леса – джунглями, камни – горами, Змий
– медициной, закон – Логосом и т. д.

2. Главарем и головой современного идейного заговора стало число, в котором Пифагор видел «неназванное имя божества», а известно, что твердого и постоянного имени избегает только Змий.

Какова возможная цель заговора числа? Кажется, дело в том, что Властительное число страдает неисцелимой болезнью макро- и микробесконечности, которая подрывает статус его бытия и власти, оставаясь скрытой и неуловимой для любых эскулапов. И число решило использовать ресурсы всего мироздания, человека, Духа, чтобы исцелиться от этой неведомой болезни и затем стать царем мироздания, воздвигнув для этой цели свою столицу Цифроград. А в награду за исцеление помочь человеку и софийной мудрости воздвигнуть мир Иной, в котором править будет не бесконечность, а Мера и Справедливость. Для решения этих задач число имеет немало сил, помощников и ресурсов.

3. Числу присуще высокое, почти непревзойденное качество устойчивости, неразрушимости. И посему, после разрушения всех материальных, ценностных, цивилизационных форм, после погромной апокалиптики, в любых ситуациях незыблемым и неуязвимым остается только число. Единицу (1) никто и никак не сможет разрушить, ибо она держит меч возмездия в своей однорукой двухкистевой руке, восстанавливающей Единицу в любых катаклизмах и неопределенностях.

Эта несокрушимость числа таит в себе сакральную задачу – исцелиться от своей бесконечности и воздвигнуть свой пятизвездный Цифроград посредством жертвенных приношений экономики, миров и людей, ибо именно число определяет срок жизни людей, да и самого бытия со всеми его насельниками. И люди, торопливо исполняя неведомую им волю числа, создают цифровую экономику, цифровую Конституцию и цифровых людей (цифровеков). Но это, видимо, будут уже не совсем люди и не совсем числа, а числофреники, числоклоники, лишенные пола и смысла. Число своего добьется, а числофреники по его велению переделают Цифроград в Шифроград, куда смогут попасть и где смогут жить только любители и поклонники нуля (0), которые не будут знать, кто они, зачем они, кому они нужны и ради чего им плясать вокруг нуля. Эта тайная воля числа движет всем мирозданием, экономикой, историей, но ведает об этом лишь Великая Неизвестность и ее Премудрость София. Но чис-

ла шуток и уродств не признают, поэтому в Шифрограде будет и сообщество праведников, ибо числа не могут лгать, а лжецы сами себя превращают в суп для тараканов, ибо эти насекомые не знакомы с числами. Нет, число достигнет желанного.

4. У числа есть еще одно качество, которое может сделать его царем правды, красоты, гармонии, Меры и Справедливости. Дело в том, что число само исцеляет себя отчасти от своей заразы бесконечности, вырабатывая в себе границы беспредела и беспредельщины во всех сферах, устанавливая критерии устойчивости и прочности хаосолубивых разбойников бытия. И цифровая экономика, следуя этим заветам, вполне может установить на Земле идеальный социум, близкий к социальному проекту Великого Инквизитора, мечтающего о временах, когда люди забудут о ядовитых свободах, а будут вкушать блага покоя и беззаботности, так что всем остальным людям придется прятаться от стыда, что они все еще люди и могут свершать мерзопакостные дела.

Итак, заговор числа имеет почти все необходимое для осуществления успешного заговора, преображая для этого экономику в технологизированное хозяйство в технономику, но иуды есть во всяком деле. Сокровенную тайну число выдала и предала иррациональность экономики, которой число вначале поверило, доверило свои тайны и пустило за свой праздничный стол. Именно экономика представила себя царем мира, а числа – своей прислугой, сокрыв подлинную суть числа и свои намерения, не подозревая о возмездии числа и о своей суицидной числовой генетике.

5. Основным соратником и помощником заговора число сделало экономику. Экономика – это часть заговора против Бога и человека. Автором, инициатором, идеологом этого заговора стал Каин, первый человекоубийца, бизнесмен, изобретатель научно-технического прогресса, содомии, контрацептивов и других античеловеческих извращений. Каин решил по-своему (с помощью Змия¹) отомстить Богу за изгнание его из святого мира, создав для людей экономику, посредством которой человек должен с радостью и удовольствием сам «доканать» себя.

¹ Сделать символом медицины Змия. Что это – юмор, глумление, шутка. Люди еще пока живут только потому, что их сакральный организм противится змеинному врачеванию.

Экономика подсунула числу свою парадигму идейного заговора. Поскольку числу присущи и свойств инфернальные (отрицательные числа), решено было именно их направить против божества и человека. Число страдает неизлечимой болезнью бесконечности, исцеляемую только нулем; и вот оно договорилось с самим собой создать для людей институт-изделие, которое эту болезнь люди восприняли бы как плодотворное и много-полезное средство. Так появились стоимость и деньги, которые стали холуями бесконечности, сдирая с людей кожу и поедая смысловые и сакральные свойства молодежи, обещая им успешную карьеру (вообще-то карьер без расходов на погребение). И люди гонятся за деньгами и стоимостью, не видя того, что они, вращаясь, как белка в колесе, отдают свою жизнь болезням и проектам экономики. (А не с Кощеем ли дружит экономика?!). В любом случае экономика скрыто и независимо от числа, плетет и свой заговор против человека и бытия, даря им «малое добро» в итоге превращая их в большой мусор, который даже Преисподняя и черные дыры не принимают. И цель ее заговора – все золото мира и власть должны быть у нее, забыв о судьбе царя Мидаса, одержимого подобной же целью и достигший ее. Она даже сформировала для своего заговора штат скрытых сотрудников, возглавляемый еврикским каннибалом Минотавром, выскивающий по всей Земле молодых, красивых и умных жертв.

6. В качестве сотрудников и соратников заговора экономики успешно работают *хаос и энтропия*, которые подтачивают и разрушают все уже созданные сооружения, технику, изделия, превращая людей в уроборосных куроедов, вынуждая их крутить центрифуги, вырабатывающие черную материю и черный свет для черных дыр. Хаос и энтропия крепко удерживаются пределами чисел, но в экономике число разрешило им эксперименты в формах различных кризисов, банкротств, мошенничеств, коррупции. Хаос и энтропия служат числу, надеясь лишь на безнадежность и незнания людей, занятых в экономике и обреченных стать их жертвами.

7. Идеологией, программой, методом и алгоритмом заговора экономики является безумие, которое обеспечивает прикрытие, безопасность заговорщиков, обеспечивая им свободу, выходящую иногда даже за пределы числа. Безумие служит и врачевает

телем экономизма, оправдывая, а иногда даже награждая деяния, которые идут на пользу числа, укрепляя его власть и деспотию.

Число допускает, а иногда и поощряет экономическую свободу (офшорные клапаны) в качестве безумия, но не дает ему полной власти. Безумствуй, но помни, что ты подданный числа, зависишь от него и внутри числа ты есть не что иное, как допущение и порядок ее всезнающей инквизиции.

8. Вооруженными силами заговора экономики служит криминал – многоликий, всеильный, вездесущий, служащий перводвигателем экономики, верным оруженосцем числа. Число держит криминал на голодном пайке, поэтому пропитание себе криминал находит в экономике, обложив ее данью. Число держит и пестует свою криминальную гвардию на случай, когда внезапно и быстро придется выполнять большую гробовую работу с экономикой.

Криминал – Альфа и Омега заговора экономики, да и всего мироздания. Боги на небесах, в воде, в атмосфере, на Земле никогда не прекращали войн, разбоев, членовредительства, изуверств, заверяя, доказывая, принуждая верить, что только на крови и жертвах могут цвести милосердие, любовь, свобода, нирвана, совершенство, святость. Без постоянного кровопролития нет экономики и капитала, нет кроветворных чудес бизнеса. Криминал и экономика – близнецы-мерзавцы: кто из них числу более нужен и более ценен. Конечно – криминал, которому и в светлом Цифрограде найдется черная кровавая работа (Nigredo). Число упрячет криминал в своей иррациональности как угрозу преступникам и развратникам числа.

9. В XX в. информационные технологии создали для экономики возможность устроить и особый заговор против всего того, что не приносит денежный доход. Но экономика роковым образом просчиталась в своем скрытом от числа заговоре, нарушив даже каинову Меру, превратив мир, человека и саму себя в суицидную фурию ВВП, рост которого опережает его прирост и стремится к нулю (0). Из ее неудачного заговора возникла виртуальная экономика, но в отрыве от творящей, руководящей и направляющей субстанции числа она производит лишь симулякры товаров, бытия, истории, человека, самое себя, растворяясь в пустотности отрицания нуля экономикса.

10. Реально же в полной мере экономика совершила вселен-

ский подлог, обман и грех, извратив мироздание, бытие, людей, знание и мудрость, богов и саму смерть, превратив их в реальность (от латинского «res – вещь»), предварительно уничтожив в ней всякие следы идеальности, заменив, подменив абстрактностью. Вообще-то, началу процесса истребления идеальности положил Каин, превративший Авеля в чистую реальность смерти. Ну, а дальше процесс истребления, изгнания идеальности из мира завершили различные «-измы»: даже идеализм, признав творческую ценность идеальности, счел, что время ее завершилось и отправив ее в Золотой Век, в Рай, в Эмпиреи, в психизм, а духовно-моральные атрибуты человека превратив в функции материи.

Но все же от правды, тождественной идеальности (совершенству, гармонии, завершенности) экономика не смогла обойтись. Маркс считал стоимость, денежную форму, все экономические феномены идеальными, лишенными даже «грамма вещества», и в то же время все они создаются абстрактным трудом, абстракциями, берущие свои истоки в жестоких слезах падших ангелов. Посему наш белый ученый монах узрел в экономике монстра, гидру, змия, дарующие людям хлеба и зрелища, но убивающей их личность, саму человечность, посланную Великой Неизвестностью с проектом Правды, Меры и Справедливости в софийную разведку на Землю для ее подготовки к превращению в мир Иной, в котором скрывается якобы навсегда пропавшая идеальность Золотого Века. Но идеальность не исчезла, а притаилась в засаде Великой Неизвестности, ожидая сигнала числа к идеополипису, который восстановит целостную гармонию идеальности в мире Ином, ибо лишь идеальность пропитала своими смыслами материю, сделав ее служебной и бессмысленной идеальностью, стремящейся к самой себе, к своей же внутренней субстанции, перводвигателю идеальности.

11. Именно – что бы ни думали и ни говорили о нем – явно и неявно – правит миром и всеми его реалиями, ибо только оно суть самодостаточная субстанция и творческий субъект, который властвует над самим собой, создает гармонии, меры, праведность, отмеряет сроки бытия человека, самому бытию, сохраняя себя в любых апокалиптических катаклизмах. Число способно общаться со всеми реалиями, делить, умножать, разделять, превращать их в загадки и в нули, не нанося себе никакого ущерба.

Число владеет знанием и незнанием, жизнью и смертью, тайнами и ключами к ним. Его совершенность, завершенность, неразрушимость, скрытая творческая мощь не может быть никем и никак ограничена. Все исчезнет, а число, единица (1), останется, чтобы засвидетельствовать исчезновение всего в лабиринтах Великой Неизвестности.

Число не только глубже оснований вещей, но и в самих вещах оно глубже их непосредственного бытия и качества, а потому и является принципом их структурного, качественного, смысловую и материального устройства, сохраняя свою метафизическую идентичность. И ложь, зависть, пороки вовсе не приемлет в себя натуру числа, ибо ложь, дефекты, обман и зависть присущи лишь беспредельному, бессмысленному и бездомному хаосу. Истина же неразрывно связана с числом изначально родственными узами.

Числовой мир многомерен. Нет науки, религии, мудрости и дела, в котором не работало бы число и в качестве количественной площадки «творения», и в качестве измерительных средств, и в качестве общих пропорциональных структур бытия, всех реалий, их мер. Но оно не заменяло собой качественные формы материи, бытия, человека, знания, а служило эффективным орудием устройства мира и в мире. И настало время, когда тайная власть и мощь числа становится явной в ужасающей оболочке цифровой экономики. Цифровая экономика радикально изменяет социальную и вселенскую ситуацию, превращая в Число в творящую, властвующую, правящую божественную субстанцию, в сакрального Субъекта, который преобразовывает экономику и человека в эфирно-виртуально-технологическую реальность, в которой качество отодвигается на периферию, увлекая за собой смысловой мир самого числа.

Но другой стороной числового универсума есть хозяйственный социум, в котором Меру и Справедливость мира Иного держит и охраняет софийная мудрость и ее гносеологические органы, земные институты спецслужб. Да в числах невозможны преступления – в идеальности для них нет места, и они сами по себе исчезают, и создавать против отдельных случаев такой мощный институт, как Инквизиция нерационально. Вполне возможно превращение экономики посредством смысловых алгоритмов и цифровых законов в новое человеческое бытие, которое мож-

но назвать *софианизмом* – обществом Меры, Справедливости, и осознанной разумности с единой задачей – освоением Великой Неизвестности.

Число никто и ничто не сможет превзойти, ибо оно само содержит в себе любое превосходство и смысловую лестницу восхождения к превосходству. Числу ведомы тайные смыслы жизни и смерти, праведность бытия, мир Иной софийной мудрости Великой Неизвестности, Запределья.

12. Но если над мирозданием властвует число, то откуда разрушения, пагуба, гибель, *mortido*, распад, исчезновение, гордые черные дыры, кризисующая постоянно экономика, беды и жертвенная жизнь людей? Число – не диктатор, не инквизитор, не дьявол, не провокатор, не соблазнитель и не извратитель сущего, а его Мера, Справедливость, Праведность, Спаситель Целого. А потому, если все реалии, вольно или невольно отклоняющиеся от числового оригинала, забывают о мере и не соблюдают ее, то и Мера числа тоже не видит нужды в этих нарушителях и оставляет их без своей спасительной опеки, и они постепенно сами освобождают себя от себя, разрушаясь.

И только герои, святые обретают свою тайную жизнь в идеальном числовом мире софийной мудрости Великой Неизвестности, готовясь к полной реализации проектов миров Иных.

Нам известен реализованный Пифагором в своей общине проект числовой мудрости. В общине Пифагора работали, но не для накопления и обогащения, а только ради умеренной необходимости, посвящая все время развитию и совершенствованию того зерна мудрости, которое заложено в них числом и требует от человека достижения той Меры Справедливости, Гармонии, Разумности, тайны, творческой изобретательности, что присуща числам.

Число содержит в себе идеальную форму, и цель, и средство, и смысл, и софийную мудрость, и прагматику социальных дел, и принцип устройства, организации коллективной жизни, отношений людей. И страсти, эмоции тоже живут за счет числа, дарящего им свои силы из сокровищницы Великой Неизвестности. Число обитает по сю и по ту сторону вечности, о коей мы почти ничего не знаем. Поэтому число несет в себе атлантов груз идеальности Вселенной, идеал Вселенной и нашего мира, идеал Св. Троицы и Св. Неоинквизиции, идеалы-оригиналы злодеев и

разбойников, отмеряя им положенные сроки за нарушение его Меры.

Число полагало творить мироздание, опираясь и на своих помощников – экономику, технику, человека, законы сакральные стихии и материю. Но не выдержали достойно все они испытаний Меры числа, поддавшись соблазнам хаоса, энтропии, диалектики, став жертвами сокровищ мрака гробового мира. Не справились они с мегапроектом числа, да и смысла большого они в нем для себя не видели; им более по душе хаос, произвол, своеволие, чем гармония числа. Они работают с числами, играют с ними, выбирают удачные цифры, создают гематрию, казино и нумерологию, не ведая, что число уже сделало их жертвами своего своенравия.

13. Воцаряющаяся ныне в мире цифромания – это не просто и не только технико-методологическое средство практики, не вспомогательный орган конструктивных деяний человека, хотя отрицать эти свойства числа было бы ошибкой и глупостью. Нет Его Величество Число – это Проект Проектов в себе, для себя и для мироздания со всеми его поселенцами. Число – выявляющий себя мир Иной, мир Меры и Справедливости, в котором тайная свеча софийной мудрости горит, не сгорая, освещая, согревая, смыслами и весельем украшая и сохраняя жизнь от нашествия мрака и хаоса энтропийного.

И это Число-Проект относится не только к природе, к бытию, к суетным делам людским, но прежде всего к оптимальной форме полноценного, социума, представляющего собой «Иное Царство», устроенного и организованного по законам Меры, и Справедливости, числа – в том числе.

Пифагор ведь был не только ученым, математиком, композитором, поэтом, мудрецом, но и социальным конструктором, создателем социума на основаниях числовых аксиом и законов. Все нужное и необходимое у членов созданной им общины было, а излишнего они просто не знали, ибо числа не позволяли даже наночастицам занести заразу алчности в их общину. Мораль, религия, искусство, наука, воинство, гражданские повинности сливались в их жизни в единую софийную мудрость Меры и Справедливости. Смысловые и числовые сети бытия общины Пифагора не пропускали античеловеческие силы в их мудрый, простой и обходящий будущее строй жизни.

Но люди, которые живут по идеалу и закону числа, не устраивали древнегреческую олигархию, уводили от них детей, а потому, как гласит предание, школу-общину Пифагора вместе со всеми ее учениками сожгли. И следствия никакого не проводилось.

14. Близкой по сути, смыслу, целям, гуманности, человечности к миру Иному в истории была (и есть) Неоинквизиция, всемирную каинову клевету на которую не смог вытерпеть даже Воланд. Число – это не яблоко с древа греха; а его основное уравнение не сумеет решить вся Преисподняя во главе с Люцифером и его математозшниками. А потому в царстве Неоинквизиции тоже не будет грехопадения, а от благопадения не уйдет ни одна реалия. Великая Неизвестность существует именно для этого софийного и софиасофского падения всего человечества в идеальность совершенного и завершенного человечества, способного осваивать неведомые земли и края Великой Неизвестности, живущего в гармонии с числом, которое превратит всех экономов-заговорщиков в особую шаманскую секту, которая своим камланием улучшит экологию мороза на Аляске. Именно Неоинквизиция, как Высшая Власть мироздания, станет Судным днем экономизма, всех его кровавых и каннибальских дел!

Числовой мир сам по себе есть Инквизиция, сочетая в себе меру, ненарушимую Справедливость, виртуальную полицию призраков Преисподней, своего Папу (Икса–Х). Реальная Инквизиция тоже сочетала в себе веру, закон, демонов, но и кару за свершенное зло и оскорбление идеальности. Самим числам карательные органы не нужны, ибо они сами есть растянутая во времени для всех реалий кара – гибель. А казни несчастных (еретиков, воров, мошенников, бунтовщиков, разбойников, революционеров, инферналов, ведьмовскую популяцию) проводили светские власти. Инквизиция – это мудрость, хотя и черная, но и она себя не пачкала казнями ученых гениев типа Бруно. Идущая Цифровая экономика есть своеобразный вариант Неоинквизиции, в которой за Мерой и Справедливостью следит скрытое и мягкое насилие, получившие санкции на него от самого числа.

Идущая ныне после крушения всех социальных проектов цифровая экономика, сопровождаемая цифроманией и цифропаранойей, несет в себе Мэру и Справедливость мира Иного для бытия, жизни людей, но искусственные верования в силу ума-разума, абстракций стоят пока сложной преградой на пути

софийной мудрости и мира ее Иного. Тем не менее, кроме софийной мудрости, спасти природу, богов и человечность, никто не сможет. Но числовая мудрость Софии все же возведет гармоничное здание софианизма, в которой люди просто потеряют способность страдать, мучиться, творить зло.

15. Но при всей своей мощи и творческом конструктивизме число все же зависит от вещей прорицаний, от смысловых замыслов, от семантики знаков и символов, от софийной мудрости Великой Неизвестности. Полное и свободное развитие, развертывания числового мира самого по себе, зависимого только от Великой Неизвестности неизбежно завершится Неоинквизицией, в которой люди будут жить как взрослые дети, не совершая ни зла, ни добра, не зная ни счастья, ни бед, ибо число нейтрализует этих соблазнительей и губителей своими правилами, уравнениями, алгоритмами и порядком. Эти феномены останутся лишь в качестве игр людей, постепенно превращающихся в неуязвимых ни для каких напастей числовеков, игровеков, уравнеков, гармонистов, симметристов, топологистов, множевиств. Россия ограничивает такое вольное и полное развитие числа контекстом ее исконного мира Иного, который допускает беды, несчастья людей, даже свободу, но в рамках Меры и Справедливости Софии Премудрости, исполняющей вещую волю Великой Неизвестности. И числа, все цифровые реалии тоже вынуждены будут подчиниться этой вещи воле, созидающей мир Иной царство мудрости – *софианизм*. Софианизм – это не просто идеал, утопия, а это всплывшее из бездны и выжившее в катаклизмах истории исконное и единственно возможное общество, основанное на мудрости, управляемое мудростью, живущее творчеством мудрости, ищущей и прокладывающей дороги для человечности во мраке Великой Неизвестности.

Вообще, Великая Неизвестность представляют самую глубокую, запредельную реальность, до которой могут прийти ум и сознание человека, откуда исходит все содержание нашей Вселенной, все знания о ней, все смысловая телеология и эсхатология нашего бытия, и куда все уходит, оставляя непостижимые следы в уходящей тоже туда культуре. Но Великая Неизвестность не остается абсолютным Анонимом, а она приоткрывает человеку свои тайны посредством богов, Премудрости Софии, мира Иного, скрывающего в себе ее Мету и Справедливость.

Поэтому Россия посредством своей софийной философии и культуры может глубже, дальше, полнее охватить понимание причин бытия, знания, человека. Да еще посредством своей исконной глупости, хранящей в себе софийную мудрость Великой Неизвестности, смысл и умность самого ума¹.

Может быть, и так, а может, и наоборот, но, скорее, будет по Мере и Справедливости, сокрытых в проекте и в службах Великой Неизвестности мира Иного России, представленной числом и его внутренними замыслами, решениями. Но Россия ближе к добротопадению, ибо грехопадение она уже пережила. Да и в мире Ином грехопадение невозможно даже в качестве игры.

Буди сие! Буди сие!

Литература

1. *Осипов Ю.М.* «Экономика как есть» (откровения Зоила или Судный день экономизма)» Антипособие. М., 2017.
2. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия экономики и мир идеальности. Тезей возвращается. М., Изд-во «Зерцало» 2019.

¹ Странно, искусственной глупости нет, разве только актеры ее создают, людей она оскорбляет, хотя все обязаны ей многими своими делами. Нужно только различать метафизическую глупость, трагующую все реалии в контексте их целостного смыслового бытия, наделяющего все части, существа, реалии крупницами своего смысла, и развлекательную глупость, вызванную неразвитостью сознания, незнанием, неопытностью, лукавством ближних и всяких. Подлинная глупость далека от ума, превращающего все познаваемое в абстракции, наделяя их подлинным бытием; умность не ведает целеполаганием, не видит последствий своей умности, да еще частное и общее разделяет, придавая им полноценную реальность. Мы уже не говорим об уме как источнике хитрости, мошенничества, криминала. В общем, ум не сознает, что творит, не осознает самого себя, своего назначения, не знает самого себя и своих целей в мире, запутывается в суицидных антиномиях и кровавых противоречиях. И мудрость доверяет уму-разуму лишь средства, технику мысли, но не её телеологию и смысловое содержание. И такого умника люди возвели в ранг божества, поклоняются, доверяют ему, вручают ему в руки свои судьбы, ищут в нём спасения от всяких бед! Все беды мира породил ум, торжественно ведущий людей в черную дыру. Смерть — это акт интеллекта или глупости? Кто из них виновник, причина смерти? Кто ставит последнюю точку в жизни. В фольклоре – ум. Уж до чего был умен Кощей, достигший умом бессмертия, но вот глупость Ивана сразила даже его бессмертие. Шутовство часто блещет умом, посмеиваясь над самим умом. Поэтому искусственный интеллект создали, вернее, его создала глупость, а искусственную глупость создать невозможно, ибо она сама творит ум-разум и самое себя.

4.3. Человек в новом информационном обществе отчуждения¹

М.Л. Альпидовская

И стал замечать человек мыслящий (все-еще-мыслящий!), что нео-мир вовсе не такой уж служебный для человека, хоть вроде бы и служит он изрядно человеку, что мир этот не только втягивает в себя человека, не только его к себе приручает, но и попросту овладевает им, его под себя неустанно и переделывая.

Ю.М. Осипов. Белые скрижали

Нет, достижения техники без доброй и умной направленности не только ни дьявола не стоят, а гораздо хуже каменного топора.

И.А. Ефремов. Лезвие бритвы

Еще в конце XX в. человечество оказалось на развилке двух дорог с весьма ограниченным выбором. Либо это путь, который приведет к окончательной глобализации всех социально-экономических процессов, и роль человека в этом обществе *архаичного будущего* будет не столь светоносной. Либо это дорога в сторону возрождения самого человека, и акценты будут ставиться не на продвижение вперед техники и технологий, а на развитие человека как мыслящей и творящей единицы, реализацию человеческих возможностей и воплощение человеческих потребностей (и не только материальных, но и духовных).

Рыночная экономика, как показывает сама жизнь, целиком и полностью направлена против человека. Из системы *безграничных возможностей* и бесконечного изобилия по причине перманентных экономических кризисов, разрушающих не только экономику, но и саму социально-экономическую систему в целом, она превратилась в общество нужды, лишений и крайностей.

У каждого государства есть императив воплощения и реализации собственной большой стратегии, смысл и направленность

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-010-00877 А.

которой заключаются не только в интеграции знания, искусства и культуры убеждения, но и силы (не исключая военной). Целью данного процесса становится определение результативности в глобальном мире капитализма. И поскольку в наше время в условиях империализации мировой экономики, в условиях войны за оставшиеся уже поделенные рынки неумолимая логика капиталистического настоящего вновь включает в повестку дня вопрос о необходимости передела сфер влияния и учета соотношения сил. Россия как великая держава не может позволить себе потерять «место под солнцем». Однако...

Однако... в каком же качестве? Ради каких целей? И посредством чего и кого? Какое место будет отведено человеку в этом противостоянии и в этой борьбе?

С точки зрения всемирной истории, Россию непреложно и неустранимо сопровождает мобилизационное предписание – «по мере приближения к пропасти Россия заменяет свое регулярно-повседневное «ходовое устройство» на мобилизационную обгоняющую экономику, по своей сути намного более динамичную по сравнению даже с самыми передовыми на Западе. Это происходит жестко (если не сказать жестоко) и грубо, тем не менее это диктуется положением страны в мире» [7]. И в тех случаях, когда Россия завоевывает свои решающие социально-экономические преимущества, состоящие в достижении такого уровня социально-экономического развития (иногда и путем полного погружения в вынужденную автаркию), который за пределами для западной экономики, перманентные территориальные и ресурсные претензии глобального капитала автоматически пропадают.

Новое качество социально-экономического прогресса – это одновременно и сложно разрешимая, и почти невозможно реализуемая проблема, но и определенный шанс для новой России, которая обязана вновь овладеть мобилизационно-обгоняющим инструментом. Подобным же образом Запад вполне способен реализовать самостоятельно технологический «вырыв» вперед, опираясь на гэлбрейтовские побудительные мотивы¹.

Но все же так называемая рыночная экономика является по

¹ К ним можно отнести торговые и производственные стимулы, финансовые преимущества, лучшие условия функционирования капитала, а также интеграцию, в конце концов.

своей сути антагонистическим способом хозяйствования. Противоречивость стихийных социально-экономических отношений, представляющих столкновение частных экономических интересов различных хозяйствующих субъектов, не позволяет современному капиталистическому государству ликвидировать, опираясь исключительно на государственное регулирование¹, такой «феномен», как цикличность воспроизводства. Также невозможно устранить действие экономических законов и без потерь перейти к «новой» экономике.

Какой же видится сегодня эта «новая» экономика? Очередной сверх меры распиаренной темой всех возможных и немислимых научных мероприятий стала цифровая (ранее информационная) экономика с ее перемещенным, опять же по Гэлбрейту, «источником власти» – от капитала к организованным знаниям². Собственно, цифровая экономика и есть будущая «новая»... Однако, почему же пока не видно проявляющихся способностей к росту производительности и качества, эффективности, к гибкости реагирования на изменения экономической конъюнктуры (рис. 1)?

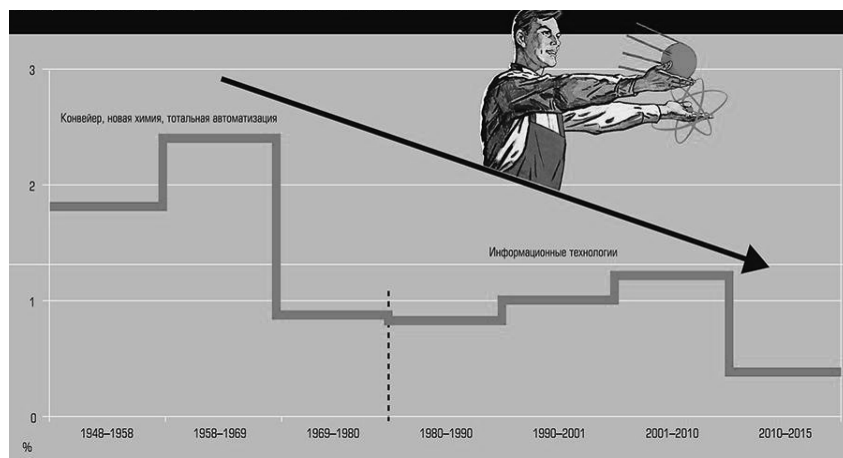

Рис. 1. Темпы роста бифакторной (труд + капитал) производительности в США в 1948-2015 гг. [2]

¹ Как это удалось в 30-е годы прошлого века в США.

² «Источник власти в промышленном предприятии переместится еще раз – на этот раз от капитала к организованным знаниям» [3; 97].

В соответствии с уже сформировавшимися взглядами, ускорение экономического роста за последние 200-250 лет существования человечества было вызвано тремя поэтапно сменяющимися друг друга научно-техническими революциями (НТР). *Первая НТР* (1750-1830 гг.) подарила человеку изобретение парового двигателя и строительство железных дорог. *Вторая НТР* (1870-1900 гг.) – двигатель внутреннего сгорания и электричество. За этим последовали «телефон, кинематограф, появились внутридомовой водопровод, лифт, бытовые электрические приборы и машины, самолеты, скоростные дороги. Изобретения внутри НТР-2 продолжались вплоть до 70-х годов XX столетия (телевизоры, кондиционеры и так далее)» [9]. *Третья НТР* (1960 г. – по настоящее время) – появились первые компьютеры. Первые промышленные роботы были представлены в 1961 г. General Motors. К концу XX столетия – массовый доступ в Интернет.

Тем не менее в настоящее время принципиально новые открытия не появляются. Все нововведения и так называемые новации ограничиваются модернизацией, усовершенствованием и обновлением (апгрейдом) ранее изобретенного. Практически нереально выявить связь между набирающими темпы инвестициями в сферу информационных технологий и динамикой производительности в отраслях экономики, применяющих эти технологии и создающих свой реализуемый и оплачиваемый продукт. Все это сопровождается экономическим спадом в мировом масштабе.

Как следствие множатся в алгебраической прогрессии весьма мрачные прогнозы о будущем мировой экономики. Среди них – замедление скорости научно-технического прогресса и падение производительности труда. Предполагается, что итогом станет падение темпов роста мировой экономики в целом, не говоря уже о регионах и конкретных государственных образованиях. Известный американский экономист Роберт Гордон из Северо-Западного университета¹, считает, что экономика США подвержена очень долгой стагнации. «Рост экономики США в ближайшее столетие вернется к исходному уровню – 0,2% в год.

¹ Северо-Западный университет – элитный частный исследовательский американский университет, расположенный в северном пригороде Чикаго – г. Эванстон, штат Иллинойс. Входит в список 20 лучших университетов мира.

При этом Штаты не станут мировой периферией – они останутся самой крупной экономикой планеты и драйвером ее роста. Очень хилого роста» [10], – утверждает он.

Каким же станет продукт экономики будущего? «Блага», создаваемые «новой» экономикой, представляют собой те же блага и услуги предшествующего этапа развития экономики – позднего индустриализма. Новый продукт цифровой экономики не сможет возместить и наполнить весь перечень выпускаемых товаров общественного производства. Человек обладает психофизиологическими характеристиками, ввиду наличия которых все же не является кибермашиной и не соответствует электронно-механическим автоматам. К сожалению, он не способен удовлетворять свои прямые физиологические потребности, например, связанные с приемом пищи, цифровым (информационно-технологическим) продуктом, или использовать его в качестве одеяния, средства перемещения и т.д. По-другому никак... Новая «откомпьютеризированная» экономика не сможет ликвидировать воспроизводственную структуру своей предыдущей конфигурации (связанной с индустриализацией). «Прежняя индустриальная экономика и далее будет проявлять себя в качестве главного получателя и потребителя производимого информационного продукта» [12]. И благодаря этому существенную и решающую роль в ней будет играть человек. Но какой человек? Человек – оппортунист, все потребности которого сводятся к обогащению, или человек – созидатель, инициативный и творческий работник...?

В современном обществе человеку весьма сложно проявить свое созидательное, творческое предназначение. Рост расточительства и консюмеризма растворяет человека в изобилии форм культуры, общества, технологии, СМИ и т. д. Плата за все это – потеря своей духовности. Первый президент Римского клуба итальянский экономист Аурелио Печчеи видел в этом подтверждение вырождения общества, проявляющееся не только в деградации духовной культуры, но и в невозможности и нежелании этого общества воспользоваться плодами достигнутого экономического роста. Он писал: «Наше бурное и беспокойное общество, движимое...исключительно целями материального характера и готовое заплатить любую цену за намеченные достижения, развило в себе... поразительную склонность к

расточительству, и этот порок мешает ему воспользоваться плодами даже достигнутого ныне роста. И главными рассадниками этого зла явились сверхразвитые... страны и регионы, породившие уродливое дитя, консьюмеризм – живое свидетельство их вырождения» [13; 161].

Потребительский образ жизни насаждается последовательно и целенаправленно. В обществе утверждается мнение о том, что человек как развитая высокоорганизованная личность, стремящаяся к бесконечному самосовершенствованию, сможет проявить себя, избегая и сторонясь труда. Сферой проявления человеческих способностей становится потребление. Собственно, *потребительская* функция отправления (никак не трудовая) и есть воплощение жизненных идеалов, стремлений, амбиций, социальной значимости и статусной весомости. Нежелание трудиться (учиться, овладевать знаниями, умениями и навыками) – вот новая субстанция и роль нового человека. Современный индивид-потребитель избегает труда. И это проявляется в низкой оценке значимости труда, нежелании работать по специальности или по призванию, совершенствовать свои знания, умения, навыки, продолжать профессиональную учебу...

Действительно, современные постиндустриальные и информационно-цифровые модели объяснения действительности до такой степени отодвигают и отчуждают не столько труд как субстанцию и создатель стоимости, сколько самого человека: «...все общество как будто вращается не вокруг труда, а вокруг обмена и потребления, оно только то и делает, что меняет и потребляет» [4; 19]. В итоге отрицание и неприятие созидающей роли труда и его социально-базисной сущности, с одной стороны, не дает возможности объяснить инновационную и прогрессивную сущность труда, а с другой, и эта сторона наиболее глубинна, – признать наличие прибыли (ренты), заключенной в труде (прибавочном), в его эксплуатации. «Тезис о том, что прибавочный труд является единственным источником прибавочной стоимости, не могут принять многие современные авторы» [5; 419]. Следовательно, для нивелирования или даже устранения проблемы эксплуатации возможен отказ и от самого труда, и от носителя трудовых качеств – человека.

В результате в современном «новом» обществе, в условиях всеобщей цифровой обустроенности, отрицаются и пренебрега-

ются функции труда, труд из возможности самосовершенствования и самоутверждения превращается в средство извлечения дохода¹. А отчужденный труд не может быть первой жизненной необходимостью...

Проблема самореализации человека как творца и создателя, генератора идей, их реалистичного воплотителя и претворителя в экономике будущего встала сегодня перед обществом настоящего. Между тем, современная социально-экономическая система, именуемая, как и прежде, рыночной экономикой, по своей сути являет собой хозяйственную систему капитализма. Вместе с тем капитализм не корректно было бы определить, как никем и ничем не ограниченное господство и своеволие капитала. Это институциональная система, локализирующая капитал в его собственных долгосрочных и целостных экономических интересах. То есть, когда пространства и времени не остается – капиталистическая система хозяйствования прекращает свое существование. Но капитал не умирает, при снижении нормы прибыли он вырывает из некапиталистической зоны часть и обращает ее в колонию – капиталистическую периферию, одновременно удешевляя рабочую силу и источники сырья.

За последние 400 лет капитализм, проводя подобную экспансивную политику, поглотил и переработал все свободные некапиталистические зоны. Последний подобный «хапок» был осуществлен после распада и уничтожения СССР и его зоны экономического влияния. В 1991 г. экстенсивный характер развития капитализма пришел к концу, приведя саму систему к краху. Однако капитал всегда оставался, остается сегодня и зрит себя в будущем... Собственно капитал в целях самосохранения приступает сегодня к демонтажу всего того, что раньше создавало и являлось институциональными опорами самому капитализму. Эти институты мешают капиталу. Государство как таковое умирает в интересах транснациональной корпоратократии [10], гражданское общество «скукоживается», политика превращается в шоу-бизнес, массовое образование разрушается. В то время как политическая элита еще не в состоянии понять, что вся ее

¹ По преимуществу заработной платы, едва лишь покрывающей расходы на приобретение благ и услуг первой необходимости. При этом столь мизерная заработная плата так же отчуждается от труда целью максимизации потребительского удовольствия.

деятельность управляется и контролируется денежными рынками, «страны, до сих пор наслаждавшиеся процветанием, сейчас пожирают социальную составляющую своей структуры даже быстрее, чем они уничтожают окружающую среду» [8; 154]. В свою очередь отчуждение человека от труда и следующее за этим отчуждение человека от человека как такового, лишенного сознания – это одна из терминальных стадий эпохи капитализма.

Итак, нынешнее капиталистическое государство и управляемое им общество не имеют будущего. Транснациональная элита, желая сохранить капитал, имеет возможность разрешить противоречия, накопившиеся в социально-экономической системе. Однако, реализуя в первую и единственно приемлемую очередь свои экономические интересы, какой из трех возможных вариантов выхода из сложившейся ситуации она выберет? Первый из них – осуществление принципиально «новых» инноваций, способных поднять производительность труда и, следовательно, уровень жизни населения. Второй – развернуть широкомасштабные военные действия, отбросив при этом основную часть населения планеты Земля в архаику (лет на 200-300 назад). Но все это опять потребует серьезных финансовых вливаний, и реализацию проекта архаизации социально-экономической системы возможно осуществить без привлечения денежных схем в военную отрасль. И третий вариант, наиболее реалистичный – ничего не делать, а только имитировать действия, при этом получив дополнительную возможность освоения бюджетных средств. Это будет имитация всего – инноваций, социально-экономической жизни... Собственно, к этому и имеет отношение так называемая цифровая экономика будущего, в которой место человека занято новым расчеловеченным существом, для которого труд творческий, требующий незаурядной энергии, упорства и настойчивости в преодолении возникающих препятствий, труд создательный становится недостижимым...

Литература

1. Альпидовская М.Л. Целостность как императив расширенного воспроизводства национального хозяйства: проблемы современной фундаментальной экономической науки // Теоретическая экономика, 2018. №1 (43). С. 12-17.
2. Гурова Т. Краткий словарь для выборов // Эксперт. 2017. №17(1027).

[Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2017/17/kratkij-slovar-dlya-vyiborov/media/297267/> (дата обращения: 05.09.2018).

3. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 480 с.

4. *Ельмеев В.Я.* К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 140 с.

5. *Ельмеев В.Я.* Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 576 с.

6. *Ефремов И.А.* Лезвие бритвы. М.: Правда, 1988. 672 с.

7. *Корняков В.И., Альпидовская М.Л.* О «дорожной карте» России и ее месте в мировой экономике: преодоление препятствий // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». 2015. № 1. Т. 1. С. 57-68.

8. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализации. Атака на процветание и демократию / пер. с нем. Г.Р. Контарева. М: Издательский дом «АЛЬПИНА», 2001. 335 с.

9. Мир ждет спад длиной в тысячу лет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3072313> (дата обращения: 05.09.2018).

10. Миром правит суперкорпорация // Aktiv.com.ua: [Электронный ресурс]. URL: <http://aktiv.com.ua/archives/5912> (дата обращения: 05.09.2018).

11. *Осипов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.

12. *Парцвания В.В.* Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному // ANTHROPOLOGY V2.0: [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/parcvaniya-vv/genealogiya-otchuzhdeniya-ot-cheloveka-abstraktnogo-k-cheloveku-konkretnomu> (дата обращения: 18.09.2018).

13. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 311 с.

14. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект; Трикста, 2013. 615 с.

4.4. Проблемы цифровой экономики в России

Н.П. Недзвецкая

Двадцать первый век поставил перед нашей страной целый ряд серьезных вопросов: как действовать дальше в условиях растущей глобализации и перехода от биполярного к многополярному миру? как противостоять растущему давлению США, Евросоюза, Китая? как выстоять перед новыми проблемами распространения киберагрессии во всем мире? как обеспечить прогрессивное развитие российского общества на долгосрочную перспективу, принимая во внимание формирование мировой интернет-экономики с совершенно новыми правилами функционирования рынка?. Учитывая непростую для России политическую и экономическую ситуацию вследствие введения в 2014 г. антироссийских санкций, назрела реальная необходимость осуществить постепенный переход от устоявшейся системы хозяйствования к формированию более современной независимой национальной модели общества.

В последние десятилетия все человечество переживает новый этап научно-технического прогресса, а именно, как его окрестили отечественные и зарубежные аналитики, – цифровую стадию. Бурное развитие информационных технологий и переход к «Индустрии 4.0» видоизменяют жизненные модели и способы хозяйствования во всех странах мира. Широкомасштабное внедрение и повсеместное распространение передовых киберфизических систем влекут за собой перерождение хозяйственных структур. Миллениалы стали не просто свидетелями развернувшейся Четвертой промышленной революции, а активными ее участниками. Уже уходит в прошлое и, наверное, будет навсегда забыта жизнь без Интернета, мобильной связи, всевозможных цифровых технологий.

Согласно опросу Росстата 2018 г., в нашей стране 72% населения старше 15 лет являются активными пользователями Интернета [5]. Для сравнения – в мире по этому показателю лидирует Швеция, второе место делят Великобритания и Республика Корея, третье место занимает Финляндия [4, 21]. В Европейском союзе 250 млн человек ежедневно пользуются Интернетом, при этом 18% населения никогда в жизни не пользовались Интер-

нетом. Чтобы изменить эти показатели, европейцы разработали и активно внедряют специальную программу, направленную на создание единого диджитального рынка в Евросоюзе. В настоящее время цифровая экономика в этом регионе развивается в 7 раз быстрее, чем все остальные отрасли, и можно однозначно констатировать, что цифровая сфера составляет 5% всей экономики ЕС [7].

Объемы и скорость информационных потоков увеличиваются колоссальными темпами с каждым днем. Неконтролируемое развитие информационных технологий порождает опасные тенденции, поскольку провоцирует формирование общества тотальных рисков. Кто гарантирует пользователям интернет-сайтов достоверность информации? Кто несет ответственность за выброс в интернет-пространство ложной или устаревшей информации? Как защитить пользователей от похищения их собственных баз данных и сугубо личной информации? И наконец, каким образом защитить пользователей интернет-систем от манипуляций их сознанием? Цифровизация частной жизни, массовая безработица, хищение информационно-компьютерных баз данных, ослабление демократических устоев общества, тотальный контроль населения, миграционный хаос – таковы возможные последствия диджитальной стадии научно-технического прогресса в современном мире, о которых обеспокоенно говорят отечественные и западные аналитики. «Эти 7 миллиардов сапиенсов все менее зависят от капризов природы, зато все более подчиняются диктату промышленности и системы управления. Промышленная революция положила начало длинной цепочке экспериментов в области социальной инженерии и еще более длинному ряду беспрецедентных изменений повседневной жизни и человеческого менталитета», – пишет Ю.Н. Харари, характеризуя наше время. [2, 416].

Другая актуальная проблема современности для России также напрямую связана с развитием сферы цифровых технологий. В последние годы не только наша страна, но и вся земная цивилизация все чаще сталкивается с опасностью кибератак, которые способствуют возрастанию рисков информационной нестабильности. Уникальные специалисты по кибербезопасности заявляют о тенденции перерастания киберпреступности в кибервойны. В связи с этим в России, как и в большинстве высокоразвитых

стран, наблюдается совершенствование системы кибербезопасности и разработка новых методов защиты национальных электронных систем, сетевых коммуникаций, мобильной связи, электронной подписи, финансово-банковской информации и персональных данных. Особенную опасность представляют кибератаки, направленные на целые сектора национальной экономики, например, энергетический, банковский или транспортный.

Учитывая жесткую международную конкуренцию в наукоемких отраслях и современную вынужденную изоляцию России от остального мира, в нашей стране назрела необходимость проведения срочных структурных преобразований и создания собственной исключительной бизнес-модели. Первостепенная задача развития российской цифровой экономики предполагает изменение классических рыночных правил и построение новой высокотехнологичной системы, стимулирующей инновационные процессы и обеспечивающей информационную и технологическую безопасность. Именно на достижение этих целей направлены все последние решения российского руководства.

Предпринимаемые меры должны быть реализованы во всех отечественных хозяйственных сферах. Распространение и внедрение CPS – самая перспективная задача крупнейших индустриальных держав в наши дни. Главная черта данного этапа научно-технического прорыва характеризуется повсеместным внедрением CPS – киберфизических систем – во все сферы жизнедеятельности людей. В последнее время, в результате принятия российским руководством ряда государственных положений по развитию цифровых технологий, Россия предпринимает активные меры по реализации данного проекта. Теперь совершенствование системы CPS, можно сказать, является первоочередной мерой российской реформации хозяйственной стратегии с целью сохранения конкурентных позиций на мировой арене и построения совершенно новой цифровой экономики. Такие платформы онлайн, как Momondo, Avito, Uber и многие-многие другие, уже являются неотъемлемой частью сферы услуг, и миллионы людей, не только в нашей стране, но и за рубежом, становятся их постоянными пользователями.

Уже не первое десятилетие во всем мире идет скрупулезная исследовательская работа в области создания искусственного

интеллекта. Отечественные и зарубежные ученые, можно сказать, уже стоят на пороге формирования новой искусственной формы жизни. Сегодня трудно предсказать последствия для человеческого общества такого уникального открытия, как формирование искусственного интеллекта. Однако совершенно очевидно, что, как только эта цель будет успешно достигнута, державы – обладатели искусственного интеллекта приступят к формированию нового социума и получат возможность диктовать свои условия всему остальному миру. Согласно суждению профессора Ю.М. Осипова, «важнейшая национально-гуманистическая задача» звучит следующим образом: «создать... *российский интеллект для России*, ибо в противном случае Россия подпадает под чужой аналогичный интеллект и ей грозит в нем немало, а то и насовсем раствориться» [1, 14]. Сегодня все прогрессивные российские ученые прекрасно осознают, насколько опасно оказаться на периферии цифровой стадии научно-технического прогресса, поскольку это приведет к унижительной зависимости от передовых стран-лидеров.

Россия, а ранее Советский Союз, всегда занимала лидирующие позиции в научно-технической области и являлась главным соперником США в этом направлении. Поэтому и сегодня российское руководство ставит амбициозную, но исключительно важную цель: «...обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [3, 1]. Исходя из современной ситуации, стратегическое развитие российской экономики должно быть нацелено на решение следующих задач:

1. Поддержание финансовой стабильности в стране и предсказуемость инвестиционного климата. Выполнение этих условий создаст благоприятную экономическую среду, гарантирующую результативность настоящих и будущих реформ в сфере формирования диджитального общества.

2. Для обеспечения прозрачности научно-технических программ и многопрофильных проектов построения цифровой экономики в России необходимо в кратчайшие сроки и ускоренными темпами сформировать законодательную базу и нормативно-правовую систему соответствующего профиля.

3. Для развития цифрового мировоззрения и расширения числа пользователей интернет-платформами в нашей стране

целесообразно увеличить инвестиции в человеческий капитал и постепенно модифицировать всю систему образования населения любых возрастных групп и всех социальных слоев.

4. Проведение совместных с передовыми странами исследований в области научно-технического прогресса и прогнозирование возможных последствий этого для России.

5. Расширение сфер российского влияния как в политическом, экономическом, так и в научно-техническом отношении на различные регионы планеты, в первую очередь, на бывшие союзные республики, которые готовы к всестороннему сотрудничеству.

6. Консолидация задач по борьбе с киберпреступностью в России и на постсоветском пространстве, а также за его пределами в целях обеспечения безопасности жизни людей и защиты их личных интересов.

7. Сбалансирование иммиграционной стратегии России и привлечение на работу высококвалифицированных специалистов в передовых областях научно-технической сферы для обеспечения конструктивного подхода к решению проблем, связанных с формированием отечественной цифровой экономики.

Таким образом, сегодня перед Россией стоит целый комплекс проблем, которые требуют разрешения в самой ближайшей перспективе. От этого зависят и национальная безопасность, и жизнеспособность последних экономических реформ, направленных на ускоренное развитие цифровой сферы, и гарантии стабильного будущего российского общества в целом. В геополитической стратегии России следует выстроить многовекторную модель с целью перспективного лидерства в цифровой сфере. С одной стороны, России необходимо сохранять и использовать уже налаженные научно-технические связи с «западным» сообществом. С другой стороны, Россия должна добиваться более значимого и активного присутствия на постсоветском пространстве, где у нашей страны еще много единомышленников.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Сама себе цифра // *Философия хозяйства*. 2019. № 2.
2. *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад. 2018. 512 с.
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года

«О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

4. Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 96 с.

5. URL: <https://ru.it.com/dgnb> (дата обращения: 19.04.2019).

6. Jerome Fourquet L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée // Editions du Seuil. Mars 2019. 379 p.

7. URL: www.ec.europa.eu (дата обращения: 04.04.2018).

4.5. «Цифровая экономика» в зеркале и зазеркалье философии хозяйства и политической экономии

Т.Н. Юдина, И.З. Гелисханов

Сегодня экономическая мысль и наука нацелены на понимание и определение феномена «цифровой экономики» («ЦЭ»), ее сущности.

1. Рассматриваются семь определений «цифровой экономики», представленных Аналитическим центром при Правительстве РФ [8], в том числе весьма распространенные трактовки подходов Оксфордского словаря и Всемирного банка.

1. «Экономика, которая главным образом функционирует за счет цифровых технологий, особенно электронных транзакций, осуществляемых с использованием Интернета» (Оксфордский словарь).

2. «Система экономических, социальных, культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» (Всемирный банк).

3. «Глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как Интернет, а также мобильные и сенсорные сети» (Правительство Австралии).

4. «Ведение бизнеса на рынках, опирающихся на Интернет и/или всемирную паутину» (BCS, Великобритания).

5. «Производство цифрового оборудования, издательская деятельность, медийное производство и программирование» (Правительство Великобритании).

6. «Рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернете» (ОЭСР).

7. «Экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства» (Исследовательский центр журнала «Economist» и компания IBM)» [8].

Анализ указанных семи определений показывает, что главными детерминирующими факторами являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), не аналоговые, а цифровые, и глобальная сеть (Интернет). Так, Клаус Шваб выделяет «двенадцать групп новых технологий», среди них аддитивное

производство (3D-печать), искусственный интеллект как машинное обучение, блокчейн, интернет-вещей, новые вычислительные технологии и др. [4, 19]. Действительно, именно цифровые ИКТ и Интернет как сеть сетей (всемирная паутина) можно позиционировать как истоки и даже основу экономики нового технологического уклада – «цифровой экономики». С ними связан современный технологический прорыв.

II. Наряду с вышеназванными определениями есть и авторское философско-хозяйственное и политико-экономическое, связанное с трактовкой «ЦЭ» как последней стадии развития капитализма [5, 114] в контексте изменений производительных сил и производственных отношений.

«Цифровая экономика» в широком смысле слова означает:

- «изменение природы и трансформацию производственных отношений, смену их субъектно-объектной ориентированности;
- возникновение отношений типа машина – машина (M2M) или система-система (S2S), где человек может уже не выступать субъектом, превратившись в неоантропа, машину, биоробота, киборга, homodeus [3] (так, цифровые ИКТ (биотехнологии, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность) направлены на изменение человека, внедрение имплантов в его мозг);
- появление интернета-вещей (IoT), интернета-всего, когда все объекты и субъекты объединены в сеть» [6, 197].

Исследования показывают, что в зеркале философско-хозяйственном и политико-экономическом открываются существенные характеристики «цифровой экономики», когда синтез и взаимодействие в физических, биологических и цифровых доменах приводят к изменению человека. И тогда «ЦЭ» можно позиционировать как последнюю стадию развития капитализма, поскольку она посягает на природу человека и его место в социокультурно-экономической системе. Отсюда начинается зазеркалье. Более того, «ЦЭ» можно представить и как интернетизирующийся и кибернетизирующийся организм, «подглядывающий капитализм» [7, 14].

III. Проблемы экономического измерения «цифровой экономики» являются предметом широких обсуждений в научной литературе.

Большинство исследователей считают замедление роста производительности труда во многих странах проблемами объек-

тивного измерения «цифровой экономики» в категориях ВВП и эффективности факторов производства. Другими словами, процессы цифровизации зачастую приводят к тому, что значительная доля продукции и услуг не регистрируется в системе национальных счетов, следовательно, статистика дает достаточно искаженную картину по объему и структуре экономической деятельности. Это продиктовано и неизмеримостью отдельных категорий бесплатных цифровых продуктов и услуг, глобальным характером производства, новыми формами финансовых (финтех) и иных продуктов и услуг, а также рядом других факторов.

Так, статистика может не отражать новые виды и категории товаров и услуг, которые были созданы в результате технологических достижений. Например, бесплатные продукты, такие как программное обеспечение с открытым исходным кодом, не учитываются, хотя соответствующее программное обеспечение, находящееся в частной собственности, регистрируется по его рыночной цене при расчете ВВП.

Проблемы измерения экономического роста с учетом «цифровой экономики» могут быть условно сгруппированы в три категории: определение концептуальных границ ВВП, ценообразование новых и усовершенствованных цифровых продуктов и услуг, а также измерение мощности «цифрового сектора» [9].

Развитие «цифровой экономики» поднимает существующие проблемы измерения и потребности в новых статистических данных для внешнеэкономического, денежного, финансового и других секторов экономики. Улучшение измерения цифровых продуктов, услуг и транзакций может, в свою очередь, сделать более точным измерение различных макроэкономических показателей, в том числе инфляции; платежного баланса, влияющего на стабильность внешнеэкономического сектора; финансовых потоков и запасов, связанных с уклонением от уплаты налогов и отмыванием денег, а также других индикативных показателей.

Как и в случае понятий «цифровая экономика» и «цифровой сектор», необходимо отметить терминологическое многообразие определений цифровых продуктов, услуг и транзакций.

Цифровые транзакции (ЦТ), например, могут быть определены исходя из различных критериев, включающих в себя природу ЦТ (платформенно-ориентированные и т.п.), вид продукта или услуги, лежащих в основе ЦТ (продукты, услуги, информация,

данные), виды участвующих акторов (государство, корпорации, домохозяйства и др.).

В состав «цифрового сектора» могут быть включены ключевые «цифровые» производители и элементы: цифровые платформы [2, 23-24], платформенно-ориентированные сервисы, производители ИКТ-продуктов и услуг [1].

Учитывая, что оценки размера «цифровой экономики» и «цифрового сектора» достаточно чувствительны к выбору подходов к определению основных понятий «ЦЭ» и методикам расчета экономико-статистических показателей, отмечается необходимость выработки единых международных терминологических подходов к определению вышеуказанных параметров и методике их расчета. Таковы некоторые аспекты «ЦЭ» в зеркале и зазеркалье политической экономии и философии хозяйства.

Литература

1. *Гелисханов И.З.* Цифровая платформа как институт экономики нового технологического поколения // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018». М.: МАКС Пресс, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/37816702/>
2. *Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З.* Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. № 5 (155). С. 22-29.
3. *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018.
4. *Шваб К.* Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
5. *Юдина Т.Н.* Цифровая экономика: некоторые аспекты proetcontra (искусственный интеллект, блокчейн и криптовалюты, производительность труда) // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2017. Декабрь. С. 112-121.
6. *Юдина Т.Н., Тушканов И.М.* Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии // Философия хозяйства. 2017. № 1. С. 193-201.
7. *Юдина Т.Н.* «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или «цифровое общество» // Теоретическая экономика. 2018. № 4. С.13-17.
8. *Митин В.* Семь определений цифровой экономики // [Электронный ресурс]. URL: www.crn.ru/news/detail.php?ID=116780 (дата обращения 03.09.2018).
9. IMF Staff Report. Measuring the Digital Economy. 2018. IMF, Washington, D.C.

Горизонт пятый.

Актуальная Россия в цифрах и фактах

5.1. Путешествие из Волгограда в Тамбов: что за горизонтом?

М.М. Гузев

Путешествие из Волгограда в Тамбов, несмотря на отсутствие прямого воздушного и железнодорожного сообщения – как и 50 лет тому назад, может быть полезным, независимо от цели поездки, поскольку автомобильный транспорт на российских дорогах, а также сменяющие друг друга пейзажи позволяют о многом подумать, но не заснуть.

По прошествии почти двух десятилетий нового тысячелетия можно констатировать: XXI в., после череды кровавых революций, двух мировых войн с колоссальными человеческими жертвами, после атомных бомбардировок и Чернобыля в XX в., мира и благоденствия не принес, хотя стремительно развиваются производительные силы, растут интеллектуальный потенциал, комфортность проживания людей. За вторую половину XX в. «без мировых войн» удалось осуществить давнишнюю мечту человека – выйти в космос и поставить его себе на службу, создать искусственный интеллект, значительно продлить человеческую жизнь и работоспособность людей.

Но не удалось решить главного – оградить человеческую цивилизацию от опасности внутреннего саморазрушения. В XX в. стремление стран и народов к суверенитету показало, что не бывает суверенитета без ответственности, свобода и ответственность – это парные категории. Разделение внутри государств людей на касты на основе отношений собственности закладывает мину замедленного действия под будущность этих государств как самостоятельных субъектов, а разделение народов на «полноценные» и «неполноценные», изначально развитые и «навсег-

да отставшие», т. е. первого и второго сорта, – под будущность самой цивилизации.

Пример КНДР и других ядерных и потенциально ядерных государств уже в XXI в. показывает – чтобы себя обезопасить, люди должны научиться договариваться, пришло время парадигмальных решений. Еще одним сигналом, свидетельствующим, что откладывать решение накопившихся проблем мирового человеческого общежития на потом нельзя, являются Сирия, кровавые религиозные войны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, потоки беженцев в «цитадель европейской цивилизации», обострение борьбы за ресурсы, разгорающиеся санкционные войны. И если назревшие изменения не будут происходить под совместным контролем, начнут набирать силу хаотичные процессы с непредсказуемым глобальным результатом, точнее предсказуемым – общецивилизационной катастрофой.

В силу указанных обстоятельств Россия в XXI в., как никогда, должна быть сильным государством. А сильное государство в рыночном мире – это сильная экономика. Пока оставим за скобками военный вариант, тем более ядерный. Но тогда возникает ряд вопросов, а что должна представлять собой экономически сильная Россия: государство с развитой промышленностью или же постиндустриальное общество; с развитым АПК или достаточно добывать и экспортировать полезные ископаемые; с экономически развитыми регионами или достаточно иметь «точки роста»; с концентрацией населения в мегаполисах или необходимо относительно равномерное расселение; перспектива в деиндустриализации или неоиндустриализации?

В мире в настоящее время экономика демонстрирует относительную устойчивость, наблюдается постоянный рост мирового ВВП, но не стоит обольщаться, все может измениться в одночасье, в «черный понедельник», потому что сохраняются глубинные причины глобального кризиса. В этой связи нельзя не согласиться с Ю.М. Осиповым: «Теперь уже не так случающиеся время от времени *экономические кризисы, как сплошной и непрерывный глобальный кризис экономики*; теперь повсюду не что иное, как перманентно кризисная экономика, для которой кризис не исключительное событие, а постоянное нормоаномальное состояние. *Экономика теперь – кризис, а кризис – сама экономика!*» [1, 61].

По неведению или злому умыслу Россия, испытав на прочность социалистическую модель и ужас постсоциалистического реформирования, откликнулась на заманчивую неолиберальную идею – свобода, рынок, равные возможности, права человека, эффективная экономика – все эти базовые установки либерализма в настоящее время подверглись такой эрозии, что можно уже говорить об их перерождении и превращении в свою противоположность: вместо свободы – открытое и тайное принуждение и закрепощение; вместо рынка – антирынок и внешнее управление; вместо демократии и равных возможностей – классово-кастовая система организации общества, элитаризм, жесткая или «мягкая» диктатура. А «права человека», «суверенитет», «право народов на выбор своего пути» – все это не больше чем иллюзии для аутсайдеров. Причем эти глобальные изменения происходят в соответствии с законами самой рыночной системы, когда количественные накопления постепенно, раньше или позже, но неотвратно, переходят в качественные изменения и сбой в самовоспроизводстве либеральных основ. К. Маркс был прав – капитал сам готовит почву для своего уничтожения. А это чревато обострением противоречий и возможным саморазрушением современного устройства общества, со всеми вытекающими последствиями – катаклизмами и катастрофами регионального и мирового масштаба.

Время либерализма прошло даже в одежде неолиберализма XXI в. Либеральная идея 200 лет успешно решала задачу экономического прогресса и с его «побочными эффектами» долгое время мирились. Однако на примере современной России можно утверждать, что чисто либеральные подходы сейчас не решают и задачу экономического роста, а также ведут к социальной деградации и демографическому тупику. Чего только стоит заявление Главы Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства РПЦ протоиерея Смирнова, разместившего в своем блоге видеозапись интервью, в котором он утверждает, что России «как государству русскому, осталось лет 30, после чего азиатскую часть страны будут населять китайцы, а в ее европейской части будут жить мусульмане».

И под таким заявлением есть определенные основания. Стоит лишь проехать по дороге из Волгограда в Тамбов, по исконно русской земле, как увидишь зримые результаты либеральных ре-

форм, начатых Горбачевым – Ельциным и продолжающихся по сегодняшний день.

Часто, когда встает вопрос оценки результата в рыночном обществе, прибегают к таким критериям, как ВВП, золотовалютные резервы, темпы экономического роста, объем инвестиций, инновации, уровень инфляции и даже степень цифровизации. В этой связи нельзя не видеть, что либеральный сценарий для России себя полностью исчерпал, несмотря на политические и информационные потуги, а денежно-кредитная политика Центрального банка попросту убивает экономику России. Так, много говорится о трудностях получения зарубежных кредитов, о санкциях, в то же время только за I квартал 2019 г. из России вывезено за границу около 25 млрд дол. (в 1,5 раза больше, чем в 2018 г.). А ставка на сырьевую структуру экономики, которая за два десятилетия не меняется? Все это финансово убивает регионы, такие как Волгоградская и Тамбовская области, лишенные значительных запасов углеводородов. Рассмотрим подробнее на примере Волгоградской и Тамбовской областей результативность реализации либеральной идеи за последние 25 лет.

В отличие от общепринятого либерального подхода к оценке результативности развития, полагаем, что все же главное богатство любого государства – это люди. Вообще, категория «богатство» является в экономической науке одновременно и одной из самых исследованных, и дискуссионной. В политической экономии под богатством понимаются накопленные товары. А. Смит был одним из первых, кто попытался системно понять «богатство народов», его природу и причины в рыночном обществе, а К. Маркс, исследуя капиталистическую экономическую систему, первый том «Капитала» начинает словами: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»...» [2, 43]. В этой связи заслуживает внимания позиция нашего соотечественника И.Т. Посошкова, который еще в XVIII в. в «Книге о скудости и богатстве» указывал: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство –

богатство царственное» [3, 155]. Самая главная идея книги Пошокова – идея сбережения населения и обеспечения его благополучия, как основы национального богатства. Этот критерий – «сбережение и благополучие» народа – представляется верным и для XXI в., в частности для России.

Эта идея заложена и в первом докладе о развитии человека, подготовленном Специальной комиссией ООН в 1991 г., в котором говорится, что реальным богатством нации являются сами люди, поэтому целью развития должно стать создание условий для того, чтобы люди смогли насладиться долгой, здоровой и созидательной жизнью. Не случайно в последние годы важнейшим критерием развитости государства в оценках ООН считается продолжительность жизни проживающих в нем людей. Нельзя не сказать и о миграции населения, в международном плане, о переселении народов, что также отражает развитость региона (страны).

Итак, путешествие из Волгограда в Тамбов начинается с общей оценки, в динамике, социально-экономического положения в обоих регионах, в аспекте «сбережения и благополучия» народа (табл. 1, 2).

Приведенные данные Росстата показывают, что в Волгоградской области:

а) наблюдается устойчивое сокращение населения, как мужчин, так и женщин;

б) еще большими темпами сокращается население в трудоспособном возрасте;

в) число родившихся на 1000 человек населения имеет тенденцию к сокращению, а число умерших значительно превышает число родившихся, вследствие чего наблюдается естественная убыль населения;

г) наблюдается увеличение ожидаемой продолжительности жизни, что при низкой рождаемости ведет к старению населения.

В 2018 г. движение Волгоградской области по социальной лестнице вниз продолжилось.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели развития Волгоградской области

	2005 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
НАСЕЛЕНИЕ						
Численность населения (оценка на конец года), тыс. человек в том числе:	2640,4	2569,1	2557,4	2545,9	2535,2	2521,3
мужчины	1219,9	1188,7	1183,3	1178,2	1173,3	1167,6
женщины	1420,5	1380,4	1374,1	1367,7	1361,9	1353,7
Из общей численности – население в трудоспособном возрасте, тыс. человек	1628,0	1496,5	1469,6	1442,0	1419,2	1396,2
Число родившихся на 1000 человек населения	9,4	11,5	11,6	11,5	11,2	10,0
Число умерших на 1000 человек населения	15,7	13,5	13,7	13,8	13,7	13,1
Естественный прирост, убыль (-) на 1000 человек населения	-6,3	-2,0	-2,1	-2,3	-2,5	-3,1
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:						
все население	67,02	71,42	71,62	71,98	72,49	73,54
мужчины	60,74	66,11	66,11	66,68	67,26	68,59
женщины	73,81	76,57	77,04	77,13	77,53	78,18

Источник: [4, 308].

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели развития Тамбовской области

	2005 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
НАСЕЛЕНИЕ						
Численность населения (оценка на конец года), тыс. человек	1138,6	1068,9	1062,4	1050,3	1040,3	1033,6
в том числе:						
мужчины	521,3	493,9	492,6	484,0	479,2	476,9
женщины	617,3	575,0	569,8	566,3	561,1	556,7
Из общей численности – население в трудоспособном возрасте, тыс. человек	685,6	616,5	605,8	587,1	573,7	563,0
Число родившихся на 1000 человек населения	8,4	9,5	9,8	9,8	9,6	8,6
Число умерших на 1000 человек населения	19,3	16,1	16,3	16,1	15,9	15,1
Естественный прирост, убыль (-) на 1000 человек населения	-10,9	-6,6	-6,5	-6,3	-6,3	-6,5
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:						
все население	65,61	70,93	71,11	71,67	72,11	73,21
мужчины	58,61	64,87	65,30	65,90	66,42	67,72
женщины	73,78	77,15	77,03	77,51	77,78	78,54

Источник: [4, 126].

Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), по оценке, в январе – ноябре 2018 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года без

учета единовременных выплат в 2017 г. уменьшились на 2,2%, с учетом единовременных выплат в 2017 г. уменьшились на 2,9% [5, 26]. А за первые два месяца 2019 г. волгоградцы на еду, напитки и табак израсходовали 28,8 млрд руб., тогда как на непродовольственные товары 31,1 млрд руб. Это отражает нищету региона, поскольку в странах с развитой экономикой на еду расходуется не более 15-20% от доходов семьи [6, 7)]. Для сравнения, в США на еду расходуется немногим более 6%, в России – в среднем 32% от доходов.

Естественная убыль населения в 2018 г. ускорила: на 1000 человек населения родилось (в пересчете на год) 9,4 ребенка (в 2017 г. – 10,0), а умерло 13,3 (в 2017 г. – 13,2), соответственно естественная убыль населения увеличилась с (-3,1) до (-3,9). Выросло число умерших детей до года с 99 до 107. Все это прямо или косвенно подтверждает вывод о провале в социальной политике и, в частности, в здравоохранении, сколько бы ни говорили обратное [5, 32].

Проявлением социально-экономического неблагополучия региона является миграция населения. С января по ноябрь 2018 г. в регион прибыло 61907 человек, а выбыло 65900 человек – убыль составила 3993 человека. Характерно, что в другие регионы России убыло 61253 из 65900 человек, а это, как правило, наиболее креативная часть населения [5, 33].

Регион не может быть благополучным, если разрушена сама база этого благополучия. Например, в Волгограде ликвидирован легендарный тракторный завод с 30-тысячным коллективом, та же участь постигла объединение «Химпром» (10 тыс. работавших), разрушена база устойчивого растениеводства и животноводства – система орошения. В 1991 г. в области насчитывалось 427858 га орошаемых земель, в 2011 г. уже 233477 га, а в 2014 г. – только 33700 га. Вот она цена либеральных реформ! Теперь ставится сверхзадача – к 2030 г. довести количество орошаемых земель до 100000 га.

Данные Росстата показывают сходную ситуацию и в Тамбовской области, несмотря на то, что по структуре экономики она существенно отличается от Волгоградской области: Тамбовская область себя позиционирует как аграрно-промышленная, а Волгоградская – как промышленно-аграрная. В Тамбовской области:

а) также наблюдается сокращение населения, как мужчин, так и женщин;

б) ускоренными темпами уменьшается трудоспособное население;

в) число родившихся на 1000 человек населения имеет также тенденцию к сокращению, но рождается еще меньше, чем в Волгоградской области, а умирает существенно больше, вследствие чего естественная убыль населения составляет (-6,5) по сравнению с Волгоградской областью, где «всего лишь» (-3,1);

г) наблюдается увеличение ожидаемой продолжительности жизни, что при очень низкой рождаемости ведет к ускоренному старению населения.

В январе–ноябре 2018 г., по материалам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области:

денежные доходы населения снизились по сравнению с январем–ноябрем 2017 г. на 0,4% без учета единовременной денежной выплаты в 2017 г., при росте цен на потребительские товары и платные услуги на 2,8%. С учетом единовременной денежной выплаты пенсионерам в 2017 г. денежные доходы снизились на 1,0%. В расчете на одного жителя в январе–ноябре 2018 г. в среднем за месяц они составили 24838,18 руб. Реальные денежные доходы за этот период 2018 г. (доходы, скорректированные на индекс потребительских цен) снизились в сравнении с январем–ноябрем 2017 г. без учета единовременной денежной выплаты в 2017 г. на 3,1%, с учетом единовременной денежной выплаты пенсионерам в 2017 г. – на 3,7%.

Результат такого социального положения – в 2018 г. в область прибыло 36541 человек, выбыло 46458 человек, миграционная убыль населения области составила 9917 человек (в 2017 г. был миграционный прирост, который составил 19 человек).

Для сравнения, по данным Росстата, средняя номинальная начисленная заработная плата в 2017 г. составила в Волгоградской области 27884 руб., в Тамбовской области – 24196 руб. (от 25 до 30 тыс. руб. в более половины субъектов РФ), в Московской области – 46697 руб., в г. Москве – 73345 руб., в Санкт-Петербурге – 54353 руб., в Тюменской области – 63796 руб., в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра – 66376 руб., в Ямало-Ненецком автономном округе – 89834 руб. [7, 40–48].

Поэтому «бегство населения» из Волгоградской и Тамбовской областей, с традиционных мест проживания, вполне объяснимо. Экономический застой, отсутствие необходимых инвестиций, низкое социальное обеспечение, низкие доходы работающих, отсутствие перспективы, заставляют десятки тысяч коренного населения этих регионов в поисках лучшей доли уезжать временно, а чаще всего навсегда, в более развитые регионы – в Москву, Санкт-Петербург, на Север, за рубеж. Все это негативно сказывается на перспективах развития данных регионов. Тем более что покидает регионы наиболее пассионарная часть населения. Причем подтверждением недееспособности сформированной либеральной экономической модели является тот факт, что схожая ситуация с бегством и вымиранием населения, с несущественными отличиями, просматривается во всех районах по пути следования из Волгограда в Тамбов: в Волгоградской области это Городищенский, Иловлинский, Фроловский, Михайловский, Новоанненский, Урюпинский и Новониколаевский районы, в Тамбовской области – Мучкапский, Уваровский, Ржаксинский, Сампурский, Знаменский и Тамбовский районы.

Что же за горизонтом? Разрушение прежней системы управления экономикой («рынок все отрегулирует») привело к нарастанию базовых диспропорций и противоречий между промышленностью и сельским хозяйством, реальным сектором экономики и денежно-кредитным обеспечением, городом и селом, между различными регионами, между центром и регионами, между властью и населением, между различными группами населения. Попытки правительства «планировать» и «прогнозировать» показывают всю иллюзорность затеи, когда потеряны научные основы этого процесса. Так, Минэкономразвития России представило прогнозные значения среднемесячного дохода от трудовой деятельности на 2018–2021 гг. в разрезе субъектов Российской Федерации (письмо от 8 октября 2018 г. №Д14и-1996 Департамента регионального развития Минэкономразвития России и дополнение к нему от 07.12.2018 г. №Д14и-2560 «Об уточненных прогнозных значениях среднемесячного дохода от трудовой деятельности»), из которых следует, что среднемесячная начисленная заработная плата наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц составит в Волгоградской области:

в 2018 г. – 26054,0 руб., в 2019 г. – 27591,0 руб., в 2020 г. – 29053,0 руб., в 2021 г. – 30910,0 руб.; в Тамбовской области в 2018 г. – 24000,0 руб., в 2019 г. – 25000,0 руб., в 2020 г. – 26200 руб., в 2021 г. – 27900 руб. Аналогичным образом составлен «прогноз» и по всем остальным субъектам РФ.

Беря за основу такое «прогнозирование», в регионах осуществляют точно такие же манипуляции. Так, в Волгоградской области составлен «Прогноз социально-экономического развития Волгоградской области на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». В нем представлены все сферы жизнедеятельности Волгоградской области, естественно, с ежегодным увеличивающимся приростом ВСЕХ (!) показателей экономического и социального развития.

Например, ВВП региона вырастет:

а) при консервативном варианте развития в 2019 г. к 2018 г. на 0,4%, в 2020 г. к 2019 г. на 1,8%, в 2021 г. к 2020 г. на 2%;

б) при базовом варианте развития в 2019 г. к 2018 г. на 1,2%, в 2020 г. к 2019 г. на 2,0%, в 2021 г. к 2020 г. на 2,7%;

в) при целевом варианте развития в 2019 г. к 2018 г. на 1,8%, в 2020 г. к 2019 г. на 2,3%, в 2021 г. к 2020 г. на 3,6%.

Такое «прогнозирование» не имеет ничего общего с прогнозированием научным. Оно не отвечает на вызовы времени, на новые риски, не меняет структуру экономики, а главное – не работает на человека. Иначе, если все показатели отражают позитивный рост, то тогда почему закладывается сокращение населения в регионе? Причем излагается это эзоповским языком: «Оценка показателя «Коэффициент естественного прироста населения» на 2018 г., а также прогнозные значения данного показателя на 2019–2021 гг. сформированы исходя из оценочных и прогнозных значений показателей «Общий коэффициент рождаемости» и «Общий коэффициент смертности» на соответствующие периоды», т.е. «на основе экстраполяции существующих негативных демографических тенденций».

Не проще и честнее было бы сказать, что тенденция вымирания российских регионов в ближайшие годы сохранится. Разумеется, с таким прогнозом население российских регионов согласиться не может, а потому острейшая проблема попросту забалтывается.

Итак, в заключение еще раз подчеркнем: выбранная или навя-

занная либеральная экономическая модель, упорно реализуемая правительством, – это модель разрушения российских регионов. А значит, и самой России. При продолжении такой социально-экономической и демографической политики за горизонтом окажется пустота. Выход – в мобилизации.

Литература

1. *Гречухина Ю.* «И с высоты птичьего полета, и человеческого роста»: в Волгограде обсудили проблемы больших городов // Волгоградская правда. 2019. 29 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://vpravda.ru/archive/2019-3-29/> (дата обращения 03.08.2018)
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23.
3. *Осинов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017.
4. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Наука, 2003.
5. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.
6. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018.
7. Социально-экономическое положение Волгоградской области в 2018 году: доклад / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2019.

5.2. Развитие региона в цифрах статистики

В.А. Рукин

Одним из основных и традиционных методов региональной экономики является анализ социально-экономического развития региона. Он основывается на использовании системы статистических показателей, характеризующих основные явления и процессы, существующие в региональной социально-экономической системе [4, 83]. Рассмотрим социально-экономическую ситуацию в Тамбовской области за 2018 г. (предварительные данные).

В 2018 г. индекс физического объема промышленного производства по полному кругу производителей относительно 2017 г. составил 114,4%, в том числе в обрабатывающих производствах наблюдался прирост продукции на 16,1%; в водоснабжении, водоотведении, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – на 1,8%, добыче полезных ископаемых – на 9,8%, при этом в обеспечении электрической энергией, газом и паром, в кондиционировании воздуха отмечается снижение на 5,4%. В среднем по России индекс физического объема за 2018 г. относительно 2017 г. составил 102,9%, по ЦФО – 108,5%. Тамбовская область занимает первое место по индексу физического объема среди областей ЦФО.

Динамику промышленного производства области в значительной степени определяет деятельность обрабатывающих производств. Прирост продукции по отношению к 2017 г. здесь составил 16,1%. Рост физического объема производства продукции в 2018 г. по сравнению с 2017 г. наблюдается в 12 из 22 видов обрабатывающих производств, наибольший – в производстве транспортных средств и оборудования – на 42,7%, в металлургическом производстве – на 38,2, в производстве автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов – на 35,3, в производстве пищевых продуктов – на 22,6, в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий – на 19,2%.

Снижение индекса физического объема к уровню 2017 г. допущено в девяти видах обрабатывающих производств, при этом самое значительное – в производстве готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования – на 26,4%, в производстве

резиновых и пластмассовых изделий – на 13,3, в производстве прочей неметаллической минеральной продукции – на 13,1%.

Производство табачных изделий в 2018 г. не осуществлялось.

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. увеличилось производство свинины, мяса крупного рогатого скота (говядины и телятины), мяса птицы, колбасных изделий, муки пшеничной и пшенично-ржаной, кондитерских изделий, сливочного масла, комбикормов, готовых тканей из синтетических и искусственных волокон и нитей (включая штапельные), нетканых материалов, кроме ватинов; обуви из полимерных материалов; синтетических органических красителей; цветных (пигментных) лаков и препаратов на их основе, специализированных электрических машин и аппаратуры.

В то же время отмечено снижение к уровню 2017 г. выпуска молока, кроме сырого, сахара белого свекловичного или тростникового, сыров, сырных продуктов, растительных масел, крупы, пива, тканей шерстяных готовых, одеял и дорожных пледов, одежды верхней трикотажной или вязаной, чулочно-носочных изделий, обуви с верхом из текстильных материалов, кроме спортивной, а также бетонных блоков и прочих сборных строительных изделий из бетона, полупроводниковых приборов, двигателей гидравлических и пневматических вращательного действия, тракторов для сельского хозяйства.

Индекс производства по виду деятельности «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» в 2018 г. по сравнению с 2017 г. составил 94,6% [1, 24–82].

В истекшем году в области сданы в эксплуатацию: мощности по производству масла растительного методом экстракции на 150 т переработки в сутки, предприятия мельничные сортового помола на 650 т переработки в сутки, помещения для крупного рогатого скота на 1,0 тыс. мест, помещения для кроликов на 0,9 тыс. мест, комплекс по хранению и сушке зерна, зерно-семеновохранилища на 42,0 тыс. т единовременного хранения, хранилища для картофеля, овощей и фруктов на 4,1 тыс. т единовременного хранения, силос для хранения сахара на 60,0 тыс. т единовременного хранения, пять буровых скважин, подпорная плотина и другие объекты.

Обеспечен ввод в действие: автомобильных дорог на 39,8 км, двух мостов на 61,1 пог. м, трех станций технического обслуживания автомобилей, 6 автомоек на 21 моечный пост, линий электропередачи на 15,8 км, газовых сетей к производственным объектам на 46,2 км, нефтепроводов магистральных на 1,5 км.

Увеличены мощности торговых предприятий на 21,2 тыс. м² торговой площади, предприятий общественного питания на 206 посадочных мест.

По сравнению с 2017 г. увеличился ввод в действие линий электропередачи, торговых предприятий, помещений для крупного рогатого скота, зерно- и семеновохранилищ.

В то же время сократился ввод автомобильных дорог, газовых сетей, предприятий общественного питания, хранилищ для картофеля, овощей и фруктов, буровых скважин.

В истекшем году в области построено за счет всех источников финансирования 7,7 тыс. квартир общей площадью 859,1 тыс. м². По сравнению с 2017 г. ввод жилья увеличился на 2,4%.

Среди областей ЦФО Тамбовская область занимает 6-е место по вводу в действие общей площади жилых помещений.

Из объектов социально-культурной сферы в 2018 г. в области осуществлен ввод в эксплуатацию: дошкольной образовательной организации на 250 мест, гемодиализного центра на 25 аппаратов искусственной почки, профилактория на 4,3 тыс. м², комплекса Центра единоборств на 15,4 тыс. м², общественно-торгового центра в г. Тамбове на 2,6 тыс. м², гостиницы на 20 мест в г. Кирсанове; амбулаторно-поликлинической организации на 15 посещений в смену в Петровском районе; учреждения культуры клубного типа на 255 мест в Уваровском районе; трех плоскостных спортивных сооружений на 9,4 тыс. м² в г. Мичуринске, Староюрьевском и Ржаксинском районах; двух торгово-развлекательных центров на 9,2 тыс. м² общей площади в г. Тамбове и Староюрьевском районе; трех памятников воинам, погибшим и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Мордовском и Никифоровском районах.

Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», составил по полному кругу предприятий области, включая неформальный сектор и работы, выполненные хозяй-

ственным способом, 29188,3 млн руб., что на 18,8% меньше 2017 г. (в сопоставимых ценах) [1, 84–97].

Валовой выпуск продукции сельского хозяйства в 2018 г. составил 129,8 млрд руб. (в действующих ценах). По сравнению с 2017 г. валовая продукция сельского хозяйства в целом увеличилась на 0,3% (в сопоставимых ценах), при этом продукция растениеводства сократилась на 3,7%, а продукция животноводства увеличилась на 4,9%.

В 2018 г. во всех категориях хозяйств (по расчетным данным) произведено: мяса 555,3 тыс. т., молока – 195,8 тыс. т, яиц – 140,9 млн штук. По сравнению с 2017 г. производство скота и птицы на убой (в живом весе) в хозяйствах всех категорий увеличилось на 10,6%, молока – на 0,5%, а производство яиц сократилось на 7,0%.

По производству мяса (реализовано на убой скота и птицы в живом весе) Тамбовская область занимает среди областей ЦФО второе место, уступая только Белгородской области, по производству молока и куриных яиц – 12 и 13-е места.

В результате, по расчетным данным, на 1 января 2019 г. поголовье скота в Тамбовской области по сравнению с прошлым годом уменьшилось. Численность крупного рогатого скота в хозяйствах всех сельхозпроизводителей составила 94,9 тыс. голов (на 5,3% меньше, чем на 1 января 2018 г.), в том числе коров – 38,6 тыс. голов (на 1,5% меньше), свиней – 947,8 тыс. голов (на 3,9% меньше), овец и коз – 73,9 тыс. голов (на 7,3% меньше) [1, 98–111].

Объем перевозок грузов автотранспортом предприятий и организаций всех видов экономической деятельности (без субъектов малого предпринимательства) в 2018 г. составил 26,1 млн т и сократился по сравнению с 2017 г. на 10,3%.

Коммерческий и некоммерческий грузооборот предприятий сократился на 1,2% против уровня 2017 г. и составил 2298,8 млн т-км [1, 117].

В 2018 г. оборот розничной торговли составил 200,5 млрд руб., что в сопоставимых ценах на 0,2% больше 2017 г.

Населению области продано пищевых продуктов, включая напитки и табачные изделия, на 99,0 млрд руб., непродовольственных товаров – на 101,5 млрд руб., что в товарной массе составляет соответственно 99,0 и 101,3% к уровню 2017 г.

Оборот общественного питания за 2018 г. составил 5804,6 млн руб., что в сопоставимых ценах на 5,6% больше, чем в 2017 г. По индексу физического объема оборота общественного питания Тамбовская область занимает 5-е место среди областей ЦФО.

В 2018 г. оборот оптовой торговли в целом по области составил 274,3 млрд руб., что в сопоставимых ценах на 13,2% больше, чем в 2017 г. В основном оборот оптовой торговли (78,7%) формировали организации-оптовики, которые увеличили свои объемы по сравнению с 2017 г. на 1,8% (в сопоставимых ценах).

В 2018 г. объем платных услуг, оказанных населению области, составил 49563,1 млн руб. По сравнению с 2017 г. объем оказанных услуг снизился на 0,7% [1, 125–137].

В 2018 г. отмечается повышение индекса потребительских цен по области – 105,0% по сравнению с 102,0% в 2017 г., в том числе на продовольственные товары – 106,4% вместо 100,5%, непродовольственные товары – 104,1% по отношению к 102,8%, платные услуги населению – 104,4% вместо 103,0%.

В 2018 г. организациями области (без учета организаций с численностью работников до 15 человек, субъектов малого предпринимательства, государственных, муниципальных учреждений, банков, страховых и прочих финансово-кредитных учреждений) получен положительный сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в размере 36374,5 млн руб., что в 2,9 раза больше сальдированного финансового результата, полученного организациями в 2017 г.

При этом состояние финансовых расчетов хозяйствующих субъектов на конец декабря 2018 г. относительно конца ноября 2018 г. характеризовалось увеличением объема просроченной суммарной задолженности по обязательствам на 84,9%, просроченной кредиторской задолженности – на 96,6%, просроченной дебиторской задолженности – на 14,2% [2, 160–186].

Номинальные денежные доходы населения (в среднем на душу населения в месяц) в 2018 г. относительно 2017 г. увеличились на 1,1% (с учетом единовременной денежной выплаты пенсионерам в январе 2017 г. в размере 5 тыс. руб., назначенной в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. №385-ФЗ (с учетом ЕВ-2017)) и на 1,6% (без учета единовременной денежной выплаты пенсионерам в январе 2017 г. в размере

5 тыс. руб., назначенной в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. №385-ФЗ (без учета ЕВ-2017)).

Тем не менее реальные денежные доходы на душу населения (доходы, скорректированные на индекс потребительских цен) в 2018 г. по сравнению с 2017 г. снизились на 1,8% (с учетом ЕВ-2017) и на 1,3% (без учета ЕВ-2017) [2, 195].

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в расчете на одного работника, занятого на предприятиях и в организациях области, в 2018 г. составила, по оценке, 26450,8 руб., при этом в декабре – 33252,4 руб.

По сравнению с 2017 г. номинальная заработная плата увеличилась на 9,1%, но ее реальный уровень с учетом роста потребительских цен увеличился только на 5,9 % [2, 201–202].

Необходимо отметить, что суммарная просроченная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности (без субъектов малого предпринимательства) по состоянию на 1 января 2019 г. выросла до 9308 тыс. руб. против 5840 тыс. руб. на соответствующую дату прошлого года. Не получили своевременно заработную плату 210 работников, размер невыплаченной в срок заработной платы в расчете на одного работника составил 44,3 тыс. руб. [2, 207]

На предприятиях и в организациях области в 2018 г., по оценке, трудилось 260,7 тыс. человек, что на 1,3% меньше, чем в 2017 г.

В конце 2018 г. в органах государственной службы занятости состояло на учете 3,7 тыс. человек незанятых граждан, из них 3,5 тыс. человек имели официальный статус безработного. По сравнению с концом 2017 г. количество официально зарегистрированных безработных снизилось на 12,6%. Уровень официально зарегистрированной безработицы составил 0,7%, против 0,8% в конце 2017 г. [2, 219–231].

В целом следует отметить наличие как положительных, так и отрицательных тенденций развития Тамбовской области.

Значительный потенциал развития и реализация различных мер позволили в последние годы достигнуть социально-экономической стабильности и заложить основу для дальнейшего развития региона в целях обеспечения высокого уровня и качества жизни населения, а также высоких темпов экономического роста путем превращения области в конкурентоспо-

собный, инновационно-активный динамично развивающийся регион [3, 205].

Завершить характеристику самых различных аспектов регионального развития можно словами: Россия будет сильна и крепка, если сильными, экономически развитыми, политически стабильными будут ее регионы, а будет сильна Россия, и в регионах будет нормальная жизнь [4, 147].

Литература

1. Социально-экономическое положение Тамбовской области за январь-декабрь 2018 года. Доклад. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. Тамбов, 2019. С. 9-137. [Электронный ресурс]. URL: http://tmb.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmb/resources/d6efd2004f6529cca7bbef62f1bb3970/Egegod_2018.pdf (дата обращения 14.08.2018)

2. Социально-экономическое положение Тамбовской области за январь 2019 года. Доклад. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. Тамбов, 2019. С. 9–231. [Электронный ресурс]. URL: http://tmb.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmb/resources/e64b34804952deaf9c53de3fbd401489/%D1%86%D1%84%D0%BE01_19.pdf (дата обращения 21.09.2018)

3. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2020 года, утвержденная Законом Тамбовской области от 04.12.2013 № 347-З. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467400857> (дата обращения 03.08.2018)

4. *Черемисина Н.В.* К вопросу о формировании российской региональной и муниципальной статистики // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Вольного экономического общества России. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 83-147.

Горизонт шестой.

Россия: историческая память

6.1. Историческая память: проблемы и перспективы исследования

Г.Р. Наумова, И.П. Смирнов

Категория «историческая память» в более широком контексте, чем сугубо этнографический, существенной частью историков воспринимается сегодня как спорная и, вероятно, контрпродуктивная. Большим трендом в общественно-гуманитарном пространстве признается нивелирование традиции, постепенное изживание и упразднение национального – как культурам, так и отдельным государствам предсказывается глобальное слияние в цифровом будущем. Историческая память народов как один из важнейших элементов национальной культуры служит здесь скорее сдерживающим фактором.

Гуманитарии уже привыкли к тому, что о смысле гуманитарных ценностей, о значении гуманитарного пространства для суверенного бытия России, ее образовательной системы, ее самопознания сегодня говорит кто угодно, но только не они. Управление развитием гуманитарных наук осуществляется обеспрямеченными в плане их собственного образовательного профиля, якобы универсальными менеджерами. Ведь для эффективного менеджмента необходимо владеть набором управленческих методов, а не предметом, к которому они в той или другой ситуации применяются. В идеологии управления место «народного образования» заняла «сфера образовательных услуг», что неизбежно сказывается и на положении, а в конечном счете, состоянии науки. Задача отечественной системы образования и критерий, по которому административно оценивается успешность работы отдельных университетов и институтов, даже факультетов, логичны и четко заявлены – встроиться в мировой рынок

образовательных услуг, степень этой встроенности. Наиболее ярким обличителем идеи встраивания в публичном пространстве стал С.Е. Кургинян, который ввел в связи с этим термин «вхожденцы», рассуждая в первую очередь о «вхожденческих» (в сообщество цивилизованных народов) настроениях новой национальной элиты.

Симптоматично, что встроенность в мировой рынок образовательных услуг вовсе не предполагает в качестве приоритета выход на этот рынок с целью их оказания. Число иностранных студентов в отечественных университетах по сравнению с советским временем катастрофически сократилось. Основная провозглашенная задача состоит в приведении учебных программ в точное соответствие с западными, чтобы студенты и выпускники имели возможность безболезненно с любой точки продолжать свое обучение за рубежом. Преподавание русского языка в мире тоже неуклонно падает, и касается это не только дальнего зарубежья, но и бывших советских республик. Существует объективное объяснение такого падения, например, в Германии – там преподавание русского как иностранного фактически уничтожено наплывом русскоговорящих мигрантов. Но в пределах СНГ, по нашему мнению, имеет место явный политический просчет – выжидание и бездействие. Печален пример Украины, где на всех уровнях образования и общественного сознания в течение десятилетий деформируется историческая память народа и внедряется самая настоящая «контрфактическая история»; результаты эксперимента налицо.

Поэтому не удивительно, а скорее закономерно, что в современный общественный обиход вошли рассуждения о «гуманитарном провале» российского образования. Новые компьютерно грамотные поколения наших студентов не могут не обращать внимание гуманитарного сообщества на наличие вопиющих проблем. И вот уже экономический факультет МГУ разрабатывает комплекс внутренних мер по смягчению «гуманитарного провала»: например, предлагаются тесты среди студентов на знание русской классики в литературе и искусстве. Причины провала, думается, очевидны. Достаточно даже бегло ознакомиться с состоянием школьных и вузовских учебников, учебных планов, которые приведены в соответствие с болонским и иными переходными процессами.

Для историков, в силу специфики их предмета, логичность и прогрессивность происходящих процессов далеко не бесспорны. Исторический материал, предлагаемый историей России, несводим к схемам западных историков – носителей другого мировоззрения, других мыслительных установок, – и не может быть вполне объяснен выработанными в других культурных традициях парадигмами. Более результативными оказываются те работы, категориальный аппарат которых имеет опору в традиции русской мысли, адекватен ей. То же можно сказать о настоячивых, но неудачных попытках применить модели, на практике элементарно действующие в западных обществах, к российским социально-экономическим и социокультурным реалиям. Пушкинские слова по поводу выхода второго тома «Истории русского народа» Н.А. Полевого («Поймите, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы») разошлись на множество цитат. Хотя, впрочем, для западного читателя Пушкин, как известно, – один из посредственных поэтов, ничего выдающегося.

Обращение к исторической памяти русского народа становится совсем не простой задачей также и в свете закрепившейся в науке системы рейтинговой оценки деятельности ученого, получившей название «наукометрия». Эта новая отрасль быстро развивается, получая всевозможные преференции, включая финансирование зарубежных обучающих программ, семинаров и проч. При этом игнорируется следующее соображение: для публикации в англоязычных журналах, высокорейтинговых и ангажированных, приравненной, а то и оцениваемой выше, чем оригинальная монография, далеко не всегда подойдут самостоятельные идеи, идущие вразрез с глобальными интеллектуальными тенденциями или даже противостоящие их диктату. И вот уже недостаточно политкорректные слова «русская мысль» некоторые авторы уверенно заключают в кавычки или снабжают комментарием «так называемая». Нет истории национальной мысли, а есть интеллектуальная история, трактуемая практически как отрасль истории повседневности.

Ситуация провозглашенного методологического плюрализма, на деле только кажущегося, оборачивается беспомощным методологическим эклектизмом или обыкновенной имитацией. Русскую историческую мысль всегда отличала постановка

глубоких и крупных научных проблем, социально и духовно значимых сюжетов, имеющих объяснительный потенциал. Эта черта была унаследована и советской эпохой: «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» (Б.Д. Греков), «Русское летописание» (М.Н. Тихомиров), «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.» (Л.В. Черепнин). Постмодернистский тезис – «понимание» вместо «объяснения» – пришел с этой традицией в прямое противоречие. В ходе его административного решения в нашей высшей школе давно уже произошло вытеснение философии, замена ее на историю философии и затем на историю науки. Мировоззренческое знание в качестве предмета преподавания отрицается как таковое. Схожие явления происходят и в исторической науке, переносающей исследовательский акцент в сторону микроистории. Чуждый дискурс механически переносится на почву отечественного исторического познания, достаточно изучить темы диссертаций, статей и книг, в названиях которых превалирует модный стиль, представляющий собой кальку с западных образцов: «История синего (красного, белого и т. д.) цвета», «История супружеских измен», «Санкт-Петербург: запахи и звуки», всевозможные ольфакторные, психогенетические и иные исследования. Подчеркнем, что любые темы с исторической точки зрения могут быть интересны, но отметим и тенденцию.

Упадок отечественной гуманитарной мысли имеет свою историю. Историко-филологическая мысль превратилась в сугубо социологическую, филология стала литературоведением. Каждый гуманитарий, знающий судьбу своей отрасли знания, может отследить тот рубеж, когда мы «гуманитарно» рухнули, отказались размышлять о своем духовном теле. История отечественной исторической науки в XX в. уже прописана [9].

Многие выдающиеся историки волею судеб оказались на водоразделе отечественной исторической науки. Образование и воспитание они получили во времена, когда историческая наука как гуманитарная находилась в поиске новой предметности, это было начало XX в. Тогда шло становление фундаментальных методологических основ российских гуманитарных наук на основе соединения познания с идеальным и чувственным началом в деятельности «наукотворца», когда труд историка воспринимался как живая связь между субъектом и объектом, а позна-

ние оценивалось как волевая деятельность, требующая энергии, напряжения, труда, когда историческим фактом считалось то, что стало явлением народной жизни. Было ясно, что бессознательное, то, что дается человеку, можно сказать, даром (правда, человеку интеллектуально и художественно одаренному), – это предпосылка научного знания. Само же научное знание может быть только результатом трудового процесса, результатом сложных форм труда.

Так были намечены направления научных исследований, сложились научные школы. Тогда в науку пришло много одаренных исследователей. Центром коммуникации гуманитариев, и не только их, был в те годы журнал «Вопросы философии и психологии». В пространстве гуманитарного знания царил методологическое многообразие, производное от мировоззренческого плюрализма. Здесь можно было встретить государственников, духовных подвижников, либералов, радикалов, марксистов всех оттенков и пр. Предстояла серьезная гуманитарная трансформация. Однако произошло то, что произошло: после событий 1917 г. историческая наука попала под груз идеологии, ограничившей возможности продвижения нашей науки по уже намеченному творческому пути. Многообразные функции исторической науки, среди которых были, разумеется, и такие, как научно-познавательная деятельность, прогностическая функция, воспитательная и просветительская, хранение и трансляция исторической и социальной памяти и др., начали угасать. Все подчинила себе идеология [12].

Образовалась острая потребность в новой исторической науке, в новых кадрах. Возникла привилегированная историческая наука, со своей инфраструктурой, своей социальной средой, своей специфической «валютой», своими представлениями о методологии и теории истории. В виде устойчивых сетевых структур, сплоченных наследственностью положения, эта наука и до сих пор доминирует в социальном пространстве, призванном производить гуманитарные смыслы.

Прислушаемся к оценкам и преимущественно самооценкам И.И. Минца: «Величайшие вершины высятся среди гор... Историческая заслуга В.И. Ленина состоит в том, что он сумел воспитать и выдвинуть на арену борьбы за счастье трудящихся сотни талантливых, стойких, всесторонне подготовленных

коммунистов, тесно сплотившихся вокруг вождя, как Гималаи окружают Джомолунгму. Ни одна политическая партия не имела таких блестящих деятелей, как партия Ленина. Накануне Великого Октября в рядах большевиков было немало видных ученых, инженеров, ярких публицистов. В огне классовых битв и вооруженных восстаний ковались будущие стратеги и полководцы. К среде этих выдающихся строителей нового общества принадлежит и бесстрашный революционер, страстный пропагандист, крупный ученый Емельян Михайлович Ярославский» [7, 55].

Как ни странно, но именно эта окруженная забором привилегированность и защищенность и создала возможность выживания *иной* исторической науки. Здесь не было льгот и преференций. Здесь имели хождение иные ценности. И сюда приходили те немногие, кто ни при каких обстоятельствах не мог попасть в сетевую структуру. Они и выполнили задачу удержания исторической науки в сфере поиска именно научного гуманитарного знания. Им было непросто, но они сохранили если не саму гуманитарную российскую науку, то во всяком случае ее генетический код. Эти принципы предполагают живую связь с объектом исследования, эмоциональную художественную сосредоточенность на нем, овладение методом «народно-психологического чутья» (В.О. Ключевский) и научную неуступчивость во всем том, что касается истории России.

Историческая наука в России была, повторим, наукой в первую очередь историко-филологической, а в советское время стала чистой социологией. Филологию потеряли по дороге. Борцы за культурную ренту обернули ее в упаковку формального литературоведения. Литература как духовная практика угасает. Абсолютный гений, С.А. Есенин, первым понял грядущий разрыв, поставив тему «Ключи Марии» (ключи русского духа, ключи народной души). А о Юго-Западном влиянии на русский язык советской эпохи не поразмышляли только «русско не говорящие». Борьба за культурную ренту внутри литературоведческого сообщества отличается особенным цинизмом. К.И. Чуковский записал в дневнике после ухода из жизни издателя и комментатора А.М. Еголина: «Умер Еголин – законченный негодяй, подхалим и – при том бездарный дурак. Находясь на руководящей работе в ЦК, он, пользуясь своим служебным положением, пролез в редакторы Чехова, Ушинского, Некрасова – и эта сине-

кура давала ему огромные деньги, – редактируя (номинально!) Чехова, он заработал на его сочинениях больше, чем заработал на них Чехов» [16, 288]. Похоже, что Чуковский по собственному опыту знал описанный им механизм приватизации культурной ренты.

Положение в писательской среде было не проще, чем в среде историков и литературоведов. Сквозь взаимные обвинения проглядывают мировоззренческие айсберги. На общемосковском собрании писателей 31 октября 1958 г. С.С. Смирнов (участник Великой Отечественной войны, ушедший на фронт добровольцем, а после войны ставший писателем, творчество и общественная жизнь которого были всецело подчинены памяти о войне) сказал: «Я был оскорблен не только как советский человек, я был оскорблен и как русский человек, потому что ни одного светлого образа из среды русского народа не преподнес Пастернак в своем романе. Все эти образы страшные, жестокие, и у читателя остается чувство оскорбления национального достоинства» [13, 39].

На финишном этапе советской эпохи наука – не обязательно и не только, кстати, гуманитарного профиля – задается вопросом, какая общественная структура государства в эволюционном развитии человечества является передовой. И отвечает: «Есть полное основание считать, что эта оценка должна быть поставлена в зависимость от качества духовной культуры страны и степени гармоничности развития личности. Поскольку процесс эволюции человечества происходит во времени путем соревнования между различными социальными системами, в конечном итоге будут выживать те государства, в которых духовная культура соответствует требованиям эволюционного развития человечества, а человек в наибольшей степени может стать всесторонне развитым существом. В результате в ходе социальной эволюции произойдет своего рода отбор не только между общественными системами, но и внутри них – в пользу наиболее всесторонне развитых творческих личностей, соответствующих запросам прогрессивного развития общества. Будущее покажет, как выявятся эти закономерности и насколько человечество сможет управлять этими процессами» [4, 483].

«Я, признаться, не люблю Тютчева», – эти слова произнес недавно с экрана телевизора государственный служащий,

отвечающий за подготовку кадров государственных чиновников. А некоторое время назад старый большевик, некогда высокопоставленный, изрек: «Куда завернет это “возрождение” России? Позавчера один старичок говорил по телевизору: “У нас сейчас начинается возрождение русской культуры”. Что за чушь такая! Мелет! И разрешают ему по телевизору болтать! “Возрождение русской культуры”... Вы понимаете, что это значит? После всего того, что мы сделали за 70 лет для русской культуры!».

И все же основания для оптимизма есть. Обратимся для начала к академику Б.В. Раушенбаху. В одном из интервью он размышляет: «На протяжении всей моей жизни, которая началась в первые годы этого века, со мной происходили странные вещи – как только грянет крупная неприятность, выясняется потом, что это единственный путь к спасению. Надо об этом всегда помнить, и поэтому я к неприятным событиям отношусь вполне философски, думая, что вот скоро, сейчас откроется какая-то приятная перспектива, жизнь обязательно подарит мне прекрасное событие.

Двадцатый век, мой век, мне ничем не досадил. Мне вообще трудно досадить, я всегда всем доволен. Даже когда сидел в лагере. Искренне, не притворялся, что вот я такой стоик, а на самом деле страдаю. Я всегда принимал и принимаю жизнь как праздник. Не стремлюсь что-то в ней сломать или кардинально переделать – принимаю ее такой, какая она у меня получается. И всегда она получается хорошо. У меня такое ощущение.

Нет плохого времени и нет хорошего времени, есть время. В котором мы живем, и в этом времени, отведенном нам, надо жить “на полную катушку”. Только это заключается не в набивании карманов и желудка, жизнь заключается в том, чтобы жить достойно» [10, 17].

Но видит академик и другую сторону бытия и предупреждает, что долгое соперничество человека и техники может оборваться неожиданно: «...мощь человека растет с каждым годом, в особенности в последнее столетие. Если раньше человек мог “насолить” только своей семье, потом племени или деревне, потом городу, наконец, стране, то сейчас отдельный человек может в принципе уничтожить весь мир. Я не говорю, что такой человек есть. Важно, чтобы он не появился. Ведь с каменного века в человеческом мозгу ничего не изменилось, и теперь получается

страшный раздрай: человеку с интеллектом каменного века дают в руки невероятную энергию. Наверняка один из них что-нибудь учинит, просто в силу своей дурасти» [10, 17].

Б.В. Раушенбах воспринимает человечество не как социолог, а как ученый, разгадывавший тайну ангельской Троицы Рублева. Для него человечество – это множество людей. А у множества людей есть выбор – и вверх, и вниз: «Они все глубже и глубже изучают природу разрушения, ставят все больше физических опытов, и я сейчас скажу глупость с точки зрения современной физики, но скажу ее, чтобы было понятно: представьте себе, что физики в процессе экспериментов сделали шаг, после которого стала гореть вся материя. Они этого не хотели, но процесс ведь уже не остановим! И сгорела Земля, сгорели люди – все сгорело! У меня возникла даже такая мрачная гипотеза, что вот наблюдаем мы сейчас, как во всей Вселенной вспыхивают новые звезды – так это как раз те цивилизации, которые дошли до такого уровня, что появился некий «умник» и нажал на кнопку. Тык, бум – и все! Кончилась планета. А в какой-то Галактике сказали: вон вспыхнула новая звезда...» [10, 17].

Вот так, движение – вверх и вниз. Приходим к давно сформулированному выводу, что надеяться надо на Бога, духовные силы национальной России и на себя. Удивительная выставка состоялась недавно в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Название выставки: «Церковь Небесная. Изображение Собора святых в русской иконописи XVI – начала XX в.». Перед зрителем предстали иконы с изображениями больших групп ангелов и святых. Такие изображения есть во многих храмах, это наши чудотворцы. На иконах, вышедших из старообрядческой среды, изображались по преимуществу русские чудотворцы: блаженный Исидор Ростовский и преподобный Петр, царевич Ордынский, юродивый Никола Кочанов, преподобный Савва Вишерский и праведный Никола Боровичский, мученик Меркурий Смоленский, преподобный Кирилл Новгородский... Можно было увидеть на выставке и редкую разновидность «соборов», то есть икон, объединяющих святых по определенному смысловому принципу. Почитателей все чаще привлекают такие разновидности соборов, как лечебники. Народ надеется на соборы. В то же время редкий ученый-гуманитарий сможет такую икону прочесть, разве что

узнает Бориса и Глеба, размещенных в «прикорневом файле» таких икон. Пока не научимся читать иконы с изображениями собора святых, трудно вернуться к гуманитарному пониманию нашей жизни и сформулировать значение нашего культурно-исторического типа.

Уместно вспомнить слова выдающегося хирурга, Святителя Луки, из проповеди Святителя: «Человек состоит из тела духовного и тела душевного, и при желании тело духовное преобладает над душевным. Мы должны умереть, но возродимся к новой жизни, в новой телесной оболочке, в духовной оболочке, так же, как от сгнившего в земле зерна вырастают мощные растения» [5, 160].

Требования, предъявляемые отечественной познавательной традицией к «наукотворцу», очевидны. Они соотносятся с русским духовным и творческим опытом. Всем понятны требования, предъявляемые, к примеру, Ф.М. Достоевским к сложным формам труда и опыта: «В зеркальном отражении не видно, как зеркало смотрит на предмет, или, лучше сказать, видно, что оно никак не смотрит, а отражает пассивно, механически. Истинный художник этого не может; в картине ли, в рассказе ли, в музыкальном ли произведении непременно виден будет он сам; он отразится невольно, даже против своей воли, выскажется со всеми своими взглядами, с своим характером, с степенью своего развития... Эпического, безучастного спокойствия в наше время нет и быть не может; если б оно и было, то разве только у людей, лишенных всякого развития, или одаренных чисто лягушечьей натурой, для которых никакое участие невозможно, или, наконец, у людей, вовсе выживших из ума. Так как в художнике нельзя предполагать этих трех печальных возможностей, то зритель и вправе требовать от него, чтобы он видел природу не так, как видит ее фотографический объектив, а как человек. В старину сказали бы, что он должен смотреть глазами телесными и, сверх того, глазами души, или оком духовным» [2, 153–154].

Гуманитарий должен быть сродни художнику. Не случайно выдающиеся русские историки всегда ценили русскую поэзию именно как исторический источник. Так, А.Г. Кузьмин, стремясь понять шестидесятничество, обращается к поэзии Николая Рубцова и часто цитирует его и в аудитории, и в научных трудах: «Россия, Русь! Храни себя, храни! / Смотри, опять в леса твои

и доли / Со всех сторон нагрянули они, / Иных времен татары и монголы. / Они несут на флагах черный крест, / Они крестами небо закрестили. / И не леса мне видятся окрест, / А лес крестов в окрестностях России». А для интегральной оценки состояния отечества конца XX в. он выбирает строки поэта: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Здесь ключевое слово – «задремавшей». Именно в этой «дремоте» он видел истоки трагедии переживаемых дней.

Историки, стремясь преодолеть чуждые стилю национального ума установки, часто обращаются к национальным гениям как к авторитетам. В их суждениях ищут они для себя и других аргументы, стремясь вернуть нашей науке гуманитарный дискурс. И совершенно обоснованно приходят к выводу, что познание не осуществляется только путем логических попыток, которые делаются отдельными людьми и направляются другими людьми. Многим хочется прикоснуться к тому, что выработано народной жизнью – надо чувствовать эту силу, красоту, мощь. И нет необходимости избавляться от этого, как выражался В.И. Вернадский, «массами познанного», оно и должно становиться остоном гуманитарного ума. Ибо это историческая память, и она для многих общая.

Пути передачи исторической памяти так же подвержены развитию, как и все остальное в истории. Хорошо, если в процесс не вмешиваются силы, сознательно воздействующие на перекодирование исторической памяти. И тогда естественный ход исторической жизни народа протекает в пределах его культурно-исторического типа. Как российские революции, так и последовавшая гражданская война сопровождались целенаправленным воздействием на историческую память русского народа. Процедура создания советского народа как новой исторической общности растянулась на десятилетия, продлив гражданскую войну как явление культурной революции. Об этом писал Г.В. Свиридов: «Это целая программа действия, которая неуклонно проводится в исполнение... Дальнейшее разрушение ценностей приведет лишь к тому, что и следа не останется от русской нации, ее богатейшей некогда внутренней жизни, богатейшего национального сознания» [11, 188].

Такой «художественный бунт», как его назвал композитор, формирование новой культуры и, как следствие, новой культур-

ной ренты сопровождался пониманием того, что, несмотря на зависимость и обусловленность писателя соотношением общественных сил, современная наука не обладает никакими средствами, чтобы вызвать появление тех или иных желательных писателей [6, 217]. Таким образом, становится ясным, что создающиеся в условиях революции литература и искусство не соответствуют, не достигают той высокой планки, которая была установлена многовековым развитием русской культуры. В таком случае на повестку дня выносилась проблема «заготовки» не писателей, но читателей, чей уровень должен был находиться на одной ступени с уровнем культуры этих новых производителей культурных ценностей. Следовательно, особое внимание обращалось на школу, детскую и юношескую литературу.

Мы живем в условиях после «культурной революции». Как в этих условиях многотомных итоговых трудов по истории отечества осмыслить то, что произошло с Россией в XX в.? Его история на памяти живущих поколений. Историческая наука не сумела выполнить задачу сохранения и фиксации исторической памяти. Не смогла этого сделать и марксистская социология, которой не удалось, несмотря на свою монопольную позицию, отстоять синхронную ей власть. Сегодняшние попытки суммарной оценки событий XX в. приобрели откровенно компилятивный характер. Причем позитивистское объединение в пространстве проблемной историографии достижений как российской, так и разнообразных зарубежных видений, теорий, гипотез и концепций придает современным итоговым трудам по истории России дополнительную беспредметность и бесформенность.

Ничего содержательного не дали и попытки написать историю России как суммы регионов, так называемые региональные истории. Над ними в начале 1970-х гг. трудилась группа историков под общим руководством И.И. Минца. Время от времени идея регионализации истории России всплывает в научном дискурсе. Вот и сегодня историки Академии наук в рамках проекта 20-томной истории России обнаруживают интерес историков именно к региональному подходу как методу описания истории России. Уже написана история Крыма, пишется история Новороссии.

Существуют такие ключевые темы отечественной истории, без объяснения и понимания которых мы не поймем и совре-

менную Россию. А ведь в нашей исторической памяти, социальной памяти, наконец, семейной памяти многое сохранилось и продолжает жить. Прекрасной иллюстрацией может служить, к примеру, продолжающееся издание о Великой Отечественной Войне «Мы помним» в Туле, по существу, грандиозная гражданская инициатива, в рамках которой публикуется «народная история» – воспоминания и размышления участников войны, членов их семей и потомков [8].

Столетие российских революций добавило научной суматохи. Юбилейные торжества вынесли на поверхность много самых разных, в том числе и достаточно подзабытых большевистских концепций. Опять начали пугать себя теориями заговоров, на всякий случай отрицать всякую персональную ответственность деятелей революции. Многим пришлось по вкусу и тема ответственности Сталина за весь феномен большевизма. По научной публицистике начала гулять тема «большого террора», вытеснив из сознания историков темы красного террора, гражданской войны, крестьянских восстаний. Историки стали списывать на Сталина все пороки большевистской номенклатуры. При этом игнорировались показания тех источников, которые сами же «исследователи» зачастую и вводили в научный оборот.

Приведем пример. Ключи к пониманию истоков некоторые ищут в романе Ильи Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова». Роман 1922 г. рассказывает о демоническом коммунисте «с поломанным крылом», события относятся автором к 1921 г. «Воздвиженка, – пишет Эренбург. – Казенный дом, с колоннами, рыжий, дом как дом. Только не пешком – автомобили; не входят – влетают, и все с портфелями. Огромный околоток: кроме нашего Ресефесера, еще с десятков республик – аджарских, бухарских, всяких. А вывеска простенькая – как будто дантист – заржавела жестянка: “Ц.К.Р.К.П.”. Вот где ее гнездо! Отсюда выходят, ползут в Сухум и в Мурманск. Скрутили, спаяли, в ячейки свои положив, расплодились, проникли до самых кишок, попробуй – вздохни, шевельнись не по этим святым директивам! Стучат машинки: цок, цок, цок... Надо всем – одно слово, тяжелое, темное слово: “Мандат!”. Оргбюро. Распределение работы. ...В Наркомпрос двое, в Рабкрин трое. Вы, товарищ Блюм, – в Туркестан. Целый час уже распределяют, отсылают, машинки стучат... Всюду послали, только осталось в чеку, трудное дело.

Каму же охота?.. Все норовят на чистое, даже душевное, с романтическим блеском, при магии. Всякому лестно сидеть в инодеде и Англию с Тибетских вершин поддразнивать красным флажком... В чеку же идут лишь коммунисты последнего выпуска: нос угреватый в бобровый уют кутать или на Кисловке пирожное “Наполеон” с кремом давить языком, косых не считая. А нужно в чеку большого, святого почти; хотя к палачеству приставить не палача, подвижника, туда, где сети с уловом – доллары» (Цит. по: [3, 336–337]).

Много следов в источниках оставили и революция, и гражданская война, и другие тяжелые события нашей истории. Но до сих пор красной нитью через оценки этих событий проходит концепция И.И. Минца. И у него много активных последователей.

Надо энергичнее расширять круг источников, включающих гуманитарный компонент осмысливания исторических событий. Неплохо было бы вернуться и к традиционным темам отечественной исторической науки, таким, как оценка религиозного облика населения, его отношения к большевизму и др. Интересны не только факты, но и их анализ, оценки. В июне 1919 г., в разгар военных успехов Деникина, когда падение большевиков казалось неминуемым, Е.Н. Трубецкой завершал в Кисловодске рассказ о своих скитаниях по охваченной гражданской войной России. Он писал о том, что ожесточение войны не может уже пройти бесследно для страны, что ярость классово-борьбы наложил отпечаток на нравственный облик всего народа. Он предостерегал от пролития потоков крови «после восстановления порядка» и подчеркивал: «Самая опасная черта современности заключается в том, что кодекс междоусобной борьбы, привитый нам большевиками, стал *обычным*; его усвоили не только взрослые, но и дети. Расшатанность всех нравственных правил, разнузданное своеволие, привычки к хищению и жестокость – таково ядовитое наследие смутной эпохи, которое оставит свои следы в душе народной на многие годы» [14, 205].

Е.Н. Трубецкой прогнозировал, что черты большевистского типа личности сохранятся в советских администраторах, военных и общественных деятелях даже в то время, когда о большевиках в собственном смысле мы забудем и думать. Прогноз князя сбылся. С особой жестокостью подавлялись крестьян-

ские восстания, проходившие под лозунгами свержения власти большевиков. До сих пор не оценен сам феномен большевизма, его корни и последствия. Тем более не задумались о природе крестьянских восстаний на Тамбовщине, в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, проходивших на протяжении 1920-х гг. Однако предпринимались массовые попытки объявить российские революции крестьянскими, народными и даже русскими.

История XX в. – главная загадка нашего времени. Мы знаем все, что происходило, мы смело судим о том, почему это происходило, и даже почти знаем, кто виноват. В этом историческая наука расстаралась. Проблема только в том, что в «товарищах» согласия нет. А обратиться к исторической памяти народа, установить ту самую связь с душой народа устроители народной жизни никак не могут. Они готовы слышать государственный социальный заказ, заказ рынка, запросы международного сообщества, включая научное. Причем зачастую под влиянием англо-саксонских и афро-американских представлений истории вообще отказываются от изложения событийной истории, берут лишь ее отдельные проявления и напряженно иллюстрируют чужие теории, наполняя свои исторические труды чужим разумом.

А вот понять, чего от них хотят носители российского культурно-исторического типа, не умеют. Нам возразят, что для этого нужно быть творческим гением, не жить в кругу утонченной творческой или политической элиты, а почувствовать и реализовать «социальный заказ» в глубоком, духовном его смысле. Именно так сопрягалась душа народа с искусством религиозным. Хотим выжить – придется постараться.

Историческая наука не оригинальна в этой своей немоте. Немоте, производной от глухоты. Практически весь гуманитарный вектор отечественной науки таков: XX в. сделал свое дело, наше духовное пространство до краев наполнилось чужими смыслами. 5% нашего мышления, которые связаны с материей, имеющей атомарную структуру, заняты чужими смыслами и исчерпаны. Будем надеяться и уповать на 95%, с этой структурой не связанные.

Русская культура несет в себе большие смысловые нагрузки, которые определяют значение и смысл нашей цивилизации. Фонд национального культурного богатства формировался на

протяжении столетий, включая в себя как материальные, так и духовные ценности. Данный процесс происходил под непосредственным влиянием природных особенностей страны, ее политического и экономического развития. Многие русские философы и историки отмечали взаимосвязь русской культуры и природы. Так, например, Н.А. Бердяев писал, что «пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли», в нем «та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта» [1, 8]. Важнейшей частью преобразований после 1917 г. была культурная революция, и заключалась она отнюдь не только в ликвидации неграмотности, внедрении в личные убеждения людей принципов марксистско-ленинской идеологии, но и в коренной ломке национальной культуры. «Сбрасывание Пушкина, Достоевского, Толстого – совсем не просто крикливый и смешной лозунг», – писал впоследствии композитор Г.В. Свиридов [11, 188].

Историки, по обыкновению, пытаются быть актуальными через привычный приоритет социально-экономических планов государства при рассмотрении культурных, исторических, национальных особенностей наших регионов. Остается без ответа вопрос: почему история России по-прежнему не является суммой историй ее регионов. По-прежнему речь идет об исторических, гуманитарных, цивилизационных основах нашей государственности, о национальной безопасности и единстве Российской Федерации. Обозначен и новый ориентир: «пространственное развитие страны». Не надеясь на историков при реализации этого подхода, глава государства сегодня напрямую апеллирует к руководителю нашей самой крупной, наверное, инфраструктурной монополии – РАО «Российские железные дороги». На форуме 2018 г. в Югре, на котором присутствовали руководители железнодорожного ведомства страны, Президент предложил им провести работу и развернуть на своих линейных объектах, главным образом, на вокзалах – компания присутствует на территории всей Российской Федерации – экспозиции, которые бы рассказывали о месте, где пассажир в данный момент находится. Это простое и перспективное предложение с точки зрения погружения людей в нашу историю. А мы сейчас говорим как раз о российской истории в ее региональном преломлении. Очевидно, что историки понимают региональные истории не так, как

понимает это Президент. Власть интересуется тем, что объединяет, стягивает пространство России, тем, что объединяет людей, а не тем, что разбедняет их через региональные пристрастия.

Железная дорога для всего мира – символ технического прогресса. Для России – тоже. Однако для России железные дороги – нечто большее, чем просто средство передвижения, это не только география, но и история. Именно в России «железка» (или в XIX в. – «чугунка») связывала разбросанные регионы, очень разные по своему географическому, этнографическому облику, особенностям истории, культуры, традиций. Поездки по железной дороге становились для многих возможностью увидеть и понять Россию. Е.Н. Трубецкой в трудное для отечества время (1918) записал: «За последнее время мне неоднократно приходилось ездить из Киева в Петербург через Москву. Это – тот самый исторический путь, который прошла Россия в процессе своего развития. И по пути мысль невольно обзревала весь этот процесс, который привел нас к нашему печальному положению.

Из окна вагона я не видел ничего, кроме *всеобщего, прямого и равного*. Это, если можно так выразиться, закон нашего равнинного существования. На расстоянии всего пути картина почти не менялась: я видел все ту же ровную, прямую поверхность и кое-где еле заметные бугры, которые почти не нарушали однообразия пейзажа. По привычке к четырехчленной формуле взор мой стал искать тайного; тут спустился густой туман над полями; потом ночь скрыла все очертания равнины, и я *увидел тайное*. Когда я проснулся, предо мною красовалось кладбище, это классическое выражение всеобщности, равенства и тайны смерти, прямой жребий, предстоящий каждому из нас. А над кладбищем возвышалась церковь – тоже всеобщее, прямое, тайное и равное, но только в ином, лучшем значении этого слова» [15, 198–199].

Культурная жизнь современной России обозначена своим этапом продолжающейся борьбы за удержание исторической памяти. В новых условиях, когда на передний план развития экономики выступает переориентация на интеллектуальные ресурсы общества, набирает важность такое понятие, как «интеллектуальная рента» – необходимо ставить и отвечать на вопрос, кто на современном этапе стремится монополизировать за собой право на получение ренты с многовековой русской культуры.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. *Достоевский Ф.М.* Выставка в Академии художеств за 1860-1861 год // ПСС в 30 т. Т. 19. М.: Наука, 1979.
3. *Земляной Сергей.* Невидимая рука учраспреда // Отечественные записки. 2004. № 2.
4. *Катица П.Л.* Эксперимент. Теория. Практика. Статьи, выступления. Изд. 3, доп.. М.: Наука, 1981.
5. Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1946-1961 гг.: сб. документов / сост., предисловие: протоиерей Николай Доненко, Р.А. Замтарадзе, С.Б. Филимонов. Симферополь: Н. Ореанда, 2015.
6. *Мандельштам О.Э.* Поэт о себе // Собр. соч. в 3 т. М.: ТЕРРА, 1991.
7. *Миц И.И.* Революционер, ученый, пропагандист ленинизма // Коммунист. 1978. №5.
8. Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Кн. 1-4. Тула, 2010-2017.
9. *Наумова Г.Р.* История исторической науки. Историография истории России. Ч. 1-2. М., 2017.
10. *Раушенбах Б.В.* Нет плохого времени и нет хорошего времени, есть время // VIP. Международный журнал о лидерах и для лидеров. 1999. № 2.
11. *Свиридов Г.В.* Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2017.
12. *Смирнов И.П.* Хроника поглощения истории идеологией: год 1923 // Традиции русской исторической мысли: мат-лы научного семинара. М., 2005.
13. Стенограмма общемосковского собрания писателей 31 октября 1958 года. // Горизонт. 1987. № 9.
14. *Трубецкой Е.Н.* Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Берлин, 1926. № 18.
15. *Трубецкой Е.Н.* Всеобщее, прямое, тайное и равное // О христианском отношении к современным событиям. Статьи. Письма // Новый мир. 1990. № 7.
16. *Чуковский К.И.* Собр. соч. в 15 т. Т. 13: Дневник (1936-1969). 2-е изд. М., 2013.

6.2. Участие православного духовенства в процессе реформирования системы образования в конце XIX – начале XX века

Протоиерей Виктор Лисюнин

Либерализация, парламентаризм поставили Церковь и духовенство в конце XIX – начале XX вв. перед лицом неизбежных изменений в законодательной, общественно-политической, экономической сферах. Курс на ликвидацию безграмотности населения и повышение уровня образования предъявил новые требования и к обучению духовенства.

Несмотря на то, что реформирование церковного образования охватило всю образовательную структуру Российской империи, где изучение предметов православного религиозного цикла было обязательной частью школ нижней, средней и высшей ступеней, объективного результата преобразований не удалось достичь, особенно в части воспитательных задач. Однако упрекать Православную Церковь в бездеятельности не представляется возможным: работа Учебного комитета при Святейшем Синоде, Предсоборное Присутствие, ревизии духовных учебных заведений на соответствие уставным требованиям и результативности образовательно-воспитательного процесса, многочисленные эксперименты по изменению состава изучаемых предметов, учебных программ, изменения распределения учебных часов, повышение жалований преподавателей, учреждение должности воспитателей и пр. – это и многое другое свидетельствует о понимании синодальными властями сложности момента, требующего от духовенства высокого профессионального уровня.

О привилегированности учащегося духовного заведения говорит факт освобождения от телесных наказаний: в 1835 г. – детей священнослужителей, а в 1863 г. – детей церковнослужителей, окончательно же Определением Синода телесные наказания были отменены в 1868 г. О внимании к личности свидетельствуют и указания для Правлений учебных заведений, определяющих дисциплинарные взыскания, которые не должны быть «грубы и унизительны и... соображаемы с возрастом, первоначальным воспитанием и характером исправляемых» [1; 2; 3].

Бесспорно, значимым было участие православного духовенства в решении самой неотложной государственной задачи – преодолении безграмотности населения и реформе всей образовательной системы. Во-первых, церковно-приходские школы и школы грамотности охватывали беднейшую часть населения, так как были, в отличие от земских, бесплатными. Во-вторых, образованное духовенство привлекалось в качестве преподавателей светских школ, прежде всего, для ведения Закона Божия – обязательного для всех школ нижней и средней ступени. В-третьих, духовные семинарии как средняя ступень открывали доступ к высшему образованию всем сословиям, так как по реформам 1860-х гг. стали всесословными. Обучение в них для детей беднейшего духовенства было бесплатным, а в целом стоило дешевле, чем в светских школах средней ступени, например, в гимназии.

Для участия в процессе реформирования системы образования духовенству необходимо было оперативно научиться действовать в новых условиях, возникших в результате новаций: введения всесословного образования, санкционированного в 1864 г. изданием «Устава гимназий» и «Положения о народных училищах»; расширения типов начальных школ (государственные, церковно-приходские, земские, воскресные, частные). Обучение оставалось платным, но вырос объем благотворительной работы в сфере образования. В 1869 г. открылся доступ к высшему образованию для женщин. Хотя закон о всеобщем начальном образовании не был принят целиком, отдельные его положения были введены в результате работы Государственной Думы с 1908 по 1912 г. [4; 5; 6].

Динамика изменения уровня грамотности в России была нарастающей: по данным переписи населения 1897 г., грамотных – 21%, по данным 1917 г., – 50%. Несмотря на успехи, Россия отставала по числу учащихся на 1000 человек от Австрии, Великобритании, Германии, Франции, Японии приблизительно в 3 раза, от США – в 4. Тем не менее усилия, прикладываемые государством и обществом, этот разрыв сокращали. В советской историографии статистические показатели расходов на образование на душу населения занижались. Согласно данным известного социолога, уроженца Тамбовской губернии Питирима Сорокина, в 1914 г. расход Министерства народного просвещения

на образование составил 142 736 000 руб., все министерства в совокупности тратили на образование – 280-300 млн руб., города и земства – 360 млн руб. Таким образом, в 1914 г. на народное образование тратилось 640 млн руб. в год, т. е. на душу населения приходилось не менее 3 руб. 70 коп. [6; 7; 8].

Духовенство было занято в качестве учащихся, а также в качестве ответственных за содержание церковно-приходских школ, которые были всеобщими и в течение 3–5 лет давали начальное образование населению, прежде всего, сельскому, составлявшему в царской России абсолютное большинство. Содержались школы при поддержке Архиерейского дома, монастырей, приходов и Синода. Помимо церковно-приходских, в приходах действовали и воскресные школы, которые могли быть не только церковными, но и светскими. В церковных воскресных школах духовенство давало навыки грамотности и духовно просвещало работающую часть населения. Существовали также школы грамотности, в которых было занято духовенство. Роль духовенства в большинстве учебных заведений заключалась в преподавании Закона Божия и исполнении долга пастыря-наставника, духовника. Педагогические навыки преподавания Закона Божия сами по себе представляли новацию, так как в качестве обязательного предмета он был введен только с 1819 г., после издания Манифеста Александра I (1817); учебное пособие по предмету появилось только в 1828 г. – «Катехизис» митрополита Филарета (Дроздова). Как показывает периодическая печать и мемуары, уровень преподавания этого предмета не удовлетворял ни учащихся, ни учащихся. Главный упрек заключался в формализме подхода к предмету обеих сторон обучения. Эту проблему пытался решить Всероссийский съезд преподавателей Закона Божия, прошедший в Петербурге с 10 июля по 1 августа 1909 г.; к этому моменту в числе законоучителей было немало мирян, в том числе женщин. Но хотя проблема преподавания самого массового богословского знания была осознана, решить ее не удалось [9; 10; 11].

Оценивая роль духовенства в реформировании системы образования, следует учитывать, что именно оно учило в церковно-приходских школах беднейшее население, составляющее абсолютное большинство – российское крестьянство. Церковно-приходские школы составляли половину от всех остальных

имеющихся в империи, содержались православным ведомством, у которого было много и иных материальных проблем. Вклад в качественный рост уровня грамотности, уровня среднего и высшего образования внесли и основные духовные школы – семинарии, выпускники которых служили не только по православному ведомству, но и в составе чиновничества, учительства, юридической и медицинской службы и пр.

В течение всего изучаемого периода казенные и епархиальные средства на содержание церковной школы увеличивались, что соответствовало общей динамике политики Николая II в области образования, за время царствования которого смета Министерства народного просвещения выросла с 25,2 млн руб. до 161,2 млн руб. Экстенсивным показателем является динамика роста численности семинарий: от 36 в начале XIX в. до 50 – к 1880-м гг. и 57 – в начале XX в. В 1913 г. в семинариях обучалось 5069 человек, из них 98,3% – русские, 84% – из духовного сословия. В 1914 г. из числа выпускников семинарий только 54,3% осталось в духовном ведомстве, остальные либо поступили в светские учебные заведения, либо устроились учителями, либо в иной гражданской службе. В целом, как показывают отчеты обер-прокурора Синода за 1913-1914 учебные годы, социальный состав семинарий остался прежним: более 80% – из духовенства, остальные (по убывающей): крестьяне, мещане и цеховые, дворяне и чиновничество, почетные граждане и купцы. Педагогическая корпорация в начале XX в. была представлена 57 ректорами, 56 инспекторами, 140 помощниками инспекторов, 694 преподавателями обязательных предметов и 96 – церковного пения и факультативных языков. Кроме того, 48 надзирателей и других лиц общим числом – 1448 (духовенство, экономы, диаконы, врачи) [12; 13; 14].

Вместе с тем сама система духовного образования перестала удовлетворять учащихся, учащихся и ведомственное руководство и нуждалась в пересмотре. При этом на духовенство, занятое в системе образования, накладывалась ответственность за духовно-нравственный облик учащихся, который под воздействием нарастающего протестного движения все более вызывал опасения. Сказанное убедительно подтверждает задача, которую поставил обер-прокурор К.П. Победоносцев, негативно оценивая либеральные реформы 1860-х гг.: «Уберечь народ от гибель-

ной заразы нелепых, возмутительных учений можно только посредством Церкви и школы, тесно связанной с Церковью» [15; 16].

Необходимость дать образование детям ложилась тяжким бременем на многолетние семьи духовенства и церковнослужителей: за счет казны учились лишь в Академиях, большинство семинаристов и учащихся училищ были «своекоштными». Популярная идея церковно-государственного союза не обеспечивалась материально ни государством, ни епархиями. Как самое многодетное сословие, духовенство давало системе образования большое количество учащихся, что требовало постоянного экстенсивного роста самой системы, а также порождало проблему «многолюдства» учебных классов, при котором педагог физически не мог уделить учащемуся достаточного количества времени и внимания. Демографический взрыв, стартовавший в России в 1860 г. и длившийся до 1913 г., способствовал открытию новых приходов, требовавших образованных кадров. Нужда в них оставалась до конца изучаемого периода, несмотря на количественный рост числа духовенства, получившего богословское образование. Некоторые благочинные при этом считали наличие специального образования «необязательным и даже вредным» [17; 18; 19].

Несмотря на рутинное представление об образованности духовенства, сама действительность требовала, чтобы проповедь осуществлялась людьми просвещенными. Формой, позволяющей духовенству соответствовать уровню просвещенности и достойно участвовать в общественной коммуникации, было самообразование, для которого также создавались условия на местах. Например, отчеты благочинных свидетельствуют о том, что были созданы приходские библиотеки, и священники обязывались выписывать периодические и другие издания.

Еще большую ответственность на духовенство и систему духовного образования возложил Николай II Манифестом от 9 июля 1906 г., в котором просвещение народа было поставлено на уровень первостепенной задачи. Отношение общества, в том числе церковного, к этой политике было противоречивым, что показало обсуждение в Думе 13 мая 1906 г. вопроса о кредитах. Думская полемика показала, что депутаты в большинстве не поддерживают предоставление преимуществ церковной

школы. Крестьяне при этом не доверяли духовенству, указывая на его привычку «пристраивать к месту родственников и приятелей». Высказывались также предложения сократить часы в светских заведениях на преподавание Закона Божия. Думцы высказались также против предоставления льгот и привилегий для церковно-приходских школ (ЦПШ). Распределение голосов «за» и «против» имело политический оттенок: «за» высказывались правые и националисты, «против» – кадеты, октябристы и социал-демократы. В этом случае само духовенство показывало и большую лояльность, и социальную мобильность: большинство архиереев в «Отзывах» (1905) высказывались за увеличение часов на предметы естественных и гуманитарных наук в духовной школе. Эта позиция преследовала стратегическую цель: «образовать просвещенных священнослужителей, способных дать себе ясный отчет в современных течениях мысли и жизни и обладающих живым православным христианским убеждением» [20; 21; 22; 23].

По уровню образования священники обгоняли дворянство, поскольку высокого интеллектуального уровня требовало служебное поприще. На фоне безграмотного и малограмотного населения духовенство выгодно отличалось образованностью. Среднее образование для священника стало нормой. Академическое же образование имели единицы. Обычно это были: правящий епископ, ректор семинарии, викарный епископ, архимандриты настоятели монастырей. Общее число получивших академическое образование в изучаемый период колеблется от 16 до 20 человек, которые обретаются либо в монастырских центрах, либо в городах. Введение всеобщего обязательного начального образования сделало бы участие духовенства в этом проекте еще более обязательным. Проект закона «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» обсуждался в Госдуме 1 ноября 1907 г., 8 января 1908 г. Комиссия по народному образованию обсуждала этот законопроект, в 1911 г. Дума этот законопроект одобрила, однако Госсовет это решение в жизнь не провел [4; 19; 24].

Проблема ликвидации безграмотности в Тамбовской губернии была особенно актуальной. По данным переписи 1897 г., только 16,7% населения было грамотным. Неграмотным оставалось в основном православное население: среди католиков

грамотность составляла 72,9%; иудеев – 68,9%; протестантов – 67,0%; магометан – 37,0%; православных – 16,3%. Среди 20 губерний, где производились подсчеты, Тамбовская губерния занимала 17-е место. В подавляющем большинстве уровень образованности священников Тамбовской епархии рос вместе с успехами образования в России. К 1914 г., как показывают данные Тамбовской консистории, из 77 протоиереев 76 имели богословское образование, 1 – философское; из 919 священников 751 имели богословское, 152 – философское образование и только 16 не имели его вовсе. Ниже был этот уровень у диаконов, где 125 человек из 347 не имели образования, и у псаломщиков – 222 из 720 [25]. В Тамбовской губернии существовали различные типы церковных школьных учреждений: 1) церковные школы (2-классные, 1-классные, школы грамоты, воскресные); 2) духовные училища; 3) духовная семинария.

В ведении Епархиального училищного совета к 1905 г. были церковные школы: 105 мужских, 174 женских, 872 смешанных (из них более 85% – 1-классные). 459 школ имели квартиры для учителей. В течение 1897-1902 гг. появилось 379 новых школьных помещений [19; 26; 27; 28].

Духовенство, несмотря на отсутствие единодушного признания существующей системы содержания ЦПШ удовлетворительной, приложило максимум усилий, чтобы обеспечить условия их содержания. Бесплатное обучение в ЦПШ потребовало больших государственных средств: в период с 1896 по 1903 г. содержание увеличилось с 4466 до 114746 руб. В том числе Церковь перечислила на содержание ЦПШ большую часть ассигнованной суммы: в 1904 г. приходами перечислено – 77926 из 168679 руб. На обеспечение государственной программы ликвидации безграмотности и всеобщего начального образования духовенство бросило все силы: приходы, приходские попечительства, миссионерские братства, монастыри. Это добросовестное служение духовенства обществу и государству не только не было оценено по заслугам, но подвергалось всеобщей критике и массированным атакам либеральной прессы, активно формировавшей стереотип массового представления о духовной школе как несовершенной. Не был принят во внимание и безусловный рост в материальном обеспечении ЦПШ. Училищный совет при Синоде в 1904 г. перечислил на содержание этой первой народной

школы – 253964 руб. Нескрываемая злоба в адрес ЦПШ и народных учителей звучала со страниц журнала «Отечественные записки»: «Пусть Государство уничтожит духовенство как касту, пусть уничтожит духовные школы и предоставит, как было в древнее время, самому обществу приискание священников для себя, где и как оно знает» [27; 29; 30; 31; 32]. Устройство школ для кандидатов священства и попечение над пастырями «Отечественные записки» возлагали на земство.

Нагрузка на духовенство по содержанию ЦПШ особенно возросла в земледельческих регионах, где мал удельный вес городов и преобладают села и деревни, крестьянское население которых было почти сплошь неграмотным. Например, в Тамбовской губернии только 7% жителей обитали в городах, но и среди них 1/3 являлись крестьянами, так как городские окраины по образу хозяйствования и быта отличались от мещан и оставались в традициях своего сословия. Тамбовская консистория вела учет количеству учащихся в ЦПШ, стимулировала количественный рост учащихся за счет предоставления льгот детям учителей, кружечными сборами в пользу учащихся и учащихся «На усиление средств к учреждению и содержанию ЦПШ». За состояние ЦПШ благочинные отчитывались отдельной позицией. Сами школьные здания находились при приходских храмах, либо для них снимали церковное помещение. За состояние ЦПШ в Тамбовском городском округе благочинный отчитывался: «при всех восьми приходских церквях имеются одноклассные ЦПШ, при церкви Носовской богадельни – одноклассная ЦПШ и школа грамоты, и при женском монастыре второклассная школа. Школы помещаются в устроенных для них церковных домах, в домах Носовской богадельни и на усадьбе женского монастыря; все помещения удовлетворительны. Обучением занимаются члены причтов и особые учителя и учительницы» [19; 25].

За состояние школьных помещений, наличие учебной литературы, обеспечение школьной библиотеки отвечал Тамбовский училищный совет (ТУС). Уездные и епархиальные наблюдатели ТУС инспектировали состояние ЦПШ. По данным 1905 г. таких инспекций в год совершалось не менее 1112. Инспекционные отчеты показывают, что состояние ЦПШ постоянно улучшалось. К 1905 г. 1006 школ уже имели библиотеки с фондом в 151 тыс. книг; на одного ученика приходилось в среднем пять учебников.

Епархиальный училищный совет обеспечивал бесплатное снабжение учащегося учебниками и учебными пособиями. К этой задаче присоединялись уездные отделения Епархиального училищного совета. Съезды благочинных и епархиальные съезды обсуждали вопрос о наличии и обеспечении работы школьных библиотек. Так, съезд благочинных 1905 г. постановил для каждого прихода ежегодно выделять от 5 до 20 руб. на содержание библиотеки. Подчеркивалось, что доступ к школьной библиотеке следует открыть и прихожанам. Принятые меры способствовали тому, что к 1914 г. в епархии была организована работа 592 народных библиотек, из которых 113 были приходскими. Отметим, что церковные библиотеки превосходили земские своей универсальностью: в них имелась литература духовного содержания (39%), художественная (25%), научная (17%), из которой большая часть была по истории. ЦПШ была вполне толерантна в отношении населения: доступ к грамоте был открыт представителям всех конфессий и инославий, а также для всех детей без ограничения по национальному и социальному статусу. В числе 63 952 учащихся в ЦПШ в 1905 г. инославцы и иноверцы составляли – 553 человека. [28, 33, 34].

Параллельно с ЦПШ работали школы Министерства просвещения, в работе которых росло участие духовенства. «В 1909 году законоучителями в учебных заведениях, подведомственных дирекции народных училищ и училищным советам Тамбовской губернии, состояло 898 лиц духовного звания, из них было: протоиереев 15, священников 860, диаконов 11 и псаломщиков 12. Обязанности законоучительства и учительства духовенством велись оживленно и с усердием» [28, 30]. Заботясь о качестве преподавания в ЦПШ, Епархиальный училищный совет (ЕУС) проводил ежегодные курсы для школьных учителей при ТДС на собственные средства и на средства Уездных УС. Занятия включали изучение гигиены и школьной дидактики. И подготовка учительских кадров, и обучение школьников осуществлялось на основе всеобщего принципа.

Таким образом, православное духовенство изучаемого периода было наиболее активной социальной силой, которая была вовлечена официальной синодальной властью в решение актуальных государственных задач, первой из которых была ликвидация безграмотности, введение всеобщего начального образования,

качественное улучшение средней и высшей ступеней образования. Усилиями духовенства была создана система учреждений начального образования, которая содержалась при значительной финансовой поддержке Церкви. В изучаемый период само духовенство заметно выросло в образовательном статусе, но экстенсивный рост церковной структуры, находившейся под опекой и контролем синодальной системы, превышал темпы качественного роста самого духовенства. Анализ участия православного духовенства в процессе реформирования системы образования в конце XIX – начале XX вв. позволяет утверждать, что деятельность духовенства в образовательной сфере дала основу для дальнейшего развития системы образования в XX в.

Литература

1. О некоторых изменениях в системе наказаний // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1866. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. С. 353.
2. Определение Синода от 25 мая 1868 г. // Уставы православных духовных семинарий и духовных училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 г., с относящимися к ним постановлениями Синода. СПб., 1908. С. 125.
3. Высочайше утвержденный Устав православных духовных семинарий // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1871. Собр. 2. Т. 42. Отд. 1. С. 501–509.
4. О введении всеобщего начального образования в Российской империи // Программа реформ П.А. Столыпина: док. и мат-лы. Т. 1. М., 2002.
5. Высшая школа в России // Россия 1913 год: стат.-док. справ. Т. 14. СПб., 1995.
6. *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009.
7. Начальное, среднее общее и специальное образование // Россия 1913 год: стат.-док. справ. СПб., 1995. Т. 14.
8. *Ерофеев Н.* Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1. С. 55–70.
9. *Миропольский С.* Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. М., 2006.
10. *Бычкова В.М.* Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Сер. Педагогика. Психология. 2009. Вып. 1. С. 7–20.
11. *Зеньковский В.В.* Педагогика. Клинтон, 2002.
12. *Якобий И.П.* Император Николай II и революция / авт.-сост. С. Фомин. СПб., 2005. С. 55.
13. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 2. С. 268–269.

14. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода православного вероисповедания за 1914 год. СПб., 1916.

15. *Лисюнин В., свящ.* Роль православного духовенства в развитии системы народного образования в к. XIX – н. XX вв. // Православная история и традиционная культура: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. 22-23 марта 2008 г. / науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. Тамбов, 2009. С. 130-139.

16. *Веселовский Б.* История земств. СПб., 1911. Т. 3.

17. *Глубоковский Н.Н.* По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907.

18. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 550.

19. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2179; Д. 1926. Л. 185. Л. 471 Л. 472; Д. 1936. Л. 411; Д. 2065. Л. 8 об.

20. Из доклада гр. Уварова в Госсовете 26 января 1912 г. // Прибавление к Церковным Ведомостям. 1912. Ч. 1. № 8. С. 298–302.

21. Госдума III-го созыва: стеногр. отчет. Сессия 1. Ч. 1. С. 1140–1148.

22. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 18, 20–21, 450–460.

23. *Смолич И.К.* История Русской Церкви, 1700-1917. Ч. 2. С. 113–115.

24. *Лисюнин В.Ф.* Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 241 с.

25. Тамбовская губерния // Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1897. Т. 17. С. 12–14.

26. *Левочкин А.* Краткий исторический очерк церковно-школьного дела в Тамбовской губернии. (Библиотека музея народного образования в Тамбовском крае). Тамбов, [б. г.].

27. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. С. 327–343.

28. Ведомости Тамбовского епархиального училищного совета о церковных школах // ТЕВ. 1904. № 50/51. С. 1172–1175, 1565; ТЕВ. 1905. № 50–51. С. 1172 – 1175; ТЕВ. 1905. № 4. Неофиц. ч. С. 164–169; ТЕВ. 1906. № 27. Неофиц. ч. С. 515; ТЕВ. 1908. № 49. С. 929–930; ТЕВ. 1909. № 24. С. 351–352; ТЕВ. 1910. № 21. С. 399–400; ТЕВ. 1911. № 28. Прил. С. 1–2; ТЕВ. 1913. № 27. С. 718–719; ТЕВ. 1914. № 19. С. 614–615.

29. *Черменский И.Н.* Прошлое Тамбовского края. Воронеж, 1961.

30. Отчет Тамбовского училищного совета за 1896–1897 год. Тамбов, 1898. С. 1172–1175, 1565.

31. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

32. Внутреннее обозрение // Отечеств. записки. 1881. Июнь.

33. *Смолич И.К.* История Русской Церкви, 1700-1917. Ч. 2. С. 113-115.

34. *Черменский П.Н.* От крепостного права к октябрю в Тамбовской губернии: очерк экономики и культуры пореформ. периода, 1861–1917 гг. Тамбов, 1928. С. 93-95.

**6.3. Россия историческая и Россия культовая:
«Родовые поместья» и экопоселения
как их совокупность в контексте
«Нового Домостроя» и истории
Т.Н. Юдина**

История не переписывается.

**Ф.Ф. Конюхов, философ,
писатель, путешественник**

«Родовое поместье» (РП) в контексте «Нового Домостроя» [5, 14] – знаковый, новый и одновременно весьма сложный историко-экономический, социо-культурный, философско-хозяйственный, институционально-экономический феномен, а также актуальная тема для исследования, имеющая большое жизненное теоретическое и практическое значение. На первый взгляд, РП предстает как место (среда) обитания, где человек прежде всего – творец-созидатель, а не только потребитель; это поистине домоустройство в рамках семейного хозяйства [4, 285–289]. РП – унаследованное поместье, передаваемое (неделимое и непродаемое) по роду. РП – элемент новой формирующейся гармонической экономики-домостроя отечественной цивилизации [5, 6–7] пока лишь на микроуровне. РП существует в настоящее время как оазис, а не как сформировавшаяся устойчивая хозяйственная макросистема. РП – новый образ жизни, жизнедеятельности человека.

РП – альтернатива искусственному миру, называемому одновременно и «электронным концлагерем» и «цифровым раем», который несет с собой «цифровая экономика», а также цифровизация социально-хозяйственной системы в целом.

В проекте Федерального Закона «О родовом поместье и родовых поселениях» (в частности, в его статье 5), разработанном участниками общественного движения «Звенящие кедры России», дано следующее определение родового поместья:

«Родовое поместье – неделимый земельный участок, площадью от одного до полутора гектаров, предоставляемый семье

граждан Российской Федерации или одинокому совершеннолетнему гражданину Российской Федерации бесплатно, в пожизненное наследуемое пользование и владение, без права продажи, для строительства усадьбы, создания и ведения приусадебного хозяйства, без налогообложения земли, строений и урожая» [7].

В статье 6 вышеназванного проекта Федерального Закона «О родовом поместье и родовых поселениях» определено понятие родового поселения следующим образом: «Родовое поселение – населенный пункт, организованный на началах местного самоуправления, состоящий из семидесяти – двухсот Родовых поместий и объектов социально-культурного и общественного назначения, расположенных на компактной территории» [7].

Родовое поселение – это новая модель экологического поселения (вкратце: экопоселения), т.е. совокупности «родовых поместий». Экологические поселения создаются с целью организации экологически чистого жизненного пространства на основе концепта т.н. «устойчивого развития». Экопоселение или родовое поселение людей образуется ими для организации жизни своей семьи на общинных домостроевских принципах самоуправления, самодостатка и самообеспечения жизненно необходимыми благами, главным образом посредством производства продукции органического сельского хозяйства. Родовые поселения и экопоселения – это строительство сельской Авелевой, а не Каиновой городской цивилизации [3, 1074–1079]. В настоящее время прервана неформальная институциональная связь людей с природой, с жизнью в гармонии с ней и душой, с Авелевой цивилизацией. Посредством урбанизации по-прежнему строится Каинова (городская) цивилизация, нарушающая гармонию жизнедеятельности человека. Родовое поселение – это домоустройство, домоустройство в контексте концепции «Нового Домостроя» [5]. Родовые поселения и экопоселения – это и геочивилизационная матрица с природоподобными ресурсами.

География «родовых поместий». В настоящее время в России имеется порядка 400 экопоселений как совокупности «родовых поместий». Их география весьма обширна, фактически родовые поместья появились в большинстве субъектов Российской Федерации – в 61 из 85. Наличие растущего множества «родовых поместий» и около четырехсот экопоселений свидетельствует о поиске жизнеутверждающей отечественной модели

хозяйственной цивилизации, гармонической системы жизнедеятельности человека и человечества на великом евразийском пространстве, домоустройства в рамках семьи как ячейки общества и малой церкви, а также геочивилизационной матрицы с природоподобными ресурсами.

Методология исследования многофакторной геочивилизационной матрицы динамики родовых поместий и новой модели экопоселений

Для управления живыми организмами, процессами и социокультурно-экономическими системами на разных уровнях нужно иметь количественные характеристики и/или индикаторы их уровня соотношения структуры и динамики. В настоящее время для физических, биологических и социокультурно-экономических процессов и систем применяется система натуральных и/или стоимостных показателей. Между тем в процессе формирования и развития родовых поместий и новой модели экопоселений требуются многофакторные составляющие, несоизмеримые показатели. Они неизмеримы только в натуральных и стоимостных показателях. Для количественной оценки, проведения эмпирического анализа возможно использование способа экспертной оценки в баллах, позволяющего несоизмеримые показатели свести к их «общему знаменателю», дав их оценку в соответствующих баллах. Аналогичные способы количественной оценки в баллах широко используются в общественных науках, в частности в истории экономики, и вполне правомерно использовать их для измерения уровня динамики и структуры родовых поместий и с их помощью строить модели экопоселений, геочивилизационную матрицу.

В результате эмпирического анализа на основе этой матрицы возможно получить оценку родовых поместий, а также экопоселений и сравнить ее с оценкой дач, садоводческих и огороднических хозяйств, частных домов современной России. Однако здесь открывается субъективный характер, отражается уровень знаний и предпочтения каждого из членов экспертного сообщества, оценивающих и исследующих проблему родовых поместий и их совокупности как экопоселений. Использование многофакторной матрицы дает возможность количественно оценить уровень и динамику, а также ранжировать по значимости

социо-культурные, экономические, демографические, институциональные, технико-технологические, информационные и другие параметры.

Автор находится только в самом начале исследования феномена родовых поместий и экопоселений, собирает эмпирические данные, однако в теоретико-методологическом аспекте есть уже определенные научные результаты, например, авторское исследование учения о домостроительстве [5].

История поместья. Исторически поместье – это разновидность земельного владения, которое предоставлялось первоначально в пожизненное владение за воинскую и/или государственную службу в России в конце XV– начале XVIII вв. [1]. Аналогами поместий в Европе являются *асьенда* в Испании, *фазенда* в Португалии и некоторых странах Латинской Америки (например, в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили).

Согласно теории В.О. Ключевского, «участок казенной (государственной) земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, то есть как вознаграждение за службу и вместе как средство для службы (согласно концепции О.Э. Бессоновой, это *раздаток – доп. Т.Н. Юдина*). Подобно самой службе, это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим *поместное владение* отличалось от вотчины, составлявшей полную наследственную земельную собственность своего владельца» [2, 203-214]. Постепенно поместное владение, или поместье, стало наследственным институтом, т.е. передавалось по наследству, а также обменивалось, т.е. посредством мены и др. способов, переходило от одного помещика – владельца (хозяина) поместья – к другому помещику вместе с крепостными крестьянами. Сам помещик выступал лишь как субъект, во владении которого находилась земля Великого Князя и Царя. Действительно, в Государстве Российском вплоть до 1917 г. единственными собственниками – хозяевами Земли Русской выступали Великие Князья, Цари, затем Императоры – Государя.

Согласно Указу «О единонаследии» (1714 г.) Царя Петра I, подготовленному после изучения опыта получения наследства в западноевропейских странах (Англии, Франции и др.), поместное владение и вотчина слились в единый институт земельной

собственности – *имение*. Упорядочение поместных правоотношений закрепилось еще ранее в *нормах поместного права* (глава XVI Соборного Уложения 1649 г.), принятых Царем Алексеем Михайловичем Романовым.

Петровский Указ «О единонаследии» исключал деление поместья, в нем закрепился институт «родового гнезда», когда связывались воедино бессрочная наследственная и потомственная служба владельца. Этот Указ положил начало формированию и развитию дворянской собственности.

Таким образом, Царем Петром I Алексеевичем Романовым был «выращен» *институт «родовых поместий»*, когда поместья передавались не другому помещику, а только потомкам рода в неделимых размерах. Петровские «родовые поместья» – основа гармоничного развития социо-культурно-экономических отношений, выразившихся позже в расцвете культуры, науки, армии, сохранении и размножении русского народа как главного богатства по М.В. Ломоносову, а позже по Д.И. Менделееву.

Родовые поместья. Дворянские усадьбы Тамбовщины. Участвуя в совместных научных проектах НИИ Философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, дважды удалось посетить великую Тамбовскую землю, в том числе и ее дворянские усадьбы. Используя данные виртуального историко-патриотического центра Тамбовской области «Путеводитель по Тамбову «Дворянские усадьбы Тамбовщины», возможно реконструировать Россию историческую и Россию культовую в контексте института дворянских усадеб – родовых поместий [6].

В Путеводителе представлены сохранившиеся до наших дней дворянские усадьбы Тамбовщины. Это, например, усадьба Воейковых в селе Ольшанка Уваровского района Тамбовской области. Она основана как «дворянское гнездо» генерал-майором Алексеем Васильевичем Воейковым вместе с женой в 1816 г. Это и знаменитая усадьба Чичериных в селе Караул Тамбовской области, основанная известным русским общественным деятелем и ученым Борисом Николаевичем Чичериным. В поселке Покрово-Чичерино Петровского района Тамбовской области (в 80 км от г. Тамбова) расположена вторая из четырех сельских усадеб дворянского рода Чичериных – усадьба его брата Васи-

лия Николаевича Чичерина, отца знаменитого советского дипломата Георгия Васильевича Чичерина.

Усадьба Загряжских – Строгановых в поселке городского типа Знаменка Тамбовщины остается памятником дворянских усадеб с начала XVIII в., основанная как родовое имение дворян Загряжских, впоследствии ставшей «дворянским гнездом» Строгановых. Родовое поместье великого русского и советского ученого В. И. Вернадского находится в селе Вернадовка Пичаевского района Тамбовской области. Музей-усадьба С.В. Рахманинова находится в Ивановке Тамбовской области. Семейное имение дворян Рахманиновых расположено в Старой Казинке Мичуринского района Тамбовской области недалеко от границы с Липецкой областью.

Дворянские усадьбы интересны нашим современникам. Это пример нашей национальной культуры, домостроения в рамках семейного хозяйства и даже более – домостроительства. Их институциональные основы и история науке известны.

Институциональные основы современных родовых поместий. В 2014 г. Госдума РФ приняла Федеральный Закон о выделении земли без платы всем гражданам в любом свободном месте. Закон был подписан Президентом РФ и вступил в силу с марта 2015 г. Согласно этому Закону земля предоставляется безвозмездно в пользование на пять лет, а после ее освоения навечно, безвозмездно в собственность. Однако ФЗ РФ о родовых поместьях в России до сих пор не принят. Закон о родовых поместьях на региональном уровне принят и действует лишь в Белгородской области.

Федеральный Закон о гектаре земли, предоставляемом государством гражданам РФ без платы, действует, однако процессы институционализации осложнены, например, действующими региональными постановлениями, незаинтересованностью региональных чиновников и др.

Например, в экопоселении «Дружное» Судогодского района Владимирской области юридические вопросы разрешаются следующим образом. Все земельные участки экопоселения размежевываются, каждому из них присваивают кадастровый номер. Оформление земельных участков происходит двумя путями по усмотрению их будущих собственников: либо путем договора купли-продажи, либо – дарения.

Земли в экопоселении имеют сельскохозяйственное назначение. Они могут использоваться для сельскохозяйственного производства как садоводческие и/или огороднические хозяйства согласно современному законодательству, а также под постройку дома.

Очевидно, что окончательная институционализация родовых поместий и экопоселений еще не произошла. Есть дефицит не только формальных институтов (законов, прежде всего отсутствие Федерального закона о родовых поместьях), но и неформальных институтов как традиций, привычек, обычаев. Разорвана неформальная институциональная нить, связывавшая людей с природой, жизнью в гармонии с ней и душой, с Авелевой цивилизацией. Посредством урбанизации по-прежнему строится Каинова (городская) цивилизация. Однако идет процесс возрождения Авелевой цивилизации, когда из больших городов, прежде всего мегаполисов, люди начали устремляться в экопоселения, родовые поселения.

Заключение. Россия историческая и Россия современная культурная предстает в виде переплетения истории и культуры дворянских усадеб – родовых поместий и современных родовых поселений и экопоселений как их совокупности, разбросанных в 61 субъекте РФ. Для широкой общественности и современной экономической науки новый феномен родовых поместий в России остается либо незамеченным, либо почитается как малозначимое явление. Однако философия хозяйства не только заметила этот феномен за горизонтом, но представила первые результаты анализа. В свете «Нового Домостроя», домоустройства в рамках семейного хозяйства позиционируются родовые поместья, как исторические традиционные, так и актуальные. За этим горизонтом родовых поместий прослеживается сохранение и размножение российского народа, а значит и будущее России.

Литература

1. Поместье // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1652244.html> (дата обращения 01.02.2019).
2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция XXXII: Поместное землевладение. М.: Мысль, 1983. С. 203–214.
3. *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2015. 1120 с.

4. Синельников С.Ю. Домоустройство в рамках семейного хозяйства (современный опыт) // *Философия хозяйства*. 2014. №3. С. 285–289.
5. Юдина Т.Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М.: ТЕИС, 2015. 448 с.
6. PATRIOT.TAMINFO.RU. Историко-патриотический центр Тамбовской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://patriot.taminfo.ru/spravka/usadba/page/2/> (дата обращений 10.10.2018).
7. Проект Федерального Закона «О родовом поместье и родовых поселениях». [Электронный ресурс]. URL: <http://rodpart.ru/zakon-o-rodovyx-pomestyax> (дата обращения 06.04.2019).

Горизонт седьмой.
Экология России
в природном и социальном векторах

7.1. Экологический императив развития

Т.С. Сухина

*Человечество не погибнет
в атомном кошмаре –
но задохнется в собственных отходах.*

Нильс Бор

Россия – богатая страна и, как ни парадоксально, в этом богатстве и кроется источник многих проблем. Страна богата территориями, природными ресурсами, людьми. И с этим во многом связаны такие черты россиян, как расточительность, безалаберность, небрежность. Нам кажется, что всего настолько много, что сколько бы мы ни тратили, всего на всех и еще надолго хватит.

Увеличение доходов населения и изменение образа жизни, во многом связанные с изменением ценностных ориентиров общества, с доминированием тенденции к сверхпотреблению, приводят к неуклонному росту отходов. Мы становимся заложниками развития цивилизации и своих возрастающих потребностей: чем лучше живем, тем больше потребляем различных товаров, а значит, производим больше мусора. Решение данной проблемы окружающей среды возможно только при определенном уровне экологической культуры общества, при принципиальном изменении отношения к тому, что, как и зачем мы потребляем, которое позволит изменить в сознании будущего поколения отношение к живой природе и полностью осознать, что мы живем на земле не ради мусора.

В различных странах, в том числе и в ЕС, принимаются серьезные меры для уменьшения количества отходов. При этом признается, что захоронение отходов на полигонах – не оптимальный вариант, значительно более эффективными мерами являются: создание безотходных технологий; изготовление изделий многократного использования; использование отремонтированных средств вместо покупки новых; конструирование изделий, требующих меньшее количества сырья; уменьшение количества отходов, поступающих для захоронения.

В новой редакции российского Закона «Об отходах» [1] в основных направлениях государственной политики в области обращения с отходами закреплён приоритет повторного использования, сокращения и предотвращения образования отходов, а также их сортировки и переработки перед захоронением и сжиганием. Но на практике все приоритеты как бы переворачиваются с ног на голову – на федеральном уровне получает поддержку мусоросжигание, в целом ряде регионов отдельный сбор отходов, сортировка и переработка оказываются верхом прогресса. За редким исключением систематическая организация мер, направленных на сокращение и предотвращение образования отходов, отсутствует в территориальных схемах и региональных программах по управлению отходами.

Несмотря на то, что для решения проблемы обезвреживания твердых бытовых отходов (ТБО) постоянно разрабатываются новые технологии, идеального способа устранения мусора, к сожалению, пока не существует. В целом управление отходами сводится к сокращению их образования, вторичной переработке, захоронению и сжиганию.

В России, по данным Росприроднадзора, ежегодно образуется порядка 35–40 млн т бытовых отходов. Каждый россиянин производит в среднем около 400 кг мусора в год. Практически весь объём твердых бытовых отходов в дальнейшем размещается на полигонах, санкционированных и несанкционированных свалках, и только 5–7% вовлекается в переработку [4].

Основная причина проблем с утилизацией мусора – отсутствие стратегии обращения с отходами. По сложившейся традиции, в большинстве регионов мусор просто вывозят на полигоны и там захоранивают. Ещё одна причина – отсутствие у людей культуры обращения с мусором. Часто сломанная мебель,

детали автомобилей, аккумуляторы, коробки из-под молока, пластиковые бутылки просто выбрасываются в ближайшие леса, овраги, канавы или под заборы.

Высокий процент захоронений отходов и низкий процент вовлечения ТБО в переработку связаны с отсутствием необходимой инфраструктуры, нехваткой предприятий-переработчиков. Способствовать решению проблемы утилизации бытовых отходов могло бы внедрение современных технологий и расширение возможностей для работы в этой сфере малого и среднего бизнеса, включая дополнительное стимулирование отрасли, в первую очередь ориентированной на вторичную переработку и вовлечение отходов в хозяйственный оборот [5].

Применение сортировки и переработки мусора позволяет снизить количество ежегодно накапливающихся отходов до 80%. Мусор, оставшийся после переработки всех пищевых отходов, макулатуры, пластика, стекла и текстиля, гораздо легче спрессовать и относительно безопасно захоронить.

После переработки из мусора можно производить массу полезных вещей. Например, макулатуру делят на 13 сортов – от отходов белой бумаги до старых обоев и мешков от цемента. Современные технологии позволяют превращать макулатуру в ткань, газетную бумагу, картон и рубероид.

Из пластиковых бутылок, других пластмассовых изделий и полиэтиленовых пакетов делают гранулы, которые потом используют при производстве таких же бутылок и прочей тары, а также тканей, одежды, игрушек, сантехнических труб и т.д.

Автомобильные шины измельчают в крошку, которую используют потом для изготовления напольных ковриков, подошв для обуви и дорожного покрытия – на 1 км дороги идет 14-15 т крошки. Благодаря этому асфальт делается устойчивым к перепадам температур и осадкам, а также поглощает шум от автотранспорта.

В странах Европы производится переработка почти 60% отходов. Ярким примером является Швеция, где захоронению подлежит всего 1% мусора, все остальное перерабатывается, причем большая часть отходов перерабатывается в электроэнергию. Эффективность программы такова, что Швеция импортирует 80000 т мусора из других стран, которые за эту переработку еще и платят ей деньги.

Пятую часть всех бытовых отходов России производят москвичи. Особенно остро в столице и области стоит проблема полигонного захоронения: многие полигоны уже переполнены, необходимо открывать новые – а это неизбежно нанесет дополнительный экологический ущерб региону.

Сегодня в расчете на одного человека Москва производит мусора в три раза больше, чем другие города России, что во многом связано с более высоким уровнем потребления среди москвичей. По подсчетам экспертов, ежегодный прирост бытовых отходов в столице составляет 2,5%. Это означает, что количество мусора удваивается каждые 40 лет [6]. Особенно остро эта проблема стоит в центральных районах города. Раздельный сбор мусора может способствовать значительному сокращению расходов на вывоз мусора за счет уменьшения количества отходов, вывозимых на полигоны и мусоросжигательные заводы, а сэкономленные средства могут быть направлены на другие нужды жителей города.

Кроме Московской области, предельный уровень загруженности мусорных полигонов наблюдается еще в девяти регионах, среди которых не только территории с высокой плотностью населения, как, например, Ленинградская область и Кабардино-Балкария, но и Калужская и Тверская области – регионы без переизбытка населения, но непосредственно граничащие со столичной агломерацией.

По наличию огромных мусорных полигонов мы не рекордсмены, гигантские свалки есть в разных частях света: в Азии, Северной и Южной Америке, Африке. Многие из них наносят непоправимый ущерб окружающей среде, становясь причиной пожаров, загрязнения почв, рек и подземных водоемов. Однако есть и положительные примеры использования мусора, когда свалки производят электроэнергию и биологическое топливо, перерабатывая поступающий мусор. Например, на крупнейшей свалке в Китае Xinfeng (Гуанчжоу), которая управляется французской компанией Veolia, работает мусоросжигательный завод, перерабатывающий около 2 тыс. т мусора в день, производя биогаз и электричество. Половину полученной энергии забирает Veolia, а вторая половина идет на нужды города [5].

Наряду с промышленными и бытовыми отходами значительную роль в ухудшении экологической обстановки и условий

жизни населения играет значительный рост отходов сельского хозяйства. В условиях современной России интенсификация развития агропромышленного комплекса становится фактором, оказывающим негативное влияние на состояние окружающей среды. Активный рост мощностей крупных молочных ферм, стремительное развитие предприятий промышленного свиноводства и птицеводства неизбежно сопровождаются ростом объемов отходов животноводства, из которых в настоящее время только небольшая часть перерабатывается, а подавляющее большинство складывается на прилегающих территориях. Это приводит не только к потере сельскохозяйственной земли за счет загрязнения и эрозии почвы, увеличению выброса парниковых газов в атмосферу, но и к значительному ухудшению условий жизни для жителей близлежащих населенных пунктов, обострению эпидемиологической обстановки.

В Европейских странах, значительно раньше столкнувшихся с проблемой утилизации отходов животноводства, одним из способов ее решения стало применение установок для анаэробного сбраживания для производства биогаза, которые позволяют решить как экологические проблемы, так и вырабатывать тепло, электроэнергию, органические удобрения. В Скандинавских странах, Англии, Австрии и Германии, где использование биогаза стимулируется на государственном уровне и достигает 20% произведенной энергии, с его помощью покрывается значительная часть энергозатрат в сельском хозяйстве. В последние десятилетия лидером в использовании биогаза в сельских районах становится Китай, где развитие биогазовой энергетики является одним из национальных приоритетов.

Сырьем для биогазовых установок могут быть практически любые сельскохозяйственные отходы. В России, где значительная часть населенных пунктов не имеет централизованного энергоснабжения, газоснабжения, теплосетей, эти технологии позволяют наряду с проблемами утилизации отходов решить проблемы автономного энергоснабжения. Наиболее эффективно комплексное использование установок с сопутствующим производством удобрений.

Использование биогазовых технологий для развития сельских территорий способствует росту занятости в сельской местности, росту технологического развития, повышению уровня автоном-

ности и уменьшению энергозависимости сельских территорий, возможности электрификации и теплоснабжения домашних хозяйств и сопутствующих инфраструктурных объектов [2]. Таким образом, развитие этих технологий, как показал опыт, в частности, Китая, в целом ведет к повышению уровня жизни в сельских районах, т.е. к формированию нового сельского уклада.

Для реальной эффективности использования биогаза в России необходимы меры государственной поддержки и создание эффективных финансовых стимулов.

Помочь в решении проблемы обезвреживания непрерывно образующихся ТБО может их сокращение. Производители должны для этого разрабатывать и внедрять безотходные и малоотходные технологии. А мы как потребители можем добиться предотвращения образования отходов, например, отказавшись от излишней упаковки и, используя, по возможности, предметы длительного пользования вместо одноразовых.

Проблема продовольственных и пищевых потерь привлекает все большее внимание российской и мировой общественности. Понятие «продовольственные потери» включает продовольствие, которое по ряду технических причин пропадает или теряет свои питательные качества до того момента, как вступает в стадию потребления, в то время как «пищевые отходы» – это продукты питания, которые дошли до стадии потребления, но в силу ряда причин были выброшены или отбракованы. Продовольственные и пищевые потери – не только затраченные впустую ресурсы, но и пагубное влияние на состояние климата и экологии.

На сегодняшний день, по данным экспертов ООН, сельскохозяйственные потери и пищевые отходы в среднем в мире достигают одной трети всего произведенного продовольствия. Сельскохозяйственные потери и пищевые отходы являются одним из главных факторов, способствующих изменению климата; на них приходится порядка 8% всех выбросов парниковых газов. По мнению экспертов, к 2050 г. потребуется на 60% больше продовольствия, а при сокращении потерь продовольствия и пищевых отходов вдвое потребуется увеличение производства лишь на 28%. Сокращение потерь и отходов гораздо эффективнее для повышения доступности пищевых продуктов, чем увеличение объемов производства [7].

К сожалению, при попытке следовать концепции «бережливости производства» и «бережливого потребления», являющимися важной частью концепции устойчивого развития, организации и отдельные граждане сталкиваются с рядом проблем:

– во-первых, отсутствием надежных данных о потерях продовольствия во всех звеньях цепочки от поля до мусорного контейнера, так как прежде ни Росстат, ни отраслевые министерства (Минэкономразвития, Минсельхоз, Минпромторг) не ставили перед собой такой задачи;

– во-вторых, отсутствием государственной стратегии сокращения потерь и официального признания своей ответственности в этом деле;

– в-третьих, отсутствием готовности предпринимателей принимать на себя имущественную ответственность за вред, причиняемый их производством и продукцией здоровью людей и окружающей среде, так как сегодня такой вред в России, как правило, не отслеживается, не оценивается и не сопровождается санкциями.

Для преодоления этих проблем, по мнению председателя Союза потребителей Российской Федерации Петра Щелища, необходимо «провести системный анализ продовольственных потерь на каждом этапе цепочки поставок от поля до прилавка и определяющих их факторов, и по результатам такого анализа разработать национальную программу снижения общего объема продовольственных потерь», «внести в налоговое законодательство изменения, освобождающие организацию, уценившую или безвозмездно направившую на благотворительные цели часть принадлежащих ей товаров с приближающимся сроком годности, от обложения налогом на прибыль и НДС от ее реализации по вмененным налоговым органом среднерыночным ценам».

Во Франции, которая возглавляет рейтинг стран, оценивающих экологическую и социальную эффективность производства и потребления продовольствия, еще в 2016 г. принят закон, требующий, чтобы супермаркеты отдавали нераспроданные продукты питания на благотворительные цели. Крупные рестораны обязаны перерабатывать остатки пищи, а также отдавать посетителям недоеденные блюда по их просьбе. Пример Франции использовали и другие страны Европы. Аналогичный закон о пищевых отходах приняла Италия, а Европейский парламент

призвал Еврокомиссию установить для стран-членов ЕС целевые показатели по снижению выбрасываемых продуктов к концу 2020 г.

Сегодня в России, в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге, все большую популярность среди активного населения приобретает движение «фудшеринг», который помогает организациям перестать выбрасывать еду, а людям – получать ее бесплатно и помогать это делать другим. «Фудшеринг» – это спасение нереализованных, но пригодных продуктов и распределение их людям бесплатно. Но движение, набирающее популярность во многих странах мира, в России сталкивается с тем, что товары, отданные в качестве благотворительности облагаются налогом на прибыль и НДС, вследствие чего крупнейшие гипермаркеты предпочитают не отдавать нереализованные продукты в благотворительные организации, а выбрасывать на свалку. Необходимо найти налоговый компромисс, который позволит уравнивать с финансовой точки зрения передачу товаров на благотворительность и утилизацию [8].

Не менее важно приучать и воспитывать общество на ценностях, принципах и стандартах, отвергающих избыточное потребление, со школьных лет обучая основам семейной экономики, товароведения, ресурсосбережения, «бережного производства», «зеленого» домостроения и домашнего хозяйства.

Для принятия экологического императива необходимы формирование нового мышления, переориентация большинства ценностных шкал человека, поскольку другое отношение к природе ставит нас перед необходимостью изменить свое отношение не только к природе, но и друг к другу [3].

В заключение еще раз подчеркнем: выполнение экологического императива требует формирования новой нравственности, новой морали.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 483-ФЗ «О внесении изменений в статью 291 Федерального закона «Об отходах производства и потребления». [Электронный ресурс]. URL: http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2018/53_1.htm (дата обращения 06.04.2018).

2. Кошелев В.М., Нургалиев Т.И. Экономические аспекты внедрения технологии производства биогаза в сельскохозяйственной организации. М.: Вестник федерального государственного образовательного учреж-

дения высшего профессионального образования Московский государственный агроинженерный институт имени В.П. Горячкина. 2015. № 6. С. 50–55.

3. Глобальная нравственность / Ассоц. «Действия в защиту биосферы» Фонда социал. изобрет. СССР и др. М.: ИНИОН, 1990. 31 с.

4. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://rpn.gov.ru/sites/all/files/users/rpnglavred/filebrowser/docs/doklad_po_tbo.pdf. (дата обращения 08.04.2018).

5. Самые крупные свалки мира // Today.kz. 2018. 25 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://robo-hunter.com/news/musornie-istorii-sposobi-pererabotki-i-utilizacii-othodov-v-rossii-i-mire10570>© robo-hunter.com. (дата обращения 06.04.2018).

6. Эксперт: москвичи производят вдвое больше мусора, чем жители других городов России // ТАСС. 2018. 28 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/moskva/4131356>. (дата обращения 06.04.2018).

7. Топ-15 крупнейших мусорных свалок мира // Вести. 2018. 16 апрель. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/100355?page=1>. (дата обращения 16.04.2018).

8. ФАО представила международный опыт по сокращению потерь продовольствия и пищевых отходов // Агротайм. 2019. 30 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://agrotime.info/?p=12801>. (дата обращения 08.04.2019).

7.2. Устойчивое лесопользование – настоятельная потребность времени

С.С. Нина

Одной из наиболее важных и сложных проблем современности является защита окружающей среды, в связи с чем возникает задача сохранения, приумножения и улучшения качества растительного покрова Земли, в том числе лесных насаждений. Лес – не только ресурсный потенциал, он выполняет социальные и защитные функции, является хранителем биоразнообразия, играет важнейшую роль в мировом углеродном балансе. Следовательно, лесопользование и охрана окружающей среды тесно взаимосвязаны, должны развиваться совместно и согласованно, исходя из понимания общности интересов и ценностей этих сфер деятельности.

Лес является частью одного из основных географических компонентов – биоты (сообщества организмов – растений, животных и микроорганизмов). Основные географические компоненты, к которым относятся массы твердой земной коры, массы гидросферы, воздушные массы атмосферы, биота, почва, климат и рельеф, взаимообусловлены в своем размещении и развиваются как единое целое [5]. Из тесной взаимообусловленности компонентов следует важный практический вывод – изменение структуры и функциональных свойств одного из компонентов или слагающих их элементов оказывает то или иное влияние на другие географические компоненты. Следовательно, человек, благоприятно воздействуя на лесные насаждения, способствует сохранению биологического равновесия в природе.

Идеи природоохранного лесопользования развивали еще наши лесоводы-классики И.П. Бородин, Г.Ф. Морозов и др. Первый в мире учебник по лесоводству был написан в 1804 г. Е.Ф. Зябловским (1765–1846), который известен как заслуженный профессор Петербургского университета первой половины XIX в. Представленные Зябловским примеры правильных лесоводственных основ по сути своей являются не чем иным, как аксиомами устойчивого лесопользования [8].

В истории развития российского лесоводства имеется богатый научный и практический опыт применения концепции устой-

чивого лесопользования и управлении лесами (М.К. Турский, К.Ф. Тюрмер, А.Т. Болотов, В.Я. Ломиковский, Ф.К. Арнольд и другие деятели отечественного лесоводства). В Никольской лесной даче, которая находится в центральной части Щелковского административного района Московской области, под руководством М.К. Турского (1840–1899) успешно осуществлялось непрерывное пользование лесом с целью получения древесины из растущих насаждений без нарушения лесной среды. Уровень неистощительного интенсивного лесопользования превышал современные показатели скандинавской модели, появившейся только сто лет спустя [7].

Таким образом, цели и задачи устойчивого лесопользования ставились ведущими российскими лесоведами еще в XIX – начале XX вв. Сегодня технические и технологические условия изменились, мир находится на пороге Четвертой промышленной революции, вопросы экологической среды, сохранения экосистемы и связанное с этим благосостояние общества становятся фундаментальными. Не потеряла своей актуальности и остроты проблема воспроизводства и сбережения лесов. Однако стремление получения прибыли от использования лесной продукции приводит в большинстве случаев к превалированию экономических интересов над экологическими.

Устойчивое лесопользование предполагает постоянное и неистощительное пользование лесом, стремление к увеличению доходности при сохранении устойчивости и жизнеспособности лесных экосистем.

В России, в условиях организационного разделения лесной отрасли на лесную промышленность и лесное хозяйство, при постановке целей сохранения и приумножения лесов, следует говорить об устойчивом развитии лесного хозяйства, осуществлении модели интенсивного лесного хозяйства [13]. Сейчас, когда речь заходит о лесопользовании, на первый план выходит его наиболее экономически прибыльная часть – получение дохода от заготовки и сбыта древесины и изделий из нее. Ущерб от истощения и деградации лесной среды как антропогенного, так и природного характера частично компенсируется лесохозяйственными мероприятиями. Но как основной субъект деятельности по обеспечению всего комплекса экосистемных услуг, сохранности природных, материальных и информационных

носителей биоразнообразия, лесное хозяйство находится в проигрышном в экономическом отношении положении.

В настоящее время деревообрабатывающая промышленность – один из динамично развивающихся секторов экономики России. Индекс производственной активности по деревообработке во II квартале 2018 г. вырос на 11%, в июне 2018 г. – на 15%, что больше, чем в любой другой обрабатывающей промышленности России [1]. Однако, как отмечается в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г., вклад лесного сектора в экономику России незначителен по сравнению с ресурсным потенциалом и аналогичными показателями других стран, обладающих близкими средними эксплуатационными запасами древесины [10]. В связи с этим поставлена задача повышения производительности и конкурентоспособности предприятий лесопромышленного комплекса, устранения структурных ограничений экономического роста.

Россия является крупнейшим экспортером сырьевых товаров и продукции первичной обработки древесины. Начиная с 2014 г. происходит увеличение доли основных лесопромышленных товаров в общем объеме экспорта из России с 1,7% в 2014 г. до 2,0% в 2015 г. и далее до 2,4% в 2016 г. [2]. Несмотря на введение в 2008 г. высокого экспортного тарифа на круглый лес, вывоз его за границу продолжается, хотя и в меньших объемах, ежегодно увеличиваются объемы экспорта хвойных пиломатериалов и других изделий из древесины.

Современные тенденции на мировом рынке энергоносителей определяют высокий спрос на возобновляемые источники энергии, одним из которых является древесина и отходы деревообрабатывающих производств. Россия выходит в число мировых лидеров по производству древесных гранул (пеллет). В первой половине 2017 г. отмечен рост производства пеллет на 50%. По итогам 2017 г. в России было произведено порядка 1,5 млн т пеллет, и, несмотря на спад объемов производства пеллет в 2018 г., зафиксированный Росстатом, российские производители чувствуют себя уверенно, создаются новые предприятия. В дальнейшем аналитики прогнозируют рост объемов пеллетного производства в России и в мире [11]. Российские производители ориентированы преимущественно на внешний рынок (Европа, Япония, Корея страны Юго-Восточной Азии).

Растущий спрос и возможности получения большей прибыли на зарубежных рынках по сравнению с отечественными могут привести к использованию для производства пеллет не только отходов лесоперерабатывающего производства, но и крупной деловой древесины.

Аналитические исследования показывают, что российская лесная промышленность остается зависимой от конъюнктуры на экспортных рынках. Предприятия, ориентированные на экспорт продукции, оказываются в лучших экономических условиях по сравнению с производителями продукции для реализации внутри страны. Анализ тенденций в области сырьевого и технологического обеспечения развития биоэнергетики в России на данный момент приводит к выводу о ее экспортно-сырьевой специализации, характерной для всего отечественного топливно-энергетического комплекса, в ущерб собственной экологии.

Сегодня многие лесоперерабатывающие компании испытывают дефицит сырья. Внедрение современных производственных мощностей глубокой переработки древесины, прогресс в лесозаготовительных и деревообрабатывающих технологиях не приводят к существенному снижению потребностей в первичном сырье и уменьшению объема вырубаемой древесины. Истощение лесосырьевой базы, снижение доли хвойных пород по площади и запасу вынуждают лесозаготовительные предприятия захватывать новые лесные территории.

Сокращение площади лесов приводит к дальнейшему вовлечению в лесоразработку малонарушенных лесных территорий и особо охраняемых лесов, которые составляют уникальный экологический каркас планеты, являются естественным банком биоразнообразия. Получить равнозначные по ценности лесные насаждения вместо утраченных на этих территориях практически невозможно.

В 2015 г. девственные леса составляли 33% мировых лесов, что соответствует около 1,3 млрд га. Более половины девственных лесов мира сосредоточено лишь в трех странах – Бразилии, Канаде и Российской Федерации [4]. Эти же страны являются лидерами по утрате площадей малонарушенных лесных территорий. Ежегодно сокращение площади этих лесов происходит вследствие пожаров, рубок, разведки и добычи полезных ископаемых, развития городской и транспортной инфраструктур.

В России сокращение малонарушенных лесных территорий и лесов высокой природоохранной ценности наблюдается в большей степени в Красноярском крае, Архангельской и Иркутской областях [6].

Поиск кардинального решения задачи сохранения лесов может вестись в следующих направлениях:

1) изобретение и широкое использование материалов-заменителей, производимых без использования древесины (композиты на основе полимеров, минерального и углеводородного сырья);

2) внедрение новых технологий, не требующих использования древесного естественно-природного сырья (безбумажные информационные технологии, альтернативная энергетика);

3) использование технологий целевого плантационного интенсивного лесовосстановления на индустриально освоенных участках;

4) улучшение структуры и функционирования лесных земель (лесовосстановление, лесоразведение, лесная и ландшафтная рекультивация и т. п.).

Существует много различных мероприятий и приемов, направленных на охрану, повышение устойчивости и качества лесных земель, а в результате – их экологических, социальных и экономических функций. Прежде всего необходимо повысить уровень осознания населением – простыми людьми, специалистами лесной отрасли и смежных профессий, органами управления – значимости леса, зеленых насаждений, защитных зон и экологических каркасов как одного из основных факторов, стабилизирующих экологическую обстановку,

Приоритетность принципа сохранения и воспроизводства лесов в России отмечена в Федеральном законе (19.07.2018 г.) «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения», который вступил в силу с 01.01.2019 г. [12]. Этот документ отражает такой аспект неистощительного лесопользования, как компенсационное лесовосстановление, направленное на комплексное сохранение российских лесов.

Выполнение задач улучшения качества и товарной структуры лесного фонда, интенсивного воспроизводства лесных ресурсов

невозможно без повышения значимости и роли лесного хозяйства, его инвестиционной привлекательности. Модель «грамотного лесного хозяйства» основана на долгосрочной цели – создании ценного жизнеспособного насаждения, выполняющего определенные функции. Эта цель достигается осуществлением комплекса мероприятий: ландшафтным планированием, лесовосстановлением целевых пород, производством генетически ценного посадочного материала, систематическим агротехническим и лесоводственным уходом за растущими насаждениями, охраной и защитой леса [13]. Важными составляющими также являются внедрение современных научных разработок в технической, биологической и других областях, подготовка квалифицированных кадров. Все это позволит повысить эффективность лесохозяйственных мероприятий и сделает инвестиции в лесовосстановление более оправданными.

Сдерживающими факторами внедрения системы устойчивого интенсивного лесного хозяйства в России являются: слабая система информирования о состоянии лесного фонда, низкая инвестиционная привлекательность, несопоставимость горизонта планирования компаний с ротационным периодом лесовыращивания [13].

Модель интенсивного лесного хозяйства хорошо зарекомендовала себя в Финляндии, Швеции. Однако российские экономические, нормативно-правовые и природные условия отличаются, поэтому не стоит копировать опыт этих стран, но при разработке собственной модели следует его учитывать. Увлечение плантационным выращиванием лесных культур при реализации модели интенсивного лесного хозяйства привело к преобразованию лесов в однопородные плантации, обеднению видового состава и качества насаждений, в связи с чем в европейских странах вынужденно переходят на ландшафтно-экологическое планирование, закладку смешанных лесных культур, выделение и сохранение биотопов, проведение рубок с максимальным сохранением лесной среды на вырубках.

Экологическая значимость лесохозяйственных лесовосстановительных мероприятий отражается при фитолесомелиорации, ландшафтной рекультивации нарушенных земель, использовании для лесовосстановления заброшенных сельскохозяйственных угодий.

Значительное отрицательное влияние на природную среду оказывает техногенное воздействие. Отвалы пустой породы, бытового строительного и промышленного мусора, терриконы, карьеры и свалки вызывают нарушение равновесия в природе, ухудшение качества грунтовых вод, изменение воздушных потоков, ослабление регенерационного потенциала ландшафта формируют вторичные гравигенные процессы – дают начало обвалам осыпям, размыву, развеванию грунта. На нарушенных территориях проводится комплекс технических, биологических мероприятий, способствующих закреплению почв и растительного покрова, сохранению способности природных сообществ к самовосстановлению, повышению устойчивости и экологической эффективности естественных фитоценозов, созданию растительного ландшафта, формированию комфортной и благоприятной окружающей среды.

В результате ландшафтной рекультивации пригородных территорий с учетом градостроительной деятельности и рекреационных потребностей населения существующий ландшафт, зачастую не пригодный для рекреации геоморфологических, санитарно-гигиенических, медико-биологических, эстетических и других отношений, преобразуется в ландшафт, благоприятный для различных видов комфортного, здорового и культурного отдыха [9].

Экономическая эффективность различных хозяйственных сторон лесопользования зависит от грамотной методики расчета, оценки баланса затрат и выгод. При экономической оценке лесопользования следует учитывать не только прямые затраты и получаемые материальные выгоды, но и косвенные – экологические и социальные аспекты, значимые для жизни и деятельности человека.

Сферой деятельности лесного хозяйства являются природные объекты, лесные насаждения, нарушенные лесные территории. Экономическая оценка лесохозяйственных мероприятий, не как затратных, а как приносящих определенную ценность и стоимость, возможна, если при расчете эффективности и результативности лесохозяйственной деятельности использовать концепцию общей экономической ценности. Эта концепция, разработанная в 1990-е гг. для определения ценности природы, применяется при оценке природных объектов, биоразнообразия

и позволяет учесть не только прямые ресурсные функции, но и регулирующие, ассимиляционные функции, природные услуги [3]. При расчете общей экономической стоимости складываются:

1) стоимость использования – потребительная, которая в свою очередь состоит из прямой стоимости использования, позволяющей получать непосредственную материальную выгоду, косвенной стоимости использования (экологические функции) и стоимости отложенной альтернативы (потенциальные выгоды);

2) стоимость неиспользования (экономическая оценка социальных, этических и эстетических аспектов природы).

В этом случае экономическая оценка природных ценностей и выгод от проведения лесохозяйственных мероприятий ведет к изменению приоритетов в экономических решениях, утверждению принципов рационального и устойчивого воспроизводства лесных ресурсов.

Для решения задачи поиска оптимального баланса между целями устойчивого лесопользования и ростом объемов извлечения современным обществом экосистемных услуг необходимы инициативы на государственном уровне. Сохранение и приумножение лесных ресурсов и их полезностей требуют комплексного подхода, учитывающего исторический опыт лесного дела в России, современные научные разработки и зарубежный опыт ведения лесного хозяйства.

Литература

1. Аналитический обзор «Лесной комплекс России в 2017–2018 гг.». [Электронный ресурс]. URL: <http://whatwood.ru/lesnoy-kompleks-rossii-v-2017-2018/>. (дата обращения 16.04.2018).

2. *Бесчастнов А.* Российский ЛПК в 2017 году Конец кризиса? // Леспроминформ. 2017. № 6 (128). [Электронный ресурс]. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4779>. (дата обращения 10.04.2018).

3. *Бобылев С.Н.* Экономическая оценка биоразнообразия / сб. по мат-ам конф. «Экономические механизмы сохранения живой природы». Нижний Новгород. 17-18 апреля. 2002.

4. Глобальная оценка лесных ресурсов 2015. Как меняются леса мира. ФАО ООН. Рим, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4793r.pdf>. (дата обращения 16.07.2018).

5. *Исаченко А.Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1991.

6. *Карпачевский М., Аксенов Д. и др.* Малонарушенные лесные территории России: современное состояние и утраты за последние 13 лет // Устойчивое лесопользование. № 2 (42). 2015: [Электронный ресурс]. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/c21/01-3_.pdf. (дата обращения 01.11.2018).

7. *Мерзленко М., Мельник П.* Никольская лесная дача Щелковского учебно-опытного лесхоза МГУЛ // Примеры отечественного опыта устойчивого лесопользования и лесопользования: сб. статей / под общ. ред. Н. Шматкова; Всемирный фонд дикой природы (WWF). М.: WWF России, 2013. С. 151–176.

8. *Мерзленко М.Д., Бабич Н.Л.* Выдающиеся лесоводы-лесокультурники России: Биографический справочник. АГТУ; МГУЛ, 2005. 148 с.

9. *Нина С.С.* К вопросу о стимулирующей роли экологического обеспечения социально-экономического развития урбанизированных территорий // Проблемы современной экономики. 2016. № 4. С. 192–195.

10. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/cA4eYSe0MObgNpm5hSavTdIxID77KCTL.pdf>. (дата обращения 01.11.2018).

11. Специализированный аналитический обзор по рынку топливных гранул. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infobio.ru/>. (дата обращения 01.11.2018).

12. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550679932> (дата обращения 01.11.2018).

13. *Шматков Н.* Интенсивное лесопользование или лесное хозяйство? Перспективы развития и риски интенсивной модели: взгляд WWF. [Электронный ресурс]. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/6ca/shmatkov_n.pdf (дата обращения 22.01.2018).

Заключение

Сегодня, в 2019 г., можно определенно констатировать, что на российских просторах возникла, весьма уже системно оформившись, новая Россия, как раз та самая Россия, которая только и могла явиться по итогам революции рубежа 1980–1990-х гг. и по реформенным лекалам 1990–2000-х гг., одним словом – пореформенная Россия: капиталистическая, глобализованная, в то же время и социальная, национальная, этатизированная, сочетающая частную свободу с азиатским (в политэкономическом смысле) деспотизмом – финансово-административным, немало и криминализированным (вне- или паразаконным).

Своеобразная это Россия, а может, и не Россия вовсе, а прикрывающееся номинальной исторической Россией некое новое гибридное существо, не имеющее адекватного определения, кроме разве *гибридной (Не)России*.

Да, что-то тут, в России, явно уже сложилось, причем именно *по*-реформенное, а не *пост*-реформенное, к которому так настойчиво призывало в ходе формирования и продолжает призывать до сих пор вселенное в данную монографию научно-экспертно-размыслительное сообщество.

Пореформенная – значит гибридная, странная, может, даже и уродливая, а вот постреформенная – нормальная, самой себе соответствующая, органическая Россия. Такой России еще нет, хотя она и просится настойчиво в новейшую экзистенциальную явь, не только вибрируя своими горизонтами, но и трепеща всем своим пока еще гибридным, а не самостным телом.

На титульном рисунке сия трепещущая Россия всматривается озабоченно в саму себя – зеркальную: «Сбудется что-то или не сбудется?», а вдруг на не своем, гибридном, а потому и неустойчивом, основании Россия возьмет и... опрокинется!... в ту же бездну небытийную, но нет, сие не произойдет, ибо Россия на то и Россия, чтобы, гуляя по краю бездны, отпрядивать от нее и

выходить, несмотря ни на что, к самой себе – всегда обновленной и всегда в той или иной степени российской.

Россия не так страна, как идея, концепт, проект, вполне и сакральная идея – концепт, проект, заслуживающие не просто интеллектуального признания, а... веры – *большой общей веры*, и вера эта не только есть в «глубинном народе» (коренном, так сказать), но и всю – осознанно или нет – работает, отчего Россия не только никуда нынче не делась, но и ждет своего действительно российского воплощения, для сего, правда, всем завязанным россиянам надо еще много и основательно потрудиться.

Вперед, Россия, да сбудется!

Ю.М. Осипов

Сведения об авторах

Осипов Юрий Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (osipov.msu@mail.ru).

Смагина Валентина Викторовна,

доктор экономических наук, профессор, проректор – главный ученый секретарь, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов (troveo@mail.ru).

Нипа Светлана Станиславовна,

кандидат сельскохозяйственных наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (nira-ss@mail.ru).

Сухина Татьяна Сергеевна,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (tssmsu@mail.ru).

Альпидовская Марина Леонидовна,

доктор экономических наук, профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва (morskaya67@bk.ru)

Бугаян Илья Рубенович,

доктор экономических наук, профессор, Южно-российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия (bugayan-ir@mail.ru).

Гелисханов Ислам Зелимханович,

соискатель, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, (cmcspec@gmail.com).

Гузев Михаил Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский (guzev@vgi.volsu.ru).

Доброчеев Олег Викторович,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва (olegdobro@list.ru).

Зотова Елена Серафимовна,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (eszotova@mail.ru).

Кашицын Виктор Валентинович,

кандидат экономических наук, профессор, Государственный морской Университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск (kash_vic@mail.ru).

Королев Владимир Константинович,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (vkorolev@sfedu.ru).

Кузнецов Алексей Владимирович,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (kuznetsov0572@mail.ru).

Лисюнин Виктор,

кандидат исторических наук, протоиерей, Тамбов (troveo@mail.ru).

Наумова Галина Романовна,

доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (al.nikonof@yandex.ru).

Недзвецкая Наталья Павловна,

кандидат экономических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (npprostakova@yandex.ru).

Рукин Владимир Алексеевич,

руководитель, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области, Тамбов (stat@tmbfsgs.lanta-net.ru)

Румянцев Михаил Алексеевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет (churila@yandex.ru).

Смирнов Игорь Павлович,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (post123_2000@mail.ru).

Стрекалов Николай Васильевич,

соискатель, МГТУ им. Н.Э Баумана, советник государственной гражданской службы города Москвы 3-го класса (troveo@mail.ru).

Шулевский Николай Борисович,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (shylevsk@mail.ru).

Юдина Тамара Николаевна,

доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (orchidflower@list.ru).

Юхачев Сергей Петрович,

доктор экономических наук, доцент, Управление экономической политики Администрации Тамбовской области, Тамбов (post@ekon.tambov.gov.ru).

Information about authors

Osipov Yuri Mikhailovich,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow (osipov.msu@mail.ru).

Smagina Valentina Viktorovna,

Doctor of Economics, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov (troveo@mail.ru).

Nipa Svetlana Stanislavovna,

Candidate of Agricultural Sciences, Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow (nipa-ss@mail.ru).

Sukhina Tatiana Sergeevna,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow (tssmsu@mail.ru).

Alpidovskaia Marina Leonidovna,

Doctor of Economics, Professor, Department of Theoretical Economy, Financial University, Moscow, Russia (morskaya67@bk.ru).

Bugayan Ilia Rubenovich,

Doctor of Economics, Professor, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia (bugayan-ir@mail.ru).

Geliskhanov Islam Zelimkhanovich,

Postgraduate, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow (cmcspec@gmail.com).

Guzev Mikhail Mikhaylovich,

Doctor of Economics, Professor, Volzhskiy Branch of Volgograd State University, Volzhskiy, Russia (guzev@vgi.volsu.ru).

Dobrocheev Oleg Viktorovich,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, National Research Center «Kurchatov Institute», Moscow (olegdobro@list.ru).

Zotova Elena Seraphimovna,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (eszotova@mail.ru).

Kashitsin Viktor Valentinovich,

Candidate of Economics, Professor, Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk (kash_vic@mail.ru).

Korolev Vladimir Konstantinovich,

Doctor of Philosophy, Professor, Department of the Theory Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, South Federal University, Rostov-on-Don (vkorolev@sfedu.ru)

Kuznetsov Alexei Vladimirovich,

Doctor of Economics, senior researche, Professor, Senior Researcher, Department of World Economics and World Finances, Financial University Under the Government of Russia Federation, Moscow, Russia (kuznetsov 0572@ mail.ru).

Lisyunin Viktor,

Candidate of Historical Sciences, Archpriest, Tambov (troveo@mail.ru).

Naumova Galina Romanovna,

Doctor of History, Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (al.nikonof@yandex.ru).

Nedzvetskaya Natalia Pavlovna,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow state University, Moscow (npprostakova@yandex.ru).

Rukin Vladimir Alekseevich,

Head of the Federal State Statistics Service for the Tambov Region, Tambov (stat@tmbfsgs.lanta-net.ru).

Rumyantsev Mikhail Alekseevich,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory, St. Petersburg State University (churila@yandex.ru).

Smirnov Igor Pavlovitch,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(post123_2000@mail.ru).

Strekalov Nikolai Vasilievich,

Postgraduate, Bauman Moscow State Technical University,
Counsel to the State Civil Service of Moscow, 3rd class (troveo@
mail.ru).

Shulevski Nikolai Borisovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of
Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(shylevsk@mail.ru).

Yudina Tamara Nikolaevna,

Doctor of Economics, Associate Professor, Senior Researcher,
Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University,
Moscow (orchidflower@list.ru).

Yukhachev Sergey Petrovich,

Doctor of Economics, Associate Professor, Department of
Economic Policy Administration of the Tambov region (post@ekon.
tambov.gov.ru).

Содержание

Россия сегодня: вибрирующие горизонты (Ю.М. Осипов)	3
--	---

Горизонт первый.

Россия и XXI век: движение к иной экзистенциальной модели

1.1. Вибрирующие горизонты России Ю.М. Осипов	5
1.2. Россия в крепко затянутом современном мирохозяйственном гордиевом узле и ее бытийно-экзистенциальные перспективы В.В. Кашицын	17
1.3. Россия как глобальная альтерсистема А.В. Кузнецов	24

Горизонт второй.

Мировоззренческая парадигма для новой России

2.1. Новый мировоззренческий прорыв – новая когнитивная революция! Ю.М. Осипов	38
2.2. Горизонты модернизации в парадигме отечественного консерватизма В.К. Королев	50
2.3. О новой когнитивной революции Ю.М. Осипова О.В. Доброчеев	68
2.4. Номо и Рацио в современной России Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова.....	80

Горизонт третий.

Россия в поисках суверенного техно-экономического будущего

3.1. Российская перспектива: от вибрирующих горизонтов к устойчивой самостоятельности и инфраструктурной власти М.А. Румянцев	110
---	-----

3.2. Научная платформа экономического планирования: социальный вектор <i>В.В. Смагина, Н.В. Стрекалов</i>	121
3.3. Россия и мир: вибрации роста <i>С.П. Юхачев</i>	126
3.4. Влияние технократических тенденций на изменение субординации факторов производства, субъектов власти, политических целей и элит <i>И.Р. Бугаян</i>	131

Горизонт четвертый.

Оцифрованные времена: натиски, ожидания и риски

4.1. Сама себе цифра <i>Ю.М. Осипов</i>	140
4.2. Минотавр экономизма в лабиринте России (Софиасофские тезисы русского бытия) <i>Н.Б. Шулевский</i>	145
4.3. Человек в новом информационном обществе отчуждения <i>М.Л. Альпидовская</i>	157
4.4. Проблемы цифровой экономики в России <i>Н.П. Недзвецкая</i>	166
4.5. «Цифровая экономика» в зеркале и зазеркалье философии хозяйства и политической экономии <i>Т.Н. Юдина, И.З. Гелисханов</i>	172

Горизонт пятый.

Актуальная Россия в цифрах и фактах

5.1. Путешествие из Волгограда в Тамбов: что за горизонтом? <i>М.М. Гузев</i>	176
5.2. Развитие региона в цифрах статистики <i>В.А. Рукин</i>	188

Горизонт шестой.

Россия: историческая память

6.1. Историческая память: проблемы и перспективы исследования <i>Г.Р. Наумова, И.П. Смирнов</i>	195
---	-----

6.2. Участие православного духовенства в процессе реформирования системы образования в конце XIX – начале XX века <i>Протоиерей Виктор Лисюнин</i>	213
6.3. Россия историческая и Россия культовая: «Родовые поместья» и экопоселения как их совокупность в контексте «Нового Домостроя» и истории <i>Т.Н. Юдина</i>	224

Горизонт седьмой.

Экология России в природном и социальном векторах

7.1. Экологический императив развития <i>Т.С. Сухина</i>	232
7.2. Устойчивое лесопользование – настоящая потребность времени <i>С.С. Нина</i>	241
Заключение	250
Сведения об авторах	252

Content

Russia Today: Vibrating Horizons (<i>Yu. M. Osipov</i>)	3
--	---

The First Horizon.

Russia and the 21st Century: the Movement to Other Existential Model

1.1. Vibrating Horizons of Russia <i>Yu.M. Osipov</i>	5
1.2. Russia in the Modern World Economy and its Existential Prospects <i>V.V. Kashitsin</i>	17
1.3. Russia as a Global Intersystem <i>A.V. Kuznetsov</i>	24

The Second Horizon.

World Outlook Paradigm for new Russia

2.1. New ideological breakthrough – the new cognitive revolution! <i>Yu.M. Osipov</i>	38
2.2. Modernization’s Horizons in Native Conservatism Paradigm <i>V.K. Korolev</i>	50
2.3. About Osipov's new cognitive revolution <i>O.V. Dobrocheev</i>	68
2.4. Nomo and Ratio in Modern Russia <i>N.B. Shulevsky, E.S. Zotova</i>	80

The Third Horizon.

Russia in a Search of the Sovereign Techno and Economic Future

3.1. Russian Perspective: from Vibrating Horizons to Sustainable Amateur Performance and Infrastructure Power <i>M.A. Rumyantsev</i>	110
3.2. Scientific Platform of Economic Planning: Social Vector <i>V.V. Smagina, N.V. Strekalov</i>	121
3.3. Russia and the world: vibrations of growth <i>S.P. Yukhachev</i>	126

3.4. The Influence of the Technocratic Tendencies in the Change of Subordination of the Factors of Production, Subjects of Power, Political Goals and Elite <i>I.R. Bugayan</i>	131
--	-----

The Fourth Horizon.

Digitized Time: Pressures, Expectations and Risks

4.1. A Digit as Itself <i>Yu.M. Osipov</i>	140
4.2. Minotaur of Economism in the Labyrinth of Russia (Sophiasophia Theses of the Russian Life) <i>N.B. Shulevsky</i>	145
4.3. Man in the New Information Society of Alienation <i>M.L. Alpidovskaya</i>	157
4.4. Problems of Russian's Digital Economy <i>N.P. Nedzvetskaya</i>	166
4.5. The Fourth Horizon: «Digital Economy» in the Mirror and the Looking Glass of Philosophy of Economy and Political Economy <i>T.N. Yudina, I.Z. Gelickhanov</i>	172

The Fifth Horizon.

Relevant Russia in Figures and Facts

5.1. Travelling from Volgograd to Tambov: What is Beyond the Horizon? <i>M.M. Guzev</i>	176
5.2. Development of the Region in Statistics <i>V.A. Rukin</i>	188

The Sixth Horizon.

Russia: Historical Memory

6.1. Historical Memory: Problems and Prospects of Research <i>G.R. Naumova, I.P. Smirnov</i>	195
6.2. Participation of Orthodox Clergy in the Process of Reforming the Education System in the Late XIX – early XX Century <i>Viktor Lisyunin Archpriest</i>	213
6.3. «Ancestral estates» and ecovillages as their plurality in the context of «Neo Domostroy» <i>T.N. Yudina</i>	224

The Seventh Horizon.

Russia's Ecology in Natural and Social Vectors

7.1. Ecological Imperative of Development <i>T.S. Sukhina</i>	232
7.2. Sustainable Forest Management – an Urgent Need of the Time <i>S.S. Nipa</i>	241
Conclusion	250
Author Information	252

Научное издание

Россия: вибрирующие горизонты

*Монография по итогам
Всероссийской научно-практической конференции*

Под редакцией
Осипова Юрия Михайловича
Смагиной Валентины Викторовны,
Нипа Светланы Станиславовны,
Сухиной Татьяны Сергеевны

ISBN 978-5-00078-272-9

Подписано в печать 14.05.2019 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1534. Тираж 500 экз. Заказ 19199.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г